

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

Ж. ДЕЛАБОРД
Х. ЛОФС

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

(ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ
и ПАТАГОНИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»
МОСКВА
1969

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Книга подготовлена
ПРИ УЧАСТИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

JEAN DELABORDE UND DR.
HELMUT LOOFS
AM RANDE DER WELT
(PATAGONIEN UND FEUERLAND)
BERLIN

Перевод с немецкого
И. С. САМЫЛИНОЙ и О. В. МИХЕЕВОЙ

Автор послесловия
Б. В. АНДРИАНОВ

Фото авторов

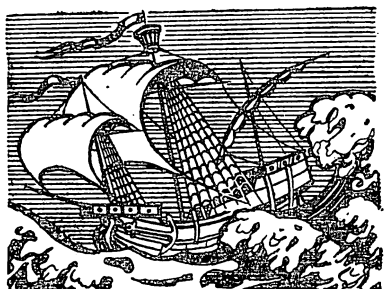
Делаборд Ж. и Лоофс Х.

Д 29 На краю земли. (Огненная Земля и Патагония). Пер. с нем., М., «Мысль», 1969.

128 с. с илл. и карт.; 16 л. илл. (Путешествия. Приключения. Фантастика).

В книге дается описание природы, городов и поселков Огненной Земли и Патагонии, жизни овцеводов, лесорубов, рыбаков и моряков, рассказывается об истории индейских племен, приводятся различные гипотезы и теории их происхождения, говорится о сырьевых богатствах этой далекой территории и о их использовании.

2-8-1
194-69

Краткое вступление к длительному путешествию

Читая книги и учаь в школе, дети обычно мало заботятся о последовательности исторических событий, весело располагая их вперемешку и придерживаясь хронологии по своему усмотрению. Эта хронология определяется для них только любимыми событиями и долго противостоит усилиям учителей и учебников.

Поэтому так получилось, что для меня Жюль Верн открыл Патагонию до Магеллана — по той простой причине, что в восьмилетнем возрасте я восхищался скитаниями на краю земли детей капитана Гранта, между тем о Fernão de Magelhaes (Ферньоа де Магельянш) я узнал только спустя пять лет из картинки в учебнике истории. Автор учебника был не более скучным, чем какой-либо другой; на мой взгляд, у него был только один недостаток: он опоздал. Ни героический путь испанских каравелл, искавших на конце земли прохода на запад, ни упорство их адмирала, ни отчаяние и страдания экипажей в Пуэрто-Амбре — «голодном порту» — не могли изгладить из моей памяти того, что произошло там только спустя три столетия: прибытие «Дункана» в пролив и его медленное продвижение в путанице островов. Впрочем, приключения семьи Гранта в поисках отца, по крайней мере патагонский эпизод, менее драматичны, чем приключения матросов Магеллана. То, что эти приключения к тому же выдуманы, в то время как в Пуэрто-Амбре еще и сегодня находят скелеты умерших голодной смертью моряков, ничего не меняет: Жюль Верн был там первым!

Быть может, и для других читателей Патагония и Огненная Земля остались далекими, пустынными странами, овеянными впечатлениями детства; странами, открытыми ими в десятилетнем возрасте благодаря Жюлю Верну. Мне бы хотелось, хотя одновременно я и боюсь этого, чтобы они перелистали нашу книгу с желанием вновь пережить свои мечты, точно так же, как при внезапном пробуждении иногда

безуспешно пытаешься удержать ускользающий сон. Как и я, они захотят вновь пережить то чувство бесконечного величия, которое вызывали серо-бурые гравюры на меди первых изданий Жюль Верна почти столетней давности. Читатель будет ожидать индейца Таллаве, чтобы пройти с ним по неизведанным тропам вместе с пассажирами «Дункана»; захочет снова увидеть всевозможных редких животных: страуса нанду или реа, гуанако, патагонских родичей северных лам, кондоров на склоне Анд, китов в фиордах и морских львов на побережье океана...

Если иностранец дал завлечь себя на край земли и решил остаться там на долгое время, чтобы попытаться описать жизнь этого обширного края, то ему не захочется ни составлять, ни проверять экономические и социальные статистические материалы или заниматься исследованиями в области политики. Заранее известно, что там много места и мало людей, а единственное богатство края — овечья шерсть и нефть. Чувствуется, что люди там до сих пор не пытались думать ни о чем другом, как только выжить, поддерживать свое существование, добиться материального успеха. Поэтому в области искусства и духовной жизни ожидать ничего не приходится. Здесь не увидишь ни великолепных древних соборов Перу, ни современных дворцов из бетона Буэнос-Айреса и Сантьяго-де-Чили и их музеев, в которых сохраняется и воскресает южноамериканская культура. Ацтеки и инки оставили на севере Южной Америки бесчисленные следы своего гения, а кочевые индейцы южной пампы не воздвигли ни одной стены, не проложили ни одной дороги и не построили ни одного города. Единственные их следы, сохранившиеся на побережье Огненной Земли и провинции Магальянес, — высокие кучи ребристых темных раковин — отбросы пищи многих поколений прибрежных индейцев.

Что еще можно найти на этих плоских, унылых, лишенных каких-либо красот берегах? Непривлекательные гавани с их негнотливым ритмом работы; вдоль набережных, забитых грудями тюков шерсти, несколько домов из досок или гофрированного железа и безотрадный хаос бараков по обочине черных дорог, которые, как артерии жизни, тянутся в глубь страны, чтобы утвердить господство людей над землей, которая так неохотно их принимает. Очень скоро замечаешь, что эта земля создана не для людей, а для овец и человек здесь только слуга и повелитель огромного овечьего стада: в одной лишь чилийской части Патагонии насчитывается три миллиона овец. Группы построек ничем не трогают

сердца, ничто не заслуживает дружелюбного или одобрительного взгляда. Недавно родившиеся города еще не имеют своей истории и ничего не сделали для того, чтобы заставить трудовой люд благоустроить и приукрасить их, а может быть, после нескольких неумелых и трогательных попыток они отказались от этой затеи.

За прибрежными селениями, за горизонтом, там, где небо гонит облака навстречу упорному, злобному ветру, простирается «самро» — земля. По дороге в глубь земли встречаешь громадные колышущиеся потоки серых овец, которые отовсюду стекаются к морю. Свою шерсть они оставили в бараках для стрижки на эстансиях и теперь идут последней дорогой к бойням и холодильникам побережья. Если выбраться из припортовой зоны, превратившейся в единую гигантскую овчарню, можно идти часами, не встречая ни одной овцы: казавшееся бесконечным стадо растворилось в безбрежном пространстве, исчезло в нем. Это пространство, эту пампу, подобную морю, кое-где оживляет ленивая зыбь длинных холмов, из которых внезапно, как скалистый морской берег, возникают Анды. И в этом море пампы кораблями плывут одинокие эстансии; у них и названия кораблей: Рио-Верде, Лагуна Бланка, Энтревиентос, Кондор; свои капитаны и команды из пастухов и рабочих, иногда даже свой самолет — все это, правда, забыл пророк Жюль Верн!

Пампу сменяет лес, или, вернее, то, что от него осталось. Это громадное пространство напоминает поле боя и поражает воображение своими размерами. Но тщетно было бы искать участников сражения — вокруг ни души! Тысячи деревьев, лежащих на земле, в немом крике простирают к небу свои искривленные ветви: они вырублены людьми всего за полстолетия. Огонь позаботился об остальном. Где исчезает лес, возникает пастбище — лес жертвует собой ради жизни овец.

Наконец появляются горы. Здесь нет предгорий, как на севере страны, где они возвещают о наступлении гор и образуют их пьедестал. Тут, на краю земли, горы кажутся огромными и будто пытаются напугать путника. И человек в изумлении замирает, когда над бледными озерами или ровным горизонтом пампы вдруг возникает грозная твердыня Анд.

Хотя у Пайне их высота менее 3000 м, но это совершенно отвесные метры, из которых каждый идет в счет, так как нет ни одной возвышенности, ведущей к этому прыжку в небо, где только кондоры вычерчивают свои круги. Вверх нет ни подъемов, ни горных троп, но с высоты была бы видна только сверкающая белая пустыня: вероятно, самый большой глет-

Карта Магелланова пролива из книги о путешествии 1626 г.

Хотя великанов тут никогда не было и неизвестный южный континент оказался всего лишь островом, зато здесь, на краю земли, можно встретить такую дикую красоту природы и упорную выносливость людей, как нигде на земле

чер мира на карте всего лишь продолговатое белое пятно, а в действительности ледяная устрашающая пустота.

Если захочешь достичь сравнительно близко лежащий Тихий океан, то придется двинуться вдоль неодолимого препятствия — Анд — все время на юг, до последней гавани континента. Затем через Магелланов пролив направиться сначала в сторону Огненной Земли, все дальше на юг, пока не попадешь в путаницу фиордов и проливов, будто бы не имеющих выхода, и наконец, как сам Магеллан, свернешь на северо-запад, где тебя встретят штормы, которыми так знаменит мыс Горн. Но бесчисленные мелкие острова и островки, мысы и голые скалы, стоящие на пути, гасят силу ветров и позволяют только догадываться об их мощи в открытом океане. После Патагонии памп, Патагонии Анд здесь простирается Патагония моря. Пожалуй, это еще Патагония Анд, так как скалистое побережье кончающегося здесь континента, острова, полуострова и фиорды — только часть огромных Анд, этой пустынной террасы над пустынным океаном. На сотни морских миль тянутся безотрадные четки

островов — вымытый водопадами, влажно блестящий гранит да мокрый от дождя девственный лес. Смотритель маяка на острове Desolación (о. Уныния) зарегистрировал за весь январь только один-единственный день без дождя, причем этот месяц пришелся на разгар южного лета. А в мае — июне холодный летний дождь сменяется снегом.

В этом вечном потоке вместе с охотниками за тюленями с острова Чилоэ, расположенного дальше на север, кочуют последние «индейцы моря». Когда-то своей воинственной раскраской они нагнали страху на Магеллана, а триста лет спустя такое же впечатление произвели и на Дарвина, который принял их за существа, более близкие животным, чем человеку! Но когда сегодня видишь их в лохмотьях, брошенных проезжими моряками, согнувшихся над веслами или неподвижно сидящих на корточках на дне своего долбленого челнока, к ним испытываешь только сострадание. Вместе с состраданием каждый белый человек не может избавиться от чувства вины перед последними «дикарями», которых цивилизация белых приговорила к смерти.

Так кончается путешествие в угрюмый, безнадежный мрак, в котором исчезают люди и предметы.

Но теперь, когда читатель остается наедине с впечатлениями описанного края, спрашиваю себя, не слишком ли я поддался в этом «вступлении» двум желаниям, из которых только одно обоснованно, а именно: сначала упростить поставленную задачу, описывая только самые существенные, зачастую малопривлекательные черты Патагонии и Огненной Земли. Второе, менее извинительное желание — обозначить эти черты еще резче и придать картине трагизм, который ей не всегда и не всюду свойствен. Я должен был бы еще добавить, что весной на берегах Магелланова пролива маргаритки такие высокие и так густо растут, что, как глубокий снег, мешают при ходьбе; что повсюду в мертвых сожженных лесах светятся темно-красные колокольчики фуксий, и жены фермеров, если им удастся защитить свои сады от вечного ветра, вызывают из земли, как волшебницы, все краски флоры. Я должен был бы сознаться, что доломиты Пайне так же великолепны, как в Тироле, что за дождем следует радуга, что ледники высоко над фиордами иногда освещаются солнцем и излучают тысячи огней.

Я должен был бы сказать, что они изредка улыбаются, эти индейцы в своих замшелых лодках и в жалких, открытых сквозняках жилищ; что неожиданное доверие, блеснувшее в раскосых глазах ребенка из хаоса закопченной жижи-

ны, или растянувшиеся в улыбку толстые губы индейца заставляют забыть о трудностях пути, о равнодушном приеме и поджидающем снаружи холодном ветре с дождем.

Должен особо отметить, что в Патагонии и на Огненной Земле гостеприимство — самая прекрасная и одновременно самая распространенная черта: подтверждение правила о том, что в каждой пустыне люди гостеприимны. В безграничной пампе по побережью Магелланова пролива, в каналах и фиордах запада так мало людей, что каждый должен открыть свою дверь прохожему, ибо на огромном расстоянии вокруг другой двери нет. Но это происходит здесь с такой естественностью, с таким простым радушием — как в хижинах пастухов, так и в самых богатых эстансиях, — что воспоминания об этом уносишь с собой после пребывания на краю земли. *Su casa!* — «Ваш дом! Здесь вы дома!» Эти слова, как ритуальная формула, звучат всегда, при каждой встрече. *Su casa!* Будь это Lunch (ленч) или Tea (чай) в английской эстансии с чопорно сидящей за своей изящной чашкой хозяйкой дома, англичанкой до кончиков ногтей, курящей светлую сигарету; ночи на бедных чилийских фермах или же у лесорубов, где вам предложат место на нарах, покрытых овечьей шкурой или коричнево-белым мехом гуанако, завтрак из горького чая — матэ и кровавого куска баранины, изжаренного на костре, — *Su casa!*

Эти долгие дни и длинные недели на очень старых чилийских судах, где матросы могут поделиться только тем, чем располагают сами: деревянной койкой, хлебом, испеченным на борту, жидким супом из ракушек и «кофе», сваренным без кофе. Иногда только один жест, только искра кастильской гордости, которая так хорошо уживается с лохмотьями и небольшим количеством грязи, придает дару пищи и крова неожиданное, трогательное благородство: утром на своем ложе вы можете найти редкостную раковину или пастушеский бич, которым неосторожно восхищались в минувший вечер. А при прощальном рукопожатии, при расставании, вероятно, навсегда вам может быть подарен кремневый нож, костяной гарпун или какой-либо иной предмет древней индейской культуры, о котором шел спор. *Su casa!* Это был ваш дом! Сделайте нам приятное, возьмите себе то, что вам понравилось...

Как же парадоксален человек, придающий этой стране самую прекрасную черту, стране, в которой он так одинок и затерян и на которую он пока воздействовал почти всегда поверхностно и жестоко.

обственно говоря, Патагонии, как таковой, нет или по крайней мере больше нет. По словарю это «страна патагонцев», так же как Лапландия, ее северная противоположность, — «страна лапландцев». Если там, по равнинам Европейского Севера, еще и сейчас бродят со своими оленьими стадами несколько десятков тысяч лапландцев, то на крайнем юге Америки, в безбрежной пампе, поделенной между Аргентиной и Чили, нет больше ни одного патагонца. Они вымерли, эти индейцы-великаны, обнаруженные там когда-то испанцами. Только на островах южнее и юго-западнее конца материка живут еще несколько десятков низкорослых индейцев, совершенно не похожих на великанов с огромными ногами, описанных Магелланом.

Итак, больше нет этнографического обоснования для названия «Патагония». Таким же нелогичным и неоправданным является сегодня название «Огненная Земля». Действительно, едва ли можно поверить в знойный климат вблизи Антарктики. И вот многие пытались найти объяснение происхождению этого своеобразного названия прежде всего в существовании огнедышащих вулканов. Но на острове нет ни одного вулкана, горы его укутаны толстым покровом льда и снега. Под впечатлением бесчисленных огней костров, постоянно пылавших по всему побережью и в лодках индейцев, первооткрыватели острова назвали его не страной огня, а страной огней. «Tierra de los fuegos» (страна огней), — говорили они, чтобы отличить этот остров величиной с Данию и весь архипелаг от пустынного южного побережья Атлантики, вдоль которого они проплывали, не обнаружив ни одного жилья человека.

Геологически и географически Патагония и Огненная Земля едины. Магелланов пролив являет собой такую же разделительную полосу, как в мирное время река Эльба: по обеим сторонам одна и та же земля. Нужно было бы найти общее название для этого единства Патагоноогненной

земли (почему не «Огнегония» или «Патаземля»?). Северную границу обозначить трудно — ее можно провести примерно по 40-й параллели южной широты, что в Аргентине соответствовало бы Рио-Негро; на юге это проще: мыс Горн, 56° южной широты. Итак, Патагония и Огненная Земля простираются более чем на 2 тысячи км и по этой длине делятся на две очень различные области: на западе Анды, на востоке равнинная пампа. За Магеллановым проливом Анды поворачивают на восток, так что на Огненной Земле пампа лежит на севере, а юг острова покрывают гранит и ледники Кордильер.

Как на континенте, так и на острове пампа суха и безлесна; только в нескольких местах она дает питание скудному растительному миру (особенно «калафате» и «мата негра») и начисто продувается ничем не сдерживаемым ветром. На континенте и на острове Анды — это вал, на который наталкиваются идущие с Тихого океана тучи и ураганы, неустанно льющие дожди, поэтому горы покрыты густым девственным лесом повсюду, где он только может найти место между скалами.

Этот без устали дующий ветер — главная особенность патагоно-огнеземельской погоды. Сухой ветер над пампой, ветер, смешанный с дождем, вдоль Анд, ураган над морем, ураган над землей. Сохранившиеся между горами и пампой деревья, вытянутые, как придавленное ползучее пламя, изогнутые и растрепанные, как дым, свидетельствуют о мощи и продолжительности ветров.

Важнейшие, в сущности даже единственные богатства Патагонии и Огненной Земли — шерсть и нефть. Последняя — типичный утешительный приз бесплодных стран — добывается только в течение нескольких последних десятилетий, но и овцеводством там занимаются не так давно. Первые попытки были сделаны в 1878 г. на северном побережье и на двух небольших островах в Магеллановом проливе. Сегодня по всей Патагонии и на Огненной Земле насчитывается около тридцати миллионов овец — во много раз больше, чем там проживает людей. Говорят, что на каждый гектар земли здесь приходится по одной овце, некоторые же эстансии занимают больше 200 тысяч гектаров. Первые овцеводы, привезшие небольшое стадо с Фолклендских островов на острова Марта и Исабель в Магеллановом проливе, думали сначала только о шерсти. В летние месяцы — декабре, январе — овец сгоняли на эстансии, стригли, тюки шерсти вывозили грузовиками в порты, пароходы доставляли их в

Европу. Теперь часть стада, которая раньше погибала от старости или уничтожалась хищниками, перегоняют на бойни в Пунта-Аренас, где в год перерабатывается до 300 тысяч голов овец. Замороженные туши, покрытые тонким слоем сала, как белым саваном, также отправляются в Европу.

Вслед за овцой — белой королевой Патагонии — из ее недр появилась черная королева — нефть. Ее открыли только около сорока лет тому назад сначала на севере страны, а теперь нефть бьет ключом почти повсюду; аргентинцы и чилийцы всерьез соревнуются в ее бурении. Только первое месторождение, открытое в Комодоро-Ривадавии на Атлантическом побережье, давало несколько лет тому назад 80 % всей аргентинской нефти. Но теперь люди из Буэнос-Айреса ведут разведки на своей восточной части Огненной Земли, в то время как на другой стороне как бы прочерченной по линии границы инженеры из Сантьяго делают то же самое и возводят одну буровую вышку за другой. Оборудование для этого поставляют, конечно, американцы. Раньше они присылали и технический персонал, но национализм на краю земли более ревнив, чем где-либо; поэтому Аргентина и Чили быстро подготовили собственных специалистов, чтобы освободиться от обременительной опеки Nortamerica-nos (североамериканцев). Теперь обе национальные нефтяные компании YPF в Аргентине и ENAP в Чили превратились в мощные концерны с большим количеством собственного оборудования и технического персонала.

Впечатления, которые данная книга пытается передать, относятся главным образом к крайнему югу Патагонии и к Огненной Земле, особенно к чилийской части, где мы провели несколько месяцев. К счастью для нас и наших читателей, эта часть является как бы сфокусированным отображением всей необъятной Патагонии. Как и на севере, эта область разделяется на Анды и пампу, но здесь они встречаются друг с другом только на ширине всего нескольких сот километров. Сейчас же за гаванями начинается царство эстансий; на севере к нему примыкают лесные области, а затем судоходные моря Отуэй и Скайринг и фиорд Ультима Эсперанса — Последняя надежда. Все они глубоко врезаются в эту самую южную чилийскую провинцию Магальянес.

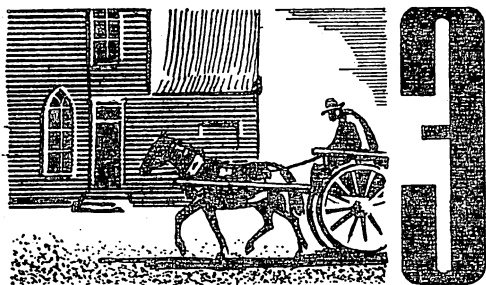
Здесь оказываешься в центре Анд, и многочисленные узкие и опасные водные пути ведут или в открытый океан, или к крайнему архипелагу Антарктики, островам Уолластон с мысом Горн. Нигде на всех двух тысячах километрах Патагонии не найти на столь малом пространстве такого

разнообразия ландшафтов и возможностей бежать от нашего обыденного мира, если вообще можно говорить о бегстве на свободу...

Эта книга не является путеводителем для людей, выбравших край земли целью ближайшего путешествия на время каникул и интересующихся самыми безопасными дорогами и самыми привлекательными видами; наша книга и не может быть пригодной для этого, так как Патагония и Огненная Земля еще не живут в веке туризма. Там нет ни железных дорог, ни мощеных улиц, ни дворцов-отелей; только «действующие» дороги от одной эстансии к другой и кое-где печальный, обветшалый барак из гофрированного железа, которому присвоено название «отель» только потому, что оно написано буквами, в большинстве случаев с великолепными завитушками, на его выдавшем виды фасаде.

Быть может, Патагония и Огненная Земля вступят в эру туризма только тогда, когда человеку уже надоест земля и он станет проводить свои каникулы на аннексированной для этой цели, еще более отдаленной, но легко достижимой планете с мягким климатом. Однако Патагония и Огненная Земля будут по-прежнему разделять всей своей массой оба океана там, позади, на краю нашей земли, которая никого уже не интересует; и непрестанно ревущий ураган будет и дальше защищать красоту — эту дикую, варварскую, вечную красоту, самую захватывающую из всего существующего под солнцем.

Пунта-Аренас

та маленькая точка, Пунта-Аренас, с успокаивающей плотностью населения, одиноко стоящая на широком пространстве у нижнего края карты, так удалена от любой другой обжитой людьми местности, что невольно представляешь ее себе только жалкой деревушкой. В лучшем случае это поселение видишь как frontier Town (город у границы), каким строили его первые колонисты Северной Америки у подножия Скалистых Гор в те времена, когда поиски золота совмещались с истреблением индейцев. Так как в этих южных широтах нельзя рассчитывать на дружеское сотрудничество солнца, дарящего даже самым примитивным деревням пустыни Аризоны тепло и какое-то благородство, то имелись все основания приготовиться к худшему.

Поэтому было приятно (или неприятно — смотря по тому, приветствовать ли продвижение нашей так называемой цивилизации или нет) неожиданно обнаружить настоящий маленький портовый город, который на первый взгляд кажется даже почти европейским. Правда, порт довольно тихий и отнюдь не переполненный. Давно уже прошли времена, когда парусные корабли встречались у мола Пунта-Аренас с первыми пароходами, чтобы принять продовольствие или уголь, прежде чем продолжить свой длинный рейс по этому далекому южному маршруту на север — из одного океана в другой. Между тем Панамский канал открыл мореплаванию более быстрый и безопасный путь, чем тот, который открыл Магеллан.

Сейчас трех деревянных причалов вполне достаточно для редких пароходов чилийской линии в Вальпараисо и нескольких грузовых судов, перевозящих шерсть; да и из этих трех причалов только один в достаточно исправном состоянии. К короткой, не имеющей крана стенке все равно не причаливает ни один пароход, а кругом вода наступает на голую землю, на грязный темный песок, давший городу название, так как «Пунта-Аренас» означает «песчаная коса».

От этого размытого песчаного побережья Магелланова пролива отходит несколько улиц, поднимающихся за городом к холмам на горизонте. Улицы пересекаются под прямым углом, и таким образом получается лишенная фантазии, но удобная форма квадратов. Подобная планировка в большинстве случаев служит признаком новых городов. Пунта-Аренас нет еще и ста лет.

В середине площади — обрамленного деревьями квадрата, места для парадов и послеобеденных воскресных прогулок горожан, — водружен бронзовый памятник. Магеллан стоит со шляпой в руке, обратив взор на «свой» пролив, поставив обувь в сапог ногу на что-то напоминающее жерло пушки; но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это бушприт одной из его каравелл. Компанию Магеллану составляют две фигуры громадных индейцев, сидящих у его ног. Один из них — индеец из племени бна с Огненной Земли, другой — техуэльче с равнины Патагонии. Как представители народа, населявшего земли по обе стороны Магелланова пролива и истребленного последователями Магеллана, они выказывают достаточно выдержки, чтобы не обратиться восторженные лица к великому человеку или не протянуть ему пальмовую ветвь, которая могла бы стать только символом их мученичества. Они просто повернулись к нему спиной! Блеклые березы и мрачные кипарисы, окружающие героя как дополнительный знак почитания, разделяют поток людей, возвращающихся из церкви по окончании мессы. Этот поток вновь сливается в послеобеденный час на той же площади у музыкального павильона.

Новейший монумент, дар и оплот нового богатства Патагонии и Новой Земли, оплот нефти, — восьмизэтажное здание-колосс, свысока поглядывающее на стоящую рядом церковь. Богатство более старого происхождения, нажитое на шерсти и мясе, давно уже оставило свою визитную карточку в зажиточной части города в виде вычурных, перегруженных украшениями жилищ. Их застекленные зимние сады заставлены комнатными липами и фикусами, но жилые помещения стоят пустыми, так как владельцы живут в Сантьяго, Буэнос-Айресе или в Европе, где условия жизни значительно приятней. Виллы Пунта-Аренас в большинстве своем построены в виде старинных замков с эркерами, люками и бойницами. Принадлежат они немногим преуспевающим фермерам, выставляющим напоказ роскошь, которую здесь не ожидаешь встретить, а помпезные фамильные склепы на кладбище увековечивают тщеславие владельцев и после их смерти.

Но иллюзия великолепия, которую создает вид старомодных роскошных вилл, быстро исчезает. Уже через несколько улиц, менее чем в сотне метров от памятника Магеллану, начинается «пригородная зона» — зона печальной, серой нищеты, смесь лондонских трущоб и старых деревенских хибар, что так гармонирует с этим низко нависшим, темным, дождливым небом. Магеллан не видит этой нужды, она у него за спиной, его взгляд устремлен только на море! Кирпичные дома первых улиц сменяются домами из дерева и жести. Используя жечь, люди пытались рельефом или окраской придать ей сходство с камнем и штукатуркой, однако скоро убедились в трудности и бесполезности этой затеи: беспощадная ржавчина быстро разрушала эту иллюзию. Топят здесь круглый год. Лишь изредка летом бывает несколько счастливых дней, когда нерешительно показывается солнце, стихает ураган и можно загасить огонь, день и ночь пылающий в очагах мерзнувшего города, огонь, который прежде не потухал в лодках индейцев.

Вдоль темных улиц и уходящих из города дорог, состояние которых заранее обрекает всякую попытку к бегству, клонятся под напором урагана прижимающиеся к земле дома. После каждого ливня утоптанная, потрескавшаяся улица превращается в озеро, окруженное взбаламученными ручьями грязи, где играют без шума и смеха серые дети. Иногда их игру неожиданно нарушает торопливо семенящее стадо овец — серый, резко пахнущий поток, сопровождаемый шумной сворой собак и посвистами прямо стоящих в деревянных стременах пастухов. Иногда погонщики издают характерные возгласы, короткие и мелодичные, заставляющие стадо, как по волшебству, замедлять или ускорять свое движение. Кожаные шириной в ладонь бичи наездников хлопают по крупам ржущих, становящихся на дыбы лошадей. Будто через город с неожиданной стремительностью проходит сама пампа и дикое одиночество Патагонии мимоходом мстит этому ненадежному поселению.

Но иностранного гостя в Пунта-Аренас ожидают кроме случайно запруженных овцами улиц еще и другие сюрпризы, например витрины магазинов. Они заслуживают внимания. Дело в том, что даже в самом центре города едва ли найдется какой-либо специализированный магазин — продают вообще, что бы ни продавать, где бы ни продавать. Но везде указано, является ли товар *importado* (импортный) или *Fabricacion National* (национальная продукция), как чилийцы гордо обозначают продукцию своей собственной

промышленности. Чтобы как-нибудь помочь экономике крайнего юга, несколько лет тому назад Пунта-Аренас был объявлен свободным портом, и город на краю земли сейчас же наводнили иностранные товары низкого качества, безвкусная мишура и изделия из розовой пластмассы. Эта приливная волна выбросила на берег Пунта-Аренас также мощные американские автомобили (на которых можно проехать только несколько сот метров в центре города), холодильники (при наличии и без того прохладного климата) и, к счастью, также некоторые полезные машины. Вот так и соседствуют на витринах шварцвальдские часы с кукушкой, японские шелковые кимоно с драконами и настенные ковры, на которых гордые львы пустыни на фоне пирамид сбивают с ног газелей; а в другом углу под засиженным мухами стеклом ждет своего покупателя картина: пастушеская хижина в Альпах и альпийские коровы, мирно жующие альпийские цветы. Пошлая безвкусица! На витринах — больные проказой манекены, у которых отсутствуют пальцы, а то и половина руки. Их восковая бледность еще более подчеркивается яркими тканями на них и вокруг них.

Создается впечатление, будто на этом самом далеком краю континента, как на дне глубокого сосуда, скопилось все то, что не понадобилось остальному миру.

Вид мясных прилавков и выставленных напоказ овощей и фруктов (которые действительно прибывают издалека) у непривычного посетителя вызывают изумление. Картофель быстро портится или ссыхается в маленькие сморщенные комочки, съедобные морские водоросли свисают с потолка, как ленты бумаги, бананы чернеют и как бы пребывают в постоянном трауре по самим себе... Только моллюски из Магелланова пролива, вынутые из своих створок, высушенные и теперь коричневые, как финики, нанизанные, словно четки, на нитки, неделями, даже месяцами без ущерба выносят хранение в этом климате.

Но особенное впечатление производят витрины мясных лавок, заполненные в этой столице страны овцеводства освежеванными тушами, подвешенными на железных крюках головой вниз в таком количестве, что невольно останавливаешься, обескураженный их избытком.

Здесь, где все наоборот, витрины говорят на языке, понятном только местным жителям, непонятном для нас; но мы охотно становимся жертвами их колдовства, притягиваемые к ним как магнитом. Характер Пунта-Аренас не определяется портом, хотя это и главное назначение города. Истин-

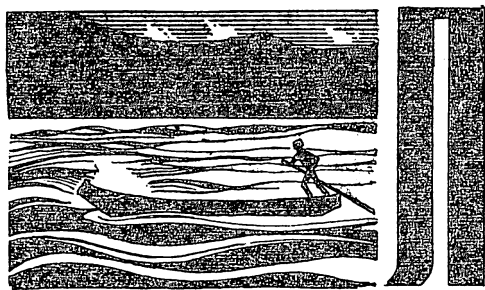
ное лицо его можно обнаружить, лишь повернувшись спиной к проливу, следуя по дороге из крупной гальки, сначала постепенно, а потом как-то неожиданно круто поднимающейся в горы, в глубь страны. Эти дороги как бы ведут в ничто, они устремляются вверх так, что в конце их всегда видно только небо, бледно-серое небо, по которому ветер гонит темно-серые тучи. Здесь, на вершине горной цепи, оставив за собой последний город, еще сильнее ощущаешь, что находишься на краю земли, окруженный землей более пустынной, чем море,— просто пустотой.

Но и тут не совсем пусто: наверху стоит одинокая старая казарма, где скучают маленькие пехотинцы в защитного цвета мундирах бывшего рейхсвера. В плену у тех же казарменных стен и у той же скуки спокойно, но печально доживают свой век еще несколько живых существ: пума, два гуанако, три или четыре степные лисицы и два громадных кондора, которых солдаты содержат в маленьком собственном зоопарке. Таким образом чилийская армия охраняет на краю земли последних диких зверей, а одновременно и свою геральдическую птицу, так как республика Чили, как в той или иной форме каждое южноамериканское государство, имеет на гербе вместо северного орла мрачного кондора-ягнтника.

С высоты открывается широкая панорама: сначала маленький город с населением все же около 40 тысяч жителей, которые втискиваются между этими холмами и берегом, затем Магелланов пролив, а за ним плоская, серая, холодная пампа большого острова Огненной Земли. Но безнадежная обособленность этого города по-настоящему обнаруживается только с другой стороны горной цепи, откуда после короткого, но крутого спуска по каменистым тропинкам видна пустынная, без единого деревца земля. Две простые, когда-то окрашенные в белый цвет ветхие деревянные стойки создают представление о футбольном поле, но, по-видимому, только несколько коров, свиней и собак разыгрывают здесь неравные бои. К полю придвигается «пригород», но за его палисадом — вбитыми в землю бревнами — видны только невзрачные, барачного типа строения из дерева и жести. Это Poblacion de 18 Septiembre — поселок «18 сентября». Ни сада, ни цветка хотя бы в одном окне, ни одного цветного пятна в этом вечном однотонном сером сумраке. Невольно вспоминаешь маленькие домики в норвежских рыбацких деревушках, построенные исключительно из дерева: они выкрашены в яркие красные, желтые, белые или даже черные цвета,

чтобы по крайней мере в тишине обрывистого берега над океаном что-то «пело», как там говорят. Вспоминаешь о цветах, которыми самый бедный крестьянин на Мадейре окружает свой дом так, что тот утопает в них. Здесь же, почти на самой голой земле, не делается ни малейшей попытки хоть как-нибудь приукрасить серые будни.

За поселком параллельно побережью поднимаются холмы к горизонту. Они достаточно высоки, чтобы уже в начале зимы, в июне, одеться снежным покровом. За угрюмыми кулисами этих гор нет больше ничего, только Патагония. Сначала ее конечная, узкая часть, изрезанная морскими рукавами, фиордами и озерами, а затем вся огромная, одинокая и пустая, расширяющаяся к северу Патагония: от Атлантики на востоке через плоскую пампу до Анд на западе, откуда она неожиданно, как бы в приступе ярости и отчаяния, низвергается в Тихий океан.

Патагонцы и огнеземельцы в прошлом и настоящем

апландию, во многом схожую с Патагонией, населяет, как уже говорилось, довольно большое количество лапландцев, которые дали свое имя области, не имеющей естественных границ и простирающейся в пределах четырех государств. Другие страны, названные по имени коренного населения, и сейчас заселены им: Таиланд полон тайландцев, Югославия — югославов и даже в Англии еще много англосаксов. Только у Патагонии нет больше этой привилегии. По своему происхождению это название теперь точно так же не имеет опоры, как упавшие деревья, тысячами лежащие на земле Патагонии; оно так же пусто, как пампа, как обожженные огнем стволы, в дуплах которых свистит ветер. Практически от Рио-Негро до мыса Горн нет больше ни одного патагонца.

Их и без того было мало, особенно по сравнению с размерами страны. Но все же они были. Кто же такие патагонцы?

Еще до открытия европейцами равнин континентальной Патагонии и их естественного продолжения по ту сторону Магелланова пролива на Огненной Земле Патагонию заселяли только два родственных индейских племени: собственно патагонцы — техуэльче, индейцы пампы на континенте, ауш (хауш) и она — на большом острове Огненной Земли. Сильная, здоровая, красивая раса, настолько схожая по характеру и образу жизни с «краснокожими» Северной Америки, что это население самой южной части Южной Америки считают частью той миграционной волны, которая хлынула из Азии через Берингов пролив на соседний континент, а затем просочилась до южной оконечности земли.

Патагонцы пампы отнюдь не были такими гигантами, как их с большой фантазией описывали возвратившиеся из путешествия испанские моряки. Исследования скелетов, найденных в могильниках доевропейского происхождения, и измерения, проведенные на оставшихся в живых техуэльче в начале этого столетия, показали, правда, в среднем довольно высокий рост, 1,80 метра, и крепкое телосложение. Однако

представление о громадном росте этих людей вызывалось в действительности другими причинами: патагонцы обвертывали ноги шкурами в виде грубых мокасин и оставляли на прибрежном песке огромные следы. Приехавшие испанцы сделали вывод (так же, как пытаются реконструировать Yeti — иети — по их следам), что это раса великанов, и назвали их патагонцами, или большеногими.

Как и североамериканские индейцы, патагонцы были кочевниками; при случае они вступали на тропу войны, если какое-либо соперничество восстанавливало одно племя против другого, но почти целиком существовали за счет охоты. Главным объектом охоты вместо бизона севера здесь были гуанако — разновидность лам с рыжевато-коричневой шерстью, обитавших в большом количестве в горах и пампе южной части Южной Америки и частично обитающих там и сейчас, а также нанду, или реа, — вид страусов средних размеров. Мясо гуанако было основной пищей патагонцев, шкура гуанако — их одеждой, а перья нанду — украшением. Они жили со своими сворами собак в палатках, вернее, за заслонами из шкур, которые они устанавливали для защиты от главных ветров. Охотничьим и военным оружием патагонцев были копье, стрелы и лук, а также бола. Последняя получила известность во всем мире только благодаря этим индейцам. Бола состоит из двух или трех каменных, а впоследствии металлических шаров, укрепленных на конце лассо; эти шары молниеносно обвиваются вокруг ног животного, спутывают его и опрокидывают на землю. Испанцы везли до тех пор неизвестную здесь лошадь, которая была быстро признана индейцами (однако только на континенте, лошадь никогда не пересекала Магелланов пролив). Теперь уже верхом на лошадях можно было встретить техуэльче и индейцев пампы на дорогах от одной рии до другой, охотящихся с бола в руках на стада гуанако, страусов или преследующих мародерствующую пуму. Они были довольно хорошими едоками, эти патагонцы, а кроме того, еще и любителями крепко выпить. Французский путешественник прошлого столетия граф де ля Во образно рассказывает, как он при переходе через аргентинскую часть Патагонии много раз встречался с кочующими индейскими племенами, причем вожди племен приглашали его на праздничные пиры. Вместе со своими спутниками он должен был участвовать в поглощении невероятных количеств мяса, жира и пива, после чего совершенно пьяные мужчины, женщины и дети отсыпались, лежа на земле вокруг палаток.

Семья индейцев в прошлом столетии (Лейпциг, «Катехизис этнографии»)

Когда первые белые поселенцы начали сооружать свои эстансии на землях, бывших в течение столетий охотничьими угодьями индейцев, последние мстили тем, что крали у белых скот. Вскоре индейцы открыли существование «огненной» воды, опьяняющей намного приятнее и быстрее, чем пиво их собственного производства. Алкоголь делал их еще более отважными и придавал празднествам, играм и внезапным нападениям большую стремительность и смелость. Кочующие по пампе индейцы гнали перед собой коров, лошадей и овец, а иногда также увезенных с ферм пастухов. Белые колонисты, тоже верхом, пытались с оружием в руках защищать от индейцев довольно неопределенные границы своих концессий. Но игра была еще неравной: численное превосходство индейцев, их подвижность и лучшее знание страны почти всегда и повсюду приносили им успех.

Итак, против этого сильного врага нужно было применить более сильные средства, и молодая республика Аргентина вскоре мобилизовала достаточно войск, чтобы повести регулярную войну против «разбойников». Армия пришла на помощь колонистам, двинулась на юг и в 1879 году начала свои военные операции. Но так как все же никто не осмелился назвать эту войну освободительной, ее несколько стыдливо называли *Campana del Desierto* (походом в пустыню).

Война продолжалась пять лет, прошла через южную пампу вдоль и поперек и сделала эту «пустыню» пустой также и в другом смысле: коренное индейское население травилось, истреблялось и наконец было почти полностью уничтожено. Оставшиеся в живых смешались с пришельцами. В настоящее время в Патагонии нет больше ни одного чистокровного индейца. Несколько метисов техуэльче живут в провинции Чубут, несколько — на берегу озера Кардьель в провинции Санта-Крус, но все они теперь оседлые и «цивилизованные».

В эту пустыню, возникшую после исчезновения индейцев, вступил наконец успокоенный белый человек; он прочно обосновался и начал жить и процветать.

Точно так же получилось и на Огненной Земле, где, впрочем, племя хауш уже раньше было оттеснено племенем она на юг острова. Эти племена были единственными жителями Огненной Земли, которую они называли поэтическим именем Кару Кинка. Они не так росли, как патагонцы, но столь же крепкого телосложения и необычайно выносливы. Кочевали они, по-видимому, только на равнине, а суровые горы южной части Огненной Земли, как видно, никогда не были заселены. Эти люди тоже жили только охотой, были вооружены луком и стрелами, одеты в шкуры гуанако и сопровождалась собаками; лошади были им неизвестны. При полном отсутствии другой одежды свободно накинутая на плечи шкура была больше иллюзорной, чем действительной защитой от неласкового климата, что, впрочем, не имело никакого значения для индейцев в их скитаниях по равнинам и лесам Огненной Земли и, по-видимому, абсолютно не препятствовало их дальнейшему существованию. Только недавно скончавшийся французский этнограф профессор Поль Риве, пытавшийся установить происхождение этих индейцев, выдвинул довольно смелый тезис об их доисторическом переселении из Австралии через Антарктику на Огненную Землю; в Антарктике у племени она были и время, и возможность привыкнуть к холодному климату, так что впоследствии климат Огненной Земли показался им просто мягким, чем и можно объяснить их явно хорошее самочувствие. Здесь, на Огненной Земле, господствует чуть ли не постоянный холодный ветер с дождем, но снег выпадает не чаще, чем в соответствующих широтах северного полушария.

Если индейцы она, совершенно голые под короткими шкурами, столетиями выдерживали ледяной ветер и дождь, то другое природное бедствие — белого человека, который

теперь уже прочно обосновался на острове Огненная Земля, они могли выдержать только короткое время. Правда, здесь охота на индейцев не проводилась такими разнообразными стратегическими методами, как на континенте при «походе в пустыню», однако усердия и выдержки менее решительных людей — сначала золотоискателей, позднее овцеводов — было вполне достаточно, чтобы достигнуть того же результата. К тому же индейцев она было не очень много: несколько тысяч, рассеянных по всей территории острова. Золотоискатели и конные пастухи были, конечно, все вооружены винтовками; грубые парни, полные решимости защищать землю, на которой они промывали свой золотой песок и где паслись их овцы. Когда она впервые увидели этих неизвестных им четвероногих, шкура которых была подобна шкуре гуанако и у которых, как оказалось, было вполне пригодное для еды мясо, они сочли овец за дар богов. Кроме того, было совсем нетрудно и неумолимо охотиться за этим новым коротконогим белым гуанако. Поэтому индейцы она с удовольствием занялись вновь открытым видом охоты и были очень удивлены, когда через некоторое время их стали встречать у загонов ружейным огнем.

Правда, некоторые хозяева эстансий пытались по-хорошему обучить этих упрямец она кое-чему из новой мудрости белых, а именно, что овца — это овца, а не гуанако и, следовательно, не объект для охоты индейцев. Но когда последние этого не поняли и продолжали уничтожать овец, тогда стали убивать самих она. Теперь вечерами, по возвращении домой в эстансии, пастухи как доказательство своей полезной деятельности стали привозить хозяевам отрезанные у индейцев уши и получали премии за каждого убитого. Но так как стали встречаться живые индейцы без ушей, то хозяева эстансий, прежде чем выплатить премию, требовали предъявления целого трупа или по меньшей мере головы.

Однако это отнимало много времени и причиняло хлопоты. Тогда стали применять более рациональные методы, например забивали животных, на которых охотились она, и нашпиговывали их ядами, причем теперь отправлялась на тот свет уже целая семья. Еще лучше получилось с прибытием к берегу китом — для индейцев это было лакомством, особенно после того как оно отлежится несколько дней. Толпами стекались индейцы отовсюду, чтобы насладиться этим лакомством, а потом все оставались лежать на берегу.

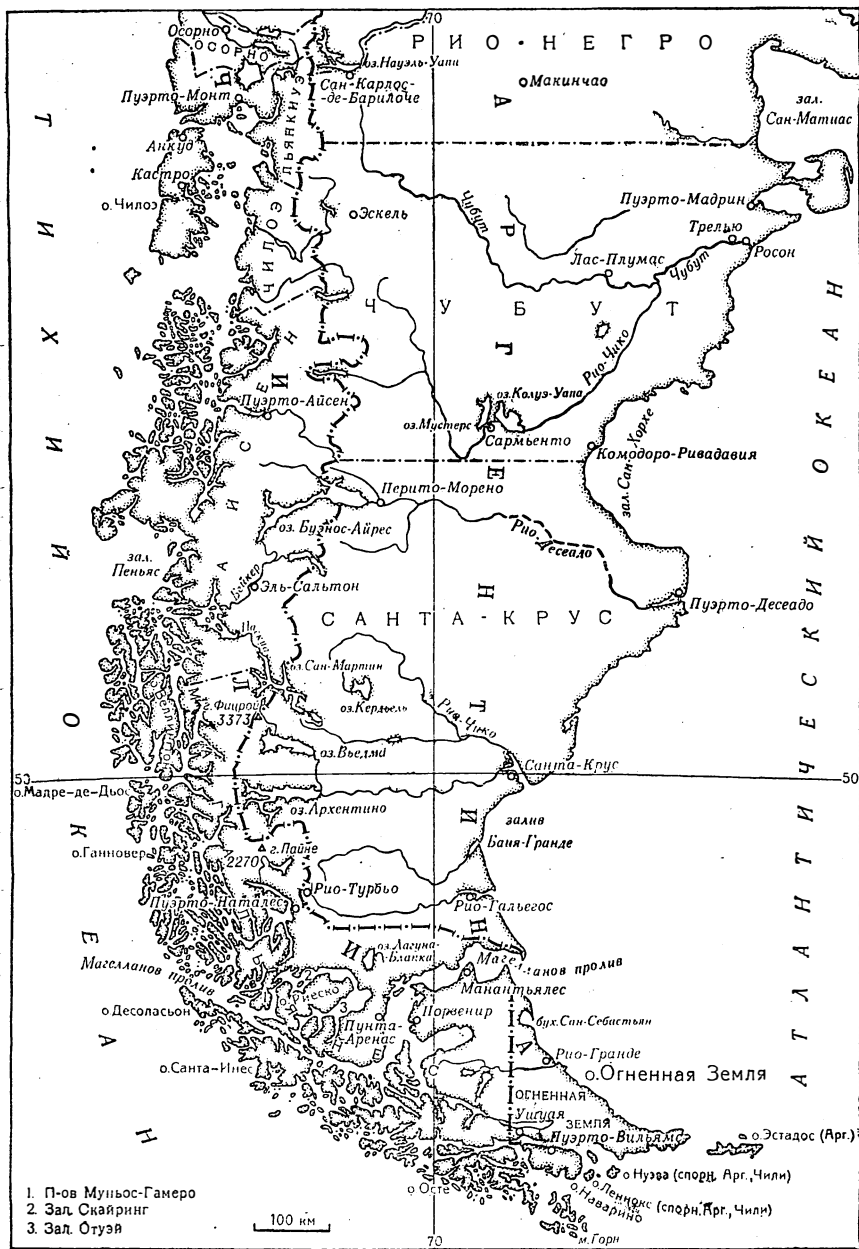
Вообще судьба индейцев Огненной Земли была еще трагичнее, чем судьба их братьев в Патагонии; они умирали не

только от пуль белых колонистов, но, как ни парадоксально, в результате усердных попыток миссионеров всех вероисповеданий спасти хотя бы остатки этого приговоренного к смерти народа. Миссионеры давали приют полуголым, часто израненным или искалеченным мужчинам, женщинам и детям племени *она*, одевали их и поселяли в лагерях, стараясь чем-либо занять и обучить какой-нибудь достойной профессии. Но многие из этих детей природы, которые всегда были кочевниками, оказались просто не в состоянии приспособиться к навязываемому им образу жизни. Кроме того, раньше они жили в почти стерильной атмосфере, и такие безобидные болезни, как насморк или корь, вызывали в миссионерских лагерях ужасающую массовую смертность. К тому же еще часть одежды, собранной для индейцев, присылалась из европейских школ, закрытых по причине какой-либо эпидемии. Одно несчастье за другим обрушивалось на миссионеров, принося болезни и смерть их подопечным. Вскоре на кладбищах вокруг миссионерских станций оказалось больше крестов, чем живых индейцев в самих бараках, где они вместе с латинскими молитвами и английскими псалмами пытались научиться владеть рубанком или иглой.

В конце прошлого столетия еще имелось около 2000 *она*; в 1910 году их было менее ста человек, а в 1935 — только тридцать. Сегодня специалисты-этнографы спорят, найдется ли еще на всей территории большого острова Огненной Земли один-единственный, а может быть, даже два наполовину чистокровных индейца *она*.

Эти вымершие как на материке, так и на острове индейцы были все «сухопутными», конными или пешими; их называли еще *Indios a pie* (пешие индейцы), чтобы отличить от индейцев другого типа, — *Canoe Indians* (прибрежных, или плавающих, индейцев). Последние жили тоже в Патагонии и на Огненной Земле, но в лодках, у извилистого западного и южного побережий. По своему образу жизни и внешности они сильно отличались от сухопутных индейцев и в свою очередь делились на две группы или два племени. Люди племени *алакалуф* обитали вдоль побережья Магелланова пролива и западного побережья Патагонии вплоть до залива *Пеньяс*, а племени *яган* — на архипелаге южнее Магелланова пролива между Огненной Землей и мысом *Горн**. До сих пор не найдено удовлетворительного ответа на вопрос о происхожде-

* Названия «алакалуф» и «яган» пишутся по-разному; автор выбрал наиболее простую и близкую немецкому языку форму. *Прим. ред.*

Патагония и Огненная Земля

нии этих индейцев, Французского этнографа и исследователя доисторического периода Жозефа Амперера, погибшего в Патагонии в 1958 г. от несчастного случая при раскопках, которые как раз должны были разъяснить этот вопрос, часто удивляло сходство индейцев алакалуф (которых он называл *Les Nomades de la Mer* — морские кочевники) с индейцами бразильского побережья; возможно, что между ними существовало более близкое родство. Но серьезные исследования в этой области только начинаются, и пройдет еще много времени, пока мы узнаем об этом более подробно, если вообще что-либо узнаем.

Люди племен алакалуф были небольшого роста, но крепкого телосложения; жили они в своих каноэ, одежды почти не имели. Когда погода становилась особенно суровой, брали целую шкуру тюленя, просовывали через нее голову и поворачивали шкуру против ветра, чтобы хоть сколько-нибудь защититься от непогоды, дождя и пурги. Лагерь этих морских кочевников на суше всегда состоял из временных хижин — палаток, сооруженных из нескольких связанных вместе веток с наброшенными сверху шкурами. Главным их занятием было рыболовство, добыча гигантских ракушек и охота на тюленей, а основной пищей были те же ракушки и тюлений жир.

Более подробно современное положение прибрежных индейцев будет освещено в другой главе (нам представилась возможность познакомиться с лагерем последних, еще оставшихся в живых индейцев племени алакалуф); здесь же только отметим, что в настоящее время имеется всего несколько десятков этих индейцев, и то их уже нельзя назвать чистокровными: они потеряли почти все характерные черты своей прежней культуры и образа жизни, а полное их исчезновение — вопрос нескольких лет.

Трагизм вымирания индейцев моря в том, что они гибли не как индейцы пампы от руки белых поселенцев, оспаривавших у них землю, а просто заболели и умирали после встреч с белыми людьми — моряками, которые так же, как и индейцы, только проезжали через островные проливы и каналы без малейшего желания поселиться на этих угрюмых берегах или на непригодных для жилья островах. Только одно соприкосновение с ними, даже дружественные меновые сделки оказывались для индейцев смертельными. Сейчас осталось в живых только около шестидесяти индейцев алакалуф, из которых только очень немногие, и те все реже, придерживаясь прежнего образа жизни, блуждают по вод-

ным просторам побережья Патагонии. Менее тридцати человек из племени яган живут на эстансиях острова Наварино (южная часть Огненной Земли), где они целиком отказались от полной приключений жизни на море и работают в качестве пастухов на овцеводческих фермах, лесорубов или рабочих в сельском хозяйстве.

Придет день, и, наверное, довольно скоро, когда последний из племени алакалуф успокоится рядом с теми, которые уже давно лежат под безымянными деревянными крестами в Пуэрто-Эдем. Райская пристань для мертвого одиночества и разрывающей сердце печали. В этот день последними свидетелями существования навсегда угасшей расы будут лишь несколько покинутых лодок с навсегда погасшими кострами у скалистых берегов Магелланова пролива.

Кто же занял место, освободившееся в Патагонии и на Огненной Земле после исчезновения индейцев, истребленных белыми и болезнями? Аргентинцы, с одной стороны, и чилийцы — с другой, то есть население испанской культуры и языка, а нередко и испанского происхождения. На чилийской стороне прибавился еще один элемент, в серьезной роли которого мы могли убедиться сами; это жители с Чилоэ, большого острова у южного побережья Тихого океана. Они кочуют по Патагонии и Огненной Земле и чувствуют себя в этих краях как дома в большей степени, чем все другие их обитатели.

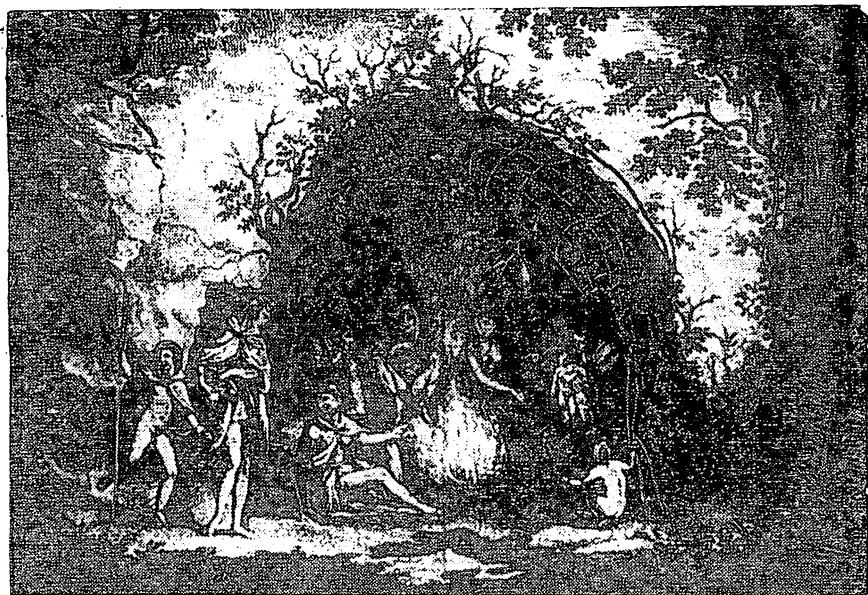
Хотя в Аргентине и Чили в целом преобладает испанская кровь, у южных отпрысков в обеих странах она сильно перемешалась; сначала с индейской, а позднее с кровью всевозможных авантюристов, колонистов и пионеров, прибывавших из Европы в течение столетия, привлеченных сначала кратковременной золотой лихорадкой, а затем твердыми заработками от разведения овец. Первыми европейцами были югославы — еще и сейчас преобладающая часть населения неиспанского происхождения Патагонии и Огненной Земли. Почти все золотоискатели прибыли из Хорватии, Далмации или Сербии, в которых кроме суровых предпринимчивых людей мало что произрастает. Промыв в реках последний золотой песок своего Эльдорадо, они обратились к другим работам, другим попыткам и авантюрам, но никто из них не подумал покинуть страну, в которой они обрели вторую родину. Главный город чилийской части Огненной Земли — Порвенир с несколькими тысячами жителей, расположенный на южном берегу Магелланова пролива против Пунта-Аренас, на 80 % заселен югославами. В самом

Пунта-Аренас, так же как и в остальных небольших городах континентальной Патагонии, каждый третий магазин и каждый второй «отель» носят хорватское или сербское название; а старый пастух с дубленой кожей, который гонит тысячи овец вдоль берега Магелланова пролива, родился в Сплите, у подножия руин Диоклетиана.

Затем появились скандинавы, швейцарцы, французы, немцы и главным образом британцы — специалисты по шерсти. Две маленькие южноаргентинские гавани, Трелев и Пуэрто-Мадрин, были сначала настоящими валлийскими колониями. Управляющие и арендаторы больших овцеводческих ферм большей частью шотландцы или англичане, реже немцы, французы и другие. Все жители Пунта-Аренас считаются чилийцами, но наряду с испанским там говорят и на всех остальных европейских языках. Во время нашего пребывания там у губернатора города была шведская фамилия, у епископа — югославская, а у адмирала, командовавшего третьей морской зоной, скромная и простая фамилия — Нойман. В семье, с которой мы довольно долго жили вместе на берегу канала Фицрой и которая себя считала чисто чилийской, муж был шведского, а жена англо-норвежского происхождения; «*somos todos Chilenos*» (мы все чилийцы), — говорили смеясь, но с явной гордостью их дочь Ингеборг и сын Ганс-Исидро.

Для характеристики самых активных людей в этом крае, находящемся еще в начальной стадии развития, вряд ли можно применить слово «элита», так как это заставило бы думать о высокой духовной культуре и об определенных формах цивилизации, еще пока неизвестных там. Нужно все же признать, что европейские поселенцы как в городах, так и на периферии образуют среди немногочисленного населения страны нечто подобное элите. Основное население — аргентинцы и чилийцы испанского происхождения, в большинстве случаев с примесью индейской крови, — зарабатывает свой хлеб в эстансиях прерий, на лесосеках и лесопильных заводах в девственном лесу, на нефтепромыслах в пустыне, на мясохладобойнях или в качестве грузчиков на пристанях портовых городов.

Правда, все они довольно скромны, эти «города» на краю земли. Пунта-Аренас, главный город провинции Магальянес с населением более 40 тысяч человек, Пуэрто-Наталес, маленький портовый город на глубоко врезавшемся в сушу морском рукаве, — 12 тысяч человек, и уже ранее упоминавшийся Порвенир на Огненной Земле. На аргентинской стороне,

Огнеземельцы в своей хижине.

Их явно романтическая жизнерадостность является, однако, плодом фантазии рисовальщика. На первоначальной акварели Бушана, сопровождавшего Джемса Кука в его первой поездке (1768—1771 гг.), было хорошо подчеркнуто утверждение Кука, что огнеземельцы, «наверное, самый жалкий народ на земле». Когда же этот рисунок в Европе перерисовал Джiovанни Киприани для гравера по меди Франческо Бартолоцци, на нем неожиданно возник этакий жизнерадостный райский народец, что будто бы уличает во лжи Кука и других, но, к сожалению, абсолютно не соответствует истине

несколько дальше на север, порт по вывозу нефти Комодоро-Ривадавия — около 30 тысяч жителей, а все остальные, Пуэрто-Десеадо, Санта-Крус и, наконец, почти у входа в Магелланов пролив Рио-Гальегос — скорее деревни, чем города, с населением в пять — семь тысяч человек.

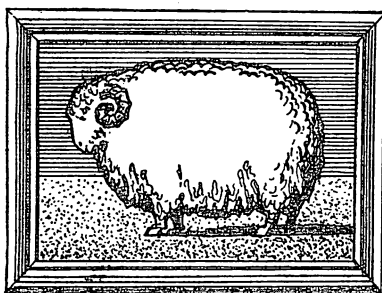
Чрезвычайно трудно указать, хотя бы приблизительно, численность населения Патагонии уже по той простой причине, что на севере у нее нет точно установленной ни естественной, ни государственной границы. И тот факт, что два государства делят эту область, как враждующие братья, не делает определение этих данных более легким. Официальные чилийские данные (на основе переписи 1952 г.) по трем самым южным провинциям, которые по доброй воле можно

было бы отнести к Патагонии, следующие: Чилоэ — 100 400, Айсен — 26 262 и Магальянес (включая чилийскую часть Огненной Земли) — 55 091 человек; однако чилийская Патагония начинается, собственно говоря, только южнее острова Чилоэ, так что к ней можно отнести едва ли более 80 000 жителей. Аргентинцы поступают проще, проставляя после цифр, обозначающих количество населения южных провинций, чаще всего букву «е», что означает *estimación* (по оценке). В 1951 г. число жителей самой северной провинции аргентинской Патагонии, Рио-Негро, определялось в 134 350; ближайшей, расположенной южнее, провинции Чубут — в 58 856 (кажется, довольно точная оценка!); примыкающей к ней военной зоне Комодоро-Ривадавия — в 51 898; провинции Санта-Крус — в 24 582 и, наконец, аргентинской части Огненной Земли — в 5045 человек. Таким образом, при оптимистической оценке на долю аргентинской Патагонии и Огненной Земли пришлось бы около 275 000 человек, но при этом вряд ли можно отнести к Патагонии относительно густо населенную самую северную провинцию Рио-Негро. В самом деле, чем дальше на юг, тем более «патагонским» становится край. Поэтому округленно 140 тысяч жителей аргентинской стороны и ненамного больше, 200 тысяч, для всей Патагонии и Огненной Земли вместе — вот примерные цифры, которые могут соответствовать действительности. Но в зависимости от того как далеко на север относить границы Патагонии, эту цифру можно удвоить.

Незначительное по сравнению с просторами страны население живет в большинстве случаев небольшими скоплениями вдоль побережья. На громадных, до 200 тысяч га, эстансиях в глубине страны проживает только горстка людей: управляющий с семьей, несколько рабочих и пастухов, да в сезон стрижки несколько стригалей с острова Чилоэ. Правда, молодая нефтяная промышленность Огненной Земли привлекает рабочих с континента, которые вместе с родственниками расселяются вокруг буровых вышек и нефтеперегонных заводов в новых, как из-под земли выросших городках барачного типа, и это в какой-то степени меняет картину плотности населения.

Но для того чтобы поднять плотность населения всей Патагонии и Огненной Земли до уровня, существующего севернее Рио-Негро в Аргентине, пампа должна бы производить еще кое-что, кроме скупой растительности овечьих пастбищ. Впрочем, некоторые специалисты начинают верить, что это когда-нибудь случится, но не так скоро.

Вот каковы условия жизни людей, которые захватили и заселили край земли. Но ни история, ни духовная культура, ни искусство не вошли до сих пор в их жизнь. Полные забот о каждодневном существовании, они не находили ни времени, ни мужества как-нибудь увековечить свою страну, а следы, которые они до сих пор на ней оставляли — почему в этом не сознаться? — почти всюду лишены грации, привлекательности и красоты.

Шерсть — белое золото Патагонии

о стены над камином, в котором, несмотря на южное лето, пылал огонь, на нас смотрели из серебряных рамок королева Елизавета II и ее принц — супруг. Рядом, тоже в серебряной рамке, висело третье фото, на котором изображено что-то вроде исполинского шара из шерсти — несомненно, животное, но какое? По изобилию руна у него что-то от яка, а по мягкости и белизне что-то от лебедя. Голова в этой грудке шерсти едва заметна, а согнутые в спокойном положении ноги никак не облегчали разгадки.

«Незаурядная личность, не правда ли?» — спросил нас владелец эстансии, усы, акцент и любезно-ироническая усмешка которого сильно напоминали Антони Идена. Он, смеясь, наблюдал за нашими взглядами и наконец решил сообщить нам решение загадки.

«Это Петер, лучший баран эстансии Лагуна Бланка и, без сомнения, всей провинции Магальянес! Мы хотели выяснить, какой длины отрастает шерсть, если ее стричь не каждый год, — и Петер был в течение пяти лет освобожден от стрижки. Вы видите результат: в конце этого срока Петер почти исчез под своей собственной шерстью. Она отросла более чем на два фута, что же касается толщины и плотности шерсти, то фото дает хорошее представление об этом».

Наш хозяин на мгновение замолк, чтобы вслушаться в завывание ветра в камине. «Неприятен этот ветер, который дует день и ночь, не правда ли? Особенно для тех, кто к нему еще не привык. Но мы видим в этом вечном ветре нашего лучшего союзника, его непрерывная работа способствует улучшению качества шерсти в большей степени, чем сами фермеры. Он заставляет непрерывно расти и обновляться белое золото нашей пустыни».

Известно, что крайний юг Южной Америки с его обширными равнинами Патагонии и Огненной Земли вместе с Австралией и Новой Зеландией — самые крупные районы овцеводства на земле и что шерсть — главное богатство этих

пустынных областей. Однако менее известно, что здесь, на краю земли, овцеводство — относительно новая отрасль и ей еще нет даже ста лет. В пампе по обеим сторонам Магелланова пролива еще не было других обитателей, кроме гуанако и индейцев, которые за ними охотились и этим жили, когда английские фермеры на Фолклендских островах, расположенных только около 500 километров восточнее, уже давно стригли своих овец. Первое овчье стадо в самой Южной Америке, прежде чем перейти в наступление на континент, было выведено непосредственно в Магеллановом проливе, так как губернатор Пунта-Аренас — тогда еще довольно жалкой прибрежной деревни—привез в 1877 г. из поездки на Фолклендские острова несколько овец и оставил их на двух маленьких островах в Магеллановом проливе. У него были все основания не доверять грабителям-матросам и полуголодным золотоискателям прибрежного района.

Вскоре родилось несколько маленьких пугливых ягнят, которые отважились перебраться на континент. Сегодня же только в обширных окрестностях Пунта-Аренас уже около четырех миллионов овец, а на всех землях Патагонии и Огненной Земли, которые поделены между Аргентиной и Чили, свыше тридцати миллионов! Если сравнить эти цифры со всем населением этих областей, то в среднем на одного человека приходится более ста овец! Во всей Австралии с ее (округленно) ста миллионами овец на почти десять миллионов человек достигнута только десятая часть этого соотношения. Если вспомнить, что клочок необработанной шерсти не тяжелее пушинки, то довольно трудно себе представить, что общий вес ежегодного «урожая» шерсти в Патагонии и на Огненной Земле превышает 750 тысяч тонн! Даже для такой страны, где все наоборот, где к солнцу и теплу надо подаваться на север и где в июле и августе идет снег, поразительно, что столь кроткое и малоагрессивное животное, как овца, повинно в истреблении не только своего дикого собрата — гуанако, но также и коренных жителей Патагонии. Все отступило перед этим потоком животных, перед этой волной, которая с непреодолимой стихийной силой завладела землей, расправилась с растительностью, затем с другими животными и, наконец, с людьми, по меньшей мере с теми, которые были там у себя дома, то есть с индейцами.

Так как земля в Патагонии принадлежит государству, которое, смотря по обстоятельствам, сдает ее в аренду только на несколько лет, аргентинские и чилийские фермеры-овцеводы жгли патагонские леса, чтобы быстрее создать

площадь для пастбищ. День за днем, месяц за месяцем горел лес до самых Анд. Частично горит он и сейчас, и, как кошмар, преследует на каждом шагу вид этих чудовищно искалеченных вечными ураганами пампы лесных великанов, мученически вытягивающих свои обугленные, черные или пепельно-белые обрубки.

Здесь, в безбрежной пампе, правит один король — овца, а белые люди, которые ходят за ней, стригут и в конце концов убивают ее, в сущности только ее подданные. Правда, этот король из довольно смешанной династии, так как в родословной патагонских овец имеются все названия европейских пород, и в сером море патагонского стада — символе однообразия и анонимности — специалист отличит признаки пород коридейл, линкольн, ромней, меринос или рамбулье. На берегу внутреннего моря Скайринг мы даже видели каракульскую овцу с толстым хвостом, который, казалось, ее несколько смущал!

Правда, несметное овечье стадо Патагонии пасется на таких широких просторах, что оно попросту в них растворяется. Нередко на одиноких эстансиях, как на больших пароходах, имеется собственный самолет, заменяющий отсутствующую железнодорожную сеть и почти непроезжие дороги между отдельными фермами. Чего у них нет, так это кошар для овец, и стадо в течение всего года остается под открытым небом. Да и как можно их вообще укрыть, если на каждый гектар приходится примерно по одной овце, а на многих эстансиях их более 100 тысяч. К тому же небо Патагонии, как уже говорилось, создавая самую постоянную непогоду на земле, заботится о густой и солидной шерсти.

Пастухи верхом на лошадях в сопровождении собак с раннего утра до позднего вечера объезжают пампу. Весь год они охраняют разбросанное от горизонта до горизонта стадо, лечат больных животных, маркируют клеймом эстансии родившихся где-нибудь под защитой куста ягнят и уничтожают, где только могут, выводки каранчо. Каранчо — хищная птица величиной с канюка — злейший враг овец, а поэтому и пастухов. Она кружит над стадом и, как только замечает истощенную или отставшую овцу или ягненка, бросается на них, несколькими мощными ударами клюва выклевывает глаза, вцепляется в спину и заставляет свою шатающуюся жертву нести себя, до тех пор пока та не упадет. Часто каранчо в качестве непрошенных повивальных бабок присутствуют при рождении ягненка и пожирают его, а вслед за ним и его ослабевшую мать. Бесчисленное коли-

чество выбеленных непогодой больших и малых скелетов овец, рассеянных по пампе, — свидетельство успешной деятельности этого убийцы.

Два-три раза в год овец моют в дезинфицирующей жидкости, чтобы избавить их от паразитов. Когда приходит зима, пастухи обстригают животных шерсть вокруг глаз, иначе на ней оседает снег, который застывает коркой и ослепляет овец. Иногда снежная пурга неожиданно покрывает животных толстым белым покрывалом. В смертельном страхе, из последних сил вытягивают они головы, чтобы глотнуть воздуха. Пастухам с нечеловеческим трудом в пронизывающую стужу приходится откапывать их, не считаясь со временем суток. И хриплые крики потных людей, жалобное блеяние овец, лай собак и вой ветра сливаются в единую варварскую симфонию.

Но по-настоящему страдная пора наступает только летом. Начиная с января пастухи-кентавры в измятых фетровых шляпах или надвинутых на лоб беретах сгоняют со всей территории эстансии для стрижки 50, а то и 100 тысяч овец. Эти потоки серой шерсти, подгоняемые и удерживаемые с боков собаками, двигаются через пампу по направлению к баракам из гофрированной жести, где их встречают стригали, разделенные на рабочие бригады по 10—20 человек.

Почти все стригали Патагонии и Огненной Земли родом с Чилоэ, большого острова, завершающего на севере путаницу патагонских фиордов и каналов. Каждое лето эти бродяги, но выносливые работники, пьяницы и скандалисты, на короткое время вынуждены стать оседлыми и трезвыми, так как в течение двух месяцев стрижки рабочее время четко регламентировано и все алкогольные напитки запрещены.

Быстрота и ловкость грубых рук этих людей удивительны: менее чем за две с половиной минуты овца, почти погребенная под своей шерстью, оказывается наголо остриженной. Каждый стригаль обрабатывает электрической машинкой от 150 до 200 овец в день. Он наклоняется над сидящим на задних ногах животным, крепко держит его левой рукой и сначала проводит машинкой один раз вдоль живота, затем ведет ее вверх по бокам, а по спине снова вниз, причем мимоходом быстро прихватывает и ноги. Теперь вокруг совсем голой и почти неузнаваемой овцы расстилается ее шерсть, и не отдельными клочками, как их сметает парикмахер после стрижки волос, а целиком, как сброшенное платье, которое овца, судя по ее напряженному барахтанью, любой ценой хотела бы снова надеть. Это распростертое на земле платье выгля-

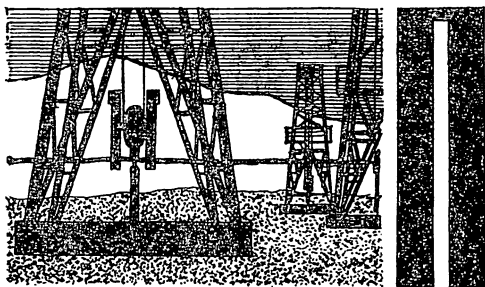
дит очень широким по сравнению с покинувшим его тощим белым телом. И вот, стоя над толстым, молочного цвета руном с пожелтевшим от жира краем, стригаль дает своей жертве пинок ногой и выбрасывает ее из барака через маленький люк на холодный ветер, заставляющий голую овечку дрожать и блеять. Работа человека окончена, теперь снова начинается работа ветра.

Хозяева эстансий долгое время заботились только о шерсти. Овцы умирали просто от дряхлости, если они до этого не становились жертвами каранчо или пумы, хищной, цвета песка патагонской кошки, которая при случае убивает десять овец, чтобы съесть только одну: «Из жестокости», — говорят чилийцы. «Спорт», — говорят британцы. Что же касается мяса, то численное соотношение овец и населения не давало надежды на коммерческую прибыль от мяса. Лишь возникшая несколько десятилетий тому назад в Европе ситуация побудила фермеров-овцеводов использовать эту новую возможность и отправлять часть своего стада не только в бараки для стрижки, но и на мясохладобойни, которые были сооружены на побережье Магелланова пролива и Атлантики. Теперь каждый год почти десятая часть поголовья в виде охлажденного мяса отправляется морем в Европу, особенно в Англию. Когда последние грузовые суда, перевозящие шерсть, покидают устаревшие портовые причалы Пунта-Аренас и небольших южноаргентинских перегрузочных портов, освободившиеся места занимают другие грузовые суда, заполняющие свои трюмы замороженными бараньими тушами.

Отвратительная сладковатая вонь заполняет цехи *frigoríficos* — скотобоен и фабрик по разделке мяса, где мужчины окровавленными до локтей руками наполняют консервные банки бараньей печенью, бараньими мозгами и бараньими языками. Но по соседству в холодильниках бесконечный ряд розовато-коричневых обезглавленных и освежеванных туш создает впечатление своеобразной красоты: красоты порядка, тишины и холода. Одна за другой замороженные туши туго упаковываются в белую марлю; под прощальную музыку скрипучих старых кранов и лебедек они отправляются в свое последнее путешествие.

Петер ничего этого не знал: ни страхов стрижки в шумной темноте барაკов, ни пинка чилота, ни неприятного сюрприза оказаться вдруг голым на холодном ветру, ни путешествия к бойням на побережье. Он почти ничего не почувствовал, когда однажды, в начале первой зимы, прискакал

пастух и обрезал ему шерсть со лба. Прошло немного времени, и были наконец признаны его необычайные качества; затем ему дали имя и место на лучшем пастбище, а при случае ему предоставлялось даже убежище. Окруженный бесчисленным потомством, сгорбившись под тяжестью лет, он умер около своего хозяина. И больше он никогда его не покинет, так как в самой лучшей комнате эстансии над камином, в котором никогда не гаснет пламя, висит его портрет в серебряной рамке, предназначенной для королей.

Черное золото Патагонии: мало угля и много нефти

примерно в то же время, когда в Патагонии начали заниматься овцеводством, заложившим фундамент основного богатства страны — белого золота — шерсти, был найден уголь, считавшийся вначале черным золотом Патагонии. Однако в настоящее время в противоположность белому это обманчивое черное золото вряд ли играет какую-либо роль в экономике Патагонии, по крайней мере на чилийской стороне.

Именно на чилийской земле в середине прошлого столетия был открыт первый каменноугольный пласт немного выше Пунта-Аренас по обеим сторонам небольшой речки, протекающей через город. Речка и сегодня еще называется Río de las Minas. Была торжественно открыта шахта Лорето, но, несмотря на самое благоприятное расположение вблизи портового города Пунта-Аренас и дешевую разработку открытым способом, она спустя короткое время была закрыта: уголь был такого плохого качества, что не мог быть использован даже заходящими в Пунта-Аренас судами.

За несколько месяцев до начала первой мировой войны один французский золотоискатель нашел здесь золото, которое он не искал: на берегу моря Скайринг, одного из трех глубоко врезающихся в провинцию Магальянес заливов Тихого океана, якорь его лодки зацепился прямо за уголь, а вдоль берега сплошь тянулись небольшие черные сверкающие скалы. Снова началась разработка, была освящена шахта «Елена», и снова пришлось признать, что и здесь уголь довольно низкого качества и не лучше, чем в шахте Лорето, хотя добывать его было еще легче. Во время войны добычу угля прекратили, в 1921 г. ее возобновили, а в конце второй мировой войны вновь прекратили, на этот раз, вероятно, навсегда. Кроме того, шахта «Елена» расположена слишком далеко от каких-либо поселений, дорога вдоль берега Скайринга местами почти непроезжая, а морской путь слишком длителен. Другая такая же маленькая шахта в районе

Скайринга, шахта Магальянес, еще существует, но уединенное местоположение и плохой уголь вряд ли дадут ей возможность продержаться.

Так, в Чили должны будут окончательно отказаться от попытки превратить в золото уголь своего крайнего юга. Проглотить эту горькую пилюлю правительству, экономистам-плановикам и деловым людям будет трудно еще и потому, что единственная угольная шахта, работающая на юге Патагонии действительно с прибылью, расположена, как нарочно, на аргентинской стороне. К тому же еще так близко от границы, что большинство ее рабочих, чилийцев из Пуэрто-Наталес, переходят два раза в день эту границу, чтобы приумножить богатство враждебной родственной страны! Эта шахта, Рио-Турбьо, имеющая самые крупные залежи каменного угля в Аргентине, с приблизительными запасами в 600 миллионов тонн, выдает в настоящее время 400 тысяч тонн угля в год. Перевозка угля к побережью Атлантики осуществляется по единственной железнодорожной линии Патагонии — узкоколейной железной дороге длиной около 200 км от Рио-Турбьо до Рио-Гальегос. Разработан большой план, и уже начинается его осуществление по развитию шахты Рио-Турбьо и расширению погрузочных устройств в Рио-Гальегос с тем, чтобы превратить эту сонную деревню в порт по перегрузке угля на юге.

Но, как уже говорилось, уголь в экономике Патагонии (даже в аргентинской ее части) имеет небольшое значение по сравнению с новым «черным золотом» — нефтью.

Первая нефть была найдена в Патагонии примерно сорок лет тому назад на берегу залива Сан-Хорхе, где и в настоящее время расположены самые крупные нефтепромыслы в Аргентине, с главным портом Комодоро-Ривадавия. Свыше половины всей аргентинской нефти добывается в этом районе. Сотни буровых вышек тянутся вдоль берега на протяжении 200 км, вдаваясь в глубь страны до 30 км; столько же их стоит в воде самого залива, так как под морским дном содержится столько же нефти, сколько и на материке. В ближайшем будущем Комодоро-Ривадавия будет соединена с Буэнос-Айресом 2000-километровым нефтепроводом (впрочем, на картах он уже давно обозначен как готовый) и почти пять миллионов жителей столицы будут снабжаться газом и мазутом.

Если добываемая в Аргентинской республике нефть в количестве свыше 6,5 миллионов тонн* полностью покрывает

* В настоящее время около 17 миллионов т.— *Прим. ред.*

собственные потребности страны и Аргентина в состоянии отказаться от ввоза любых нефтепродуктов, то этим она обязана наряду с несколькими другими месторождениями не только недрам Патагонии, но и недрам Огненной Земли. В аргентинской части большого острова государственным предприятием по разработке нефти является Yacimientos Petroliferos Fiscales, марка которого — окаймленные двумя кругами буквы YPF — встречается здесь на каждом шагу.

Охваченные завистью к преуспевающим соседям-конкурентам, чилийцы начали искать и скоро нашли тоже нефть в «своей» Патагонии и на «своей» Огненной Земле. Невдалеке от Пунта-Аренас и на северном берегу Магелланова пролива чилийская государственная организация ENAP (Empresa Nacional de Petroleo), соответствующая аргентинской YPF, тоже перешагнула через Магелланов пролив и установила свои буровые вышки в огнеземельской пустыне. Там сейчас занято более 4000 рабочих, и в северной части Огненной Земли как по мановению волшебного жезла появился целый город из сборных домов—Сомбреро. Тут же поблизости, в Манантьялесе, уже несколько лет работает нефтеперегонный завод, не уступающий по оснащению самым современным заводам Северной Америки и Европы.

Очищенная нефть течет по пятидесятикилометровому трубопроводу к маленькому порту, построенному ENAP в Кларенсии, откуда она морем отправляется на север Чили. В стадии строительства находится новый нефтеперегонный завод, который должен быть в три раза больше, чем в Манантьялесе! Нефть, добываемая в Чили, почти полностью удовлетворяет потребности страны.

Для того чтобы Аргентина и Чили смогли освободиться от современного вида рабства — ввоза жидкого топлива, жизненно необходимого для экономики, — понадобились, естественно, длительная подготовка и огромное количество техники. То, что обе страны не обладали достаточным количеством денежных средств и рабочей силы, вполне можно себе представить. Ни Аргентина, ни Чили не могли обойтись без денежной помощи, в обеих странах не было ни инженеров-нефтяников, ни вообще нужного технического персонала всех квалификаций. Они поставляли только чернорабочих, которые бурили в течение десятилетий землю Патагонии и Огненной Земли под руководством североамериканских инженеров, мастеров, бригадиров и с помощью американского капитала, который был, конечно, заинтересован в таком большом и перспективном деле.

Эта опека была необходима, но выносили ее с трудом. Совершенно чуждые стране, ее языку и образу жизни, гринго так же мало привыкали к Патагонии, как и она к ним...

Гринго постепенно потеряли легко доставшиеся им важные позиции в эксплуатации недр Патагонии. Надо научиться обходиться без гринго, и, чем скорее, тем лучше! Как только первые рабочие-нефтяники усвоили основы новой профессии и смогли занять места бригадиров и мастеров, а североамериканские университеты выпустили первых аргентинских и чилийских специалистов-инженеров, УРФ и ЕНАР сократили количество американских специалистов в нефтеразведке и нефтедобывающей промышленности. В настоящее время в этой промышленности, находящейся теперь целиком в руках правительств Сантьяго и Буэнос-Айреса, работают буквально единицы гринго.

Боевой клич этой «нефтяной войны» мы видели на облупленной стене в Пунта-Аренас, на которой рядом с примитивно нарисованной вышкой неопытная, но решительная рука написала мелом местный социалистический лозунг: «El Petróleo chileno Para El Pueblo chileno!» (Чилийская нефть — чилийскому народу!) Эта война теперь выиграна, и победа одержана.

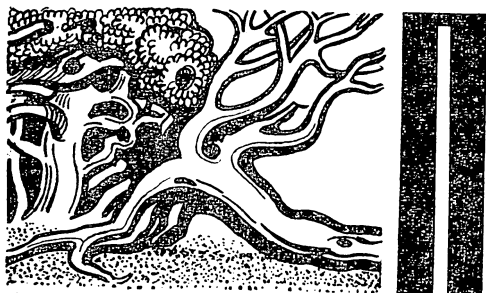
На берегу Скайринга мы обошли покинутые бараки и замолкшие мастерские бывшей шахты «Елена». Входы в шахту забиты досками, а вышки из гнилых балок угрожают обвалом. К длинным деревянным сходням, наверное, уже никогда не причалит пароход. Казалось, что все это медленно превращается в ничто, однако шахта четверть столетия существовала и работала и даже еще теперь охраняется старой супружеской парой, живущей в полуразвалившейся хижине, на случай, если...

Спустя несколько дней мы проходили по новым улицам Сомбреро — центра другой пустыни, на севере большого острова Огненная Земля. Там мы видели рабочих, держащих в руках конверты с полученной зарплатой. При осмотре только что законченного дома для мастера завода мы узнали, что одна такая квартира, правда с полным комфортом и даже с робкими намеками на роскошь, стоит для ЕНАР около 100 000 марок! Нам показали буровую вышку новейшей системы, на которой рабочие одеты в шлемы, забрызганные грязью рабочие, и в заключение повели на нефтеперегонный завод, гордость Манантьялеса, который, как гигантский орган, простирал к небу свои блестящие металлические трубы. Колеблемые ветром высокие газовые огни на окрестных

холмах напоминали о лагерных кострах племени она, постепенно гаснущих один за другим после прихода белого человека.

Мы выразили гидам и принимавшим нас в Сомбреро хозяевам свое удивление, восхищение и благодарность. Их гордость за свершенное произвела на нас такое же сильное впечатление, как и их гостеприимство. Но мы думали и о другом: пятьдесят, самое большее шестьдесят лет тому назад здесь жило только несколько кочевых индейских семей, добывавших себе пропитание с помощью стрел и своры собак. Прошло только полстолетия — и что за чудо совершила нефть! После наступления темноты красновато-желтые языки пламени становились еще виднее и вновь оправдывали название этой страны, а вместе с тем усилия и надежды ее теперешних обитателей. Но если не быть аргентинцем или чилийцем и, к несчастью, принадлежать к тем старомодно мыслящим людям, которых скорее раздражает, чем радует проникновение цивилизации белых и вымирание индейцев, знакомых нам по книжкам с картинками, тогда видишь за каждым из этих огней сидящих индейцев, укутанных в шкуры и прижимающих к себе своих собак для защиты от ночного холода. Они умерли, чтобы жила овца, чтобы ударила из-под земли нефть и чтобы Огненная Земля стала наконец богатой — но для других людей..

Лесные пожарища

ри первом взгляде на расщепленные, поваленные деревья приходит мысль о молнии, так как длинные раны, трещины и своеобразно застывшие изгибы обычно являются признаком ее удара. Но этих истерзанных деревьев становится все больше, их уже масса, бесконечность, покрывающая землю до горизонта. Эту массовую гибель лесов в стране, где отсутствуют грозы, объясняют землетрясением. Но и землетрясений в Патагонии и на Огненной Земле нет или по крайней мере их не было с незапамятных времен.

Единственные виновники этой непонятной и трагической картины — ветер, а вслед за ним — человек. С толстыми стволами, такими же мощными, как он сам, даже патагонский ветер не смог ничего сделать. Но ветви он гнет и заплетает в курчавые косы, скручивает и уродует, придавая им бесчисленные формы драматических жестов. Некоторые деревья на опушке леса или на каменистом берегу, где ничто не защищает их от ураганного ветра мыса Горн, растут как длинное, раздуваемое ветром пламя, или ползут по земле подобно темному дыму.

Но вот пришел настоящий огонь, но не с неба, а от обычного земного человека. Первыми поджигателями были индейцы, сжигавшие во время коротких стоянок несколько веток, чтобы согреться или испечь в горячей золе свои ракушки. Но после их ухода налетал ветер, раздувал оставшийся жар, разносил искры, снопы огня с треском перепрыгивали с дерева на дерево, и в конце концов загорался весь лес. Белые же, хотя их вначале было меньше, чем индейцев, за короткое время произвели в районе между Андами и антарктическим морем поражающие опустошения. Они пришли сюда лишь затем, чтобы обеспечить своим овцам необходимые пастбища. Но овец стало уже несколько миллионов, и для них надо было расширить пампу, прорубить глубокие просеки в густом лесу у подножия Анд. Они торопились с этим, так как земля не принадлежала скотоводам, а бралась ими у

государства в аренду только на несколько лет. Простейшим средством вырубки был огонь — в течение нескольких дней весь склон горы или целый остров превращались в дымящееся пожарище, непрерывно питаемое и раздуваемое ветром. Никому не нужные обуглившиеся стволы вырубались топором.

Чтобы использовать то, что спаслось от пожара, за овцеводами-лесорубами следовало несколько лесопилок, которые обосновывались в таких отдаленных бухтах, что к ним в большинстве случаев можно было попасть только по воде. Но кроме как на нескольких убогих предприятиях, из которых, впрочем, половина уже давно не работает, здесь, на крайнем юге, пил нигде нет — лесорубы их или не знают, или презирают и работают только топорами. Ни на одном пне не видно гладкой, плоской поверхности среза; каждый из них покрыт небольшими уступами, столь характерными для топора.

Наконец ветер берет верх над израненными огнем и топором великанами, стволы падают на землю, и их вырванные, вывернутые корневища, смешавшись с камнями и землей, образуют жуткие «черные солнца» или лица Горгоны с тяжело свисающими, обугленными косами. Идешь, как в кошмарном сне, как по исполинской дороге призраков природы. В массе этих стоящих или как бы катящихся по земле причудливых фигур встречаются все жесты ярости, страха, бегства или нападения. Как в сказках братьев Гримм протягивают они свои худые руки с длинными когтистыми пальцами; другие с трудом выпрямляются, как бы умоляя о пощаде, раболепно ползут по земле и неожиданно на кого-то кидаются, иные прячутся, сдаются и отступают...

Желтоватый мох стыдливо закрывает сморщенные, согнутые и обугленные стволы. Мох флагами из тряпья свисает с ветвей деревьев, которые были бы печально уродливы, если бы солнце иногда не освещало их призрачную красоту.

Долгие годы неутомимый дождь обмывал трупы деревьев и довел многие из них почти до нематериального состояния; рядом с пустыми, внутри обуглившимися, жалкими деревьями неожиданно попадает мертвец, но радостно великолепно совершенно гладких, блестящих бело-серых стволов. Если после сучковатой, обгоревшей древесины провести рукой по светлой, шелковистой поверхности этих стволов, то возникает своеобразное ощущение облегченности — единственная мягкость и единственное примирение в этом угрожающем, сумбурном окружении.

Постепенно это чувство умиротворения передается человеку, и он при виде этого умерщвленного леса неожиданно для себя перестает ощущать боль и сострадание. На раздробленной земле Европы, которая кажется созданной для своих обитателей, такое опустошение выглядело бы катастрофой; здесь же оно соразмерно Андам и пампе и, как они, безгра нично и безжалостно.

Контраст между размерами этого уничтожения и незначительностью средств, необходимых для его осуществления, — тоже неожиданность. Ведь район практически необитаем; сюда приходили только отдельные овцеводы со своими стадами и в качестве единственного орудия разрушения приносили с собой топоры. Трудно поверить, что несколько человек только с помощью своих рук смогли повалить бесчисленное количество этих лесных великанов. Целыми днями мы бродили в мертвых лесах вдоль берегов внутренних морей Отуэй, Скайринг и по острову Риеско и ни разу не увидели ни одного лесоруба за работой. Но иногда овцеводы в своих ранчо из гофрированной жести и досок показывали нам длинные топоры, гордость каждого чилийского пионера, и надо признать, что эти топоры отнюдь не выглядели так, словно всегда валялись за печкой вместе с овечьими шкурами и широким пастушеским бичом!

В некоторых маленьких, защищенных от западного ветра бухтах побережья Патагонии мы видели десятки больших кленовых или кипарисовых бревен, лежащих на берегу наполовину в воде и омываемых легкой зыбью. С одного конца бревна были глубоко подрезаны по окружности, а затем шарообразно закруглены; это выглядело так, будто великан оставил на берегу свои кегли. Нужна была также сила великана, чтобы притащить сюда эти бревна, откуда старый пароход лесопильного завода когда-нибудь их захватит и, таща за собой, доставит в другую отдаленную маленькую бухту, где их ожидают. Но ожидают, вероятно, уже давно, так как большинство бревен, колеблемых приливами и отливами, зарылось, как крабы от страха, в песок и, казалось, потеряло всякую надежду на путешествие. Пароход чилийского военного флота — своеобразный мальчик на побегушках, занимающийся снабжением маяков и осуществляющий единственную связь цивилизации с несколькими затерянными на краю земли жителями, — доставил нас однажды в конец глубокого фиорда; там мы погрузили тонны кипарисовых бревен, сложенных у подножия ледника. Как мы узнали от матросов, эти бревна в течение пяти лет ожидали прибытия парохода!

Уже давно никто не присматривал за этой ценной древесиной. Только маленькая прогалина и остатки изгороди свидетельствовали о том, что какой-то ранчero пытался тут обосноваться, но вскоре от этой затеи отказался.

Не только люди доставляли к этим берегам срубленные деревья, само море также сплавляло их сюда, подбирая в других местах. На сотни миль побережье Патагонии усеяно плавающим лесом; нет ни одной бухты, которая не была бы покрыта и загромождена деревьями-скелетами. В этом беспрерывном морском выбросе удивляет не столько само скопление, сколько соотношение обработанной древесины и натуральной. Между сучьями, оторванными и отброшенными в море ветром, и целыми деревьями, которые течение и прибой пригоняют к берегу, на каждом шагу можно встретить куски мачт лодочных банок, распорок, весел, хижин и изгородей. И так же, как в искалеченных лесах, спрашиваешь себя, как смог человек, которого нигде и никогда не видно, способствовать возникновению этой гигантской кучи, кучи беспорядочной, но не безобразной, так как соленая вода, ветер и солнце придали древесине в еще большей степени, чем промытым дождями деревьям мертвого леса, ту светло-серую окраску, тот гладкий до блеска налет, которые возбуждают неодолимое желание провести по дереву рукой. Особенно это чувствует рука моряка, которая при таком прикосновении вновь ощущает годами драившееся дерево судовой палубы, и благодарна стихии, которая сохраняет или восстанавливает у дерева такую же гладкость. Итак, в этом всеобщем умирании, сопровождавшем нас на краю земли, не было, собственно говоря, ничего жестокого — только смутное подтверждение естественного порядка в этом кажущемся беспорядке, а также ненадежности всего живого. Поражала только сравнительно большая площадь, занимаемая всем отвергнутым природой в тесном соседстве с тем, что еще оживляет ее на несколько дней или лет. И наконец, была даже своеобразная красота в этом чудовищном умирании, которое благодаря просторам, кажущимся бесконечными, отсутствию человека и господствующей силе стихии само стало стихией. О присутствии человека здесь узнают по содеянному им в лесах, причем только тогда, когда вся их уродливость заменяется изяществом умирания.

Но не весь лес Патагонии и Огненной Земли уступил требованиям плодовых овец и чилийских лесорубов. Там, где лес еще сохранился, а он сохранился более чем на сотнях и тысячах квадратных километров, у него два совершенно

различных облика в зависимости от того, на какой стороне он находится. На востоке, в сторону Атлантического океана, где лес спускается с Кордильер и в отдельных местах достигает берегов Магелланова пролива, климат, как и в примыкающей к нему пампе, довольно сухой. Зато на западе, где лес, цепляясь за отвесную стену тех же Кордильер, как водопад, единым потоком сбегает вниз к морю, он оказывается в полной власти мощных тихоокеанских ураганов с дождями и точно так же, как леса на северо-западе США, заслуживает названия rain forests (дождливые леса).

На восточных склонах Анд лес тянется на большие расстояния. Там он не очень густой и состоит только из немногих пород, но это восполняется размерами и толщиной деревьев. Огромные дубы (роблес) и антарктические буки (коигуе) различаются почти только по форме их небольших листьев: у одного вида они имеют зубчатые, а у другого — гладкие края. Рядом с ними коричник (канело) с листьями, похожими на листья лавра и белыми зонтиками цветов. Это примерно все, что касается пород деревьев. Но повсюду между ними цветут фуксии, здесь это не цветы в горшочках на европейских балконах, а небольшие деревья высотой от трех до четырех метров. Индейцы охотно используют их крепкие, упругие ветви в качестве каркаса при устройстве шалаша для ночевки, на который затем набрасывают тюленьи шкуры, старые одеяла или лохмотья.

Сухой лес всегда оживлен: на его верхнем этаже обитают представители более крупного птичьего царства — орлы, хищные птицы поменьше, магелланский филин, черные дятлы с красными головками, кричаще пестрые попугаи с зеленовато-бронзовыми крыльями и оранжево-красными хвостами, — в то время как подлесок, следовательно, первый этаж колыхается от бесчисленного множества мелких птиц, похожих на крапивников, малиновок и канареек. А еще ниже, на самой земле, пугливо шуршат тысячи кроликов! Здесь, в этом лесу, никогда не бываешь один: повсюду — с воздуха, с ветвей деревьев, из густого кустарника и с земли — за тобой наблюдают пары глаз, настораживаются уши, и маленькие сердца учащенно бьются от страха и любопытства...

Дождливые леса запада — это леса молчания. При слишком большом количестве воды сверху и чересчур малом количестве земли снизу они цепляются за самые отвесные скалы и нависают над узкими фиордами, где к тому же оспаривают у них жалкие клочки земли спускающиеся с Анд языки

ледников и бесчисленное множество водопадов. Из-за недостатка земли кипарисы, дубы и буки достигают здесь только средней высоты. Но только когда пытаешься проникнуть в этот лес, замечаешь, какой он густой; о такой густоте в Европе не имеют никакого представления. Кусты с маленькими стиснутыми листьями, гладкие мясистые папоротники, ослизлые мхи и лишайники — все это переплетается с нижними ветвями деревьев так плотно, что о продвижении скоро перестаешь и думать. Повалившиеся деревья, падая друг на друга, сцепились в смертельных объятиях. Вся почва — это гигантская губка, в которой теряешь сначала свой энтузиазм, затем иллюзии и в конце концов силы. Если опереться на ствол дерева, то он, подгнивший и источенный червями, обрушивается; схватишься за ветку — она остается в руках. Иные ветви переплетаются со скрученными лианами в сеть капканов и силков, где можно безнадежно застрять. Нигде ничего прочного, ровного, даже почва — только видимость.

То, что поначалу выглядит как скала, на которой можно хоть на мгновение перевести дух, оказывается темной массой сгнивших пней, ступив на которую погружаешься по грудь в труху. Если драматические формы мертвых южных лесов своими очертаниями вызывали лишь страх и ужас, то этот мокрый лес полон коварных ловушек.

Кроме ловушек, в этом лесу нет ничего настоящего. Деревья лгут, создавая видимость прочности, маскируясь для защиты от ветра и дождя. Все всходит и беспорядочно растет на бесконечно возобновляющихся растительных останках, в этой холодной, слезящейся от влаги теплице. На стволах деревьев и развилках ветвей растут пучки разнообразных растений-паразитов, превращая антарктические дубы в фигуры сюрреалистических картин; каждое дерево обвито истощающими его растениями, живущими за счет его гибели.

Лучше, чем с какой-либо другой картиной из внешнего мира, этот лес можно сравнить с подводным ландшафтом: здесь царит тот же серовато-зеленый свет, как и в кольшущихся лесах водорослей; мягкому желтоватому морскому дну, полному губок, пучков морской капусты и бесчисленных фантастически свисающих и распускающихся растений, соответствует бездонный слой мха, в котором тонут целые деревья, и изобилие неизвестных растений-паразитов, которые неожиданно покрывают деревья совершенно другой листвой, чем их собственная.

Тишина здесь такая же глубокая, как и под водой. Этот лес с избытком растительности не является пристанищем для

животных. Ничего похожего на посвистывающую, суетливую, трепещущую лесную жизнь атлантической части не существует по эту сторону обледенелого хребта Анд, на узкой полосе вдоль Тихого океана, где окоченевшие леса дрогнут под вечными ливнями и сотрясаются ураганными ветрами. Только очень редко на покрытом галькой побережье можно увидеть баклана или альбатроса, который бешено мчится над самой водой в путанице фиордов и каналов или, как парящий крест, без единого взмаха крыльев висит высоко в небе.

В

Один король и несколько принцев

I.

Патагонии когда-то тоже был король, но она об этом даже не догадывалась, так как сам король был единственным человеком, знавшим о своем титуле. Этот титул достался ему не по божественному праву, не по праву наследства, а единственно благодаря честолюбию, склонному к фантазии ума и поразительному упорству.

Все это было не так уж давно, всего в прошлом столетии. В 1860 году Аргентина еще не вела той истребительной или «освободительной» войны, которая очистила ее пампу от охотников-индейцев и позволила хозяевам эстансий в полной безопасности господствовать в своих владениях. У подножия Анд и на побережье Атлантики еще обитало большое количество индейцев техуэльче, кочевавших там точно так же, как краснокожие Северной Америки, и питавшихся мясом страусов и гуанако. Однако иногда они совершали разбойничьи нападения, если по счастливой случайности на их пути встречались белые или их колонии. По другую сторону Анд чилийцы боролись со «своими» индейцами. Но скромной армии Чили больше приходилось терпеть поражений, чем одерживать побед, и она испытывала большие трудности.

С горячей заинтересованностью следил нотариус из Периге за поступающими во Францию скудными сведениями о боях индейцев с белыми. Если он был вместе с индейцами против представителей своей собственной расы, то только потому, что он мечтал когда-нибудь стать их королем.

И фантастическое превращение нотариуса Антуана де Тунэна в Орели первого, короля Араукании и Патагонии, совершилось хотя и не божьей милостью, а только лишь благодаря его вере в свое призвание, в свою миссию.

Без копейки в кармане он сходит на берег в чилийском порту Тихого океана Вальдивия и в конце концов добирается до Анд. Здесь арауканские индейские племена почти в каждой стычке побеждают солдат молодой республики и гонят их, как заблудившееся в незнакомых горах стадо. Тунэн

предстал перед индейскими всадниками верхом на лошади и сразу произвел на них сильное впечатление своей курчавой окладистой бородой, длинными волосами и пламенным взглядом. В долине Анд он встречается с Квилипаном, одним из арауканских вождей, и с его помощью начинает собирать рассеянные и часто враждующие между собой племена под придуманным им самим королевским знаменем против общего врага: Республики Чили. К несчастью, он скоро попадает в ловушку, и чилийцы бросают его в тюрьму. Но спустя полгода освобождают, так как власти, приговорившие его сначала к десяти годам принудительных работ, согласились считать его помешанным и передали на французский военный корабль, направлявшийся в Вальпараисо.

В течение последующих шести лет Антуан де Тунэн предпринимает отчаянные попытки заинтересовать в своем предприятии Францию и французоз. Он публикует бесчисленные манифесты, все подписанные «Орели первый, король Араукании и Патагонии»; обращается к императору Наполеону III и наконец даже к папе, хотя раньше Тунэн был активным масоном! Но он смог завербовать только единственного земляка, некоего господина Планшю.

Теперь уже два человека высадились с французского военного корабля «Дантрекасто» в южной части Южной Америки, на этот раз на побережье Патагонии, совершенно пустынном берегу в нескольких километрах к югу от аргентинского порта Байя-Бланка.

И вот «король» и его спутник верхом на лошадях едут по бесконечной пампе, чтобы на другой стороне Анд снова наладить связи с арауканами и по возможности собрать по дороге еще подданных для их королевства: патагонских индейских всадников техуэльче. После недели утомительной езды в полном одиночестве, преодолевая песчаные бури и разлившиеся реки, они наконец встречают первых техуэльче. Но последние, конечно, не только никогда не слышали о короле Орели I, но даже не имели ни малейшего представления о том, что случилось шесть лет тому назад у их родичей арауканов. Поэтому они поступают с обоими бледнолицыми по доброму старому индейскому обычаю: накидывают на них ласео, привозят в свой лагерь и только тогда начинают совещаться, что с ними делать. Но как раз в этот момент мимо их кожаных палаток проезжают другие индейцы, не техуэльче, а мапуче, индейцы из Араукании. Король спасен и теперь отправляется со своими подданными первых лет царствования в направлении Анд. Там он снова встречается

с вождем Квилипаном, назначает его своим министром и вместе с ним опять начинает партизанскую войну против чилийской армии.

К несчастью для него и его планов, чилийцы за это время достигли значительных успехов в ведении войны против индейцев: они обрабатывают индейцев не только с помощью ружей, но хитростью и лестью, а также щедро одаривают водкой и таким образом подчиняют себе одного вождя за другим. Де Тунэн удваивает свои усилия, он с утра до вечера в седле, обещает оружие и боеприпасы, которые он будто бы предполагает получить с «Дантрекасто», и даже однажды берет в плен чилийский патруль.

В апреле 1871 года последние верные люди, собравшиеся вокруг Орели I в укромном убежище в Андах, убеждаются в том, что их мечтам приходит конец. Кроме того, Планшю, храбрый товарищ великого авантюриста, по ошибке был убит ночью в палатке, которую делил с королем. Де Тунэну пришлось сдаться.

И снова Антуан де Тунэн едет один по пустынной Патагонии к побережью Атлантики, чтобы попасть на пароход, направляющийся во Францию. У пампы и «его» индейцев есть теперь другой господин. Так же как чилийские войска преследовали арауканов до последнего убежища в Андах, так и здесь аргентинские солдаты изгоняют и убивают последних кочующих индейцев техуэльче, чтобы расчистить путь магнатам шерсти. Для мечтателей нет больше места на нашей земле, даже тогда, когда они мечтают о королевствах.

Но этот мечтатель отличался каким-то особым упорством. В 1873 году он еще раз появляется в Патагонии, на этот раз в Байя-Бланка, с намерением пустить в ход последний козырь: натравить друг на друга родственные республики Аргентину и Чили и извлечь из этого выгоду для своих индейцев и своей короны. С этой целью он остается у патагонцев на аргентинской стороне и пытается вызвать пограничные конфликты, а также снова организовать восстание среди своих «подданных» по ту сторону Анд. Однако вскоре его забирает в плен аргентинский полковник, точно так же как это сделал чилийский полковник двенадцать лет тому назад. В 1874 году де Тунэна освобождают, и он возвращается во Францию.

Через два года его снова встречают в Буэнос-Айресе. Но теперь это старый, надломленный человек, которого только высмеивают, когда он вместе с другими европейскими

эмигрантами ходатайствует о разрешении поселиться там, в Андах...

Тяжело больной, он садится на французский корабль и 17 сентября 1878 года умирает в деревне Туртуарек в своей родной провинции, один, со своими королевскими указами, знаменами и учрежденным им орденом.

Антуан де Тунэн, без сомнения, мог достигнуть своей цели. Многочисленные доказательства не только его смелых идей, но и физического и морального мужества заставляли замолкать все насмешки над его упрямством и неудачами. Его фантастический план был не так уж невыполним; сколько попыток и открытий казались в свое время еще более неосуществимыми и безрассудными. В случае удачи имя адвоката из маленького городка в Южной Франции было бы не только связано с историей, но и принадлежало бы ей, точно так же как имена Кортеса и Писарро, Сесилия Родса или Густава Нахтигала. Из всех ошибок, совершенных Антуаном де Тунэном, самой большой была та, что он на сто лет опоздал родиться.

В Патагонии, где безраздельно господствует лишь один повелитель — ураган, ничего не осталось от единственного короля, который был когда-то в этой стране. Даже следы копыт его коня—единственные следы, которые он оставил в своем королевстве, — уже давно стерлись. И только на деревенском кладбище департамента Дордонь во Франции, на другой стороне земли, надпись на увенчанном короной надгробном камне напоминает о том, что Антуан де Тунэн величался также Орели и был королем Араукании и Патагонии.

II.

Примерно в то же время, когда нотариус мечтал стать королем края земли, в таком же одиночестве подлинный принц искал забвения.

Этот подлинный принц, эрцгерцог Иоганн Сальватор фон Габсбург, был слишком сильно замешан в драме Майерлинг, чтобы его имя не стало таким же известным, как и его двоюродного брата кронпринца Рудольфа, бывшего к тому же виновником и одной из жертв этой трагедии. Настоящая роль в ней Иоганна Сальватора останется, вероятно, навсегда невыясненной. После всего случившегося он тотчас же покинул Австрию и Европу и под фамилией Иоганн Орт на своей шхуне «Санта Маргерита» добрался до Магелланова

пролива. Когда «Санта Маргерита» потерпела здесь крушение, он заставил весь мир поверить в свою гибель, жил еще некоторое время в Пунта-Аренас и наконец действительно исчез, то есть так хорошо укрылся от внимания и любопытства своих ближних, будто на самом деле погиб где-то у рифов Огненной Земли.

Даже еще и сегодня в Патагонии можно легко исчезнуть и заставить себя забыть; в то время это было значительно легче. Тогда, в 1890 году, Пунта-Аренас, столица и единственный порт самой южной чилийской провинции с населением около 3000 человек, был лишь скоплением бараков с несколькими протянувшимися в различных направлениях ветхими заборами, пытавшимися обозначить границы подобия улиц. Из жителей только немногие могли дать о себе точные сведения и представить доказательства определенной национальности и честной профессии. Каждый жил своей жизнью, как хотел и как мог.

К этим золотоискателям, случайным пастухам и беглым морякам прибавился еще один — Иоганн Орт; но это был авантюрист, у которого в жизни осталось только две цели: одна — это полный разрыв с прошлым, забвение своего титула и ранга императорского и королевского высочества, интриг и драм венского двора и другая — исследование крайнего юга, суровая красота которого сразу захватила его. Все же трудно себе представить больший контраст между прежним образом жизни и средой эрцгерцога и выбранным им существованием на исхлестанном штормами побережье Огненной Земли. Здесь, у пролива Бигл, по которому проплывал в свое время Дарвин, и поселился Иоганн Орт.

Позднее он отправляется на северо-запад и в течение ряда лет под непрерывными ливнями блуждает по лабиринту патагонского и огнеземельского архипелага, посещает самые отдаленные, безлюдные островки, где только на некоторых живут одинокие рыбаки-индейцы. Он проникает в самые глубокие, врезающиеся в Анды фиорды и наконец достигает самих Анд и восхищается их блеском. У подножия гранитных обледенелых башен Фицроя, которые отражаются в громадных озерах Анд Патагонии, строит примитивное ранчо и называет его Каньядон-Ларго. Принц живет здесь в полном уединении, возле него только лошади и коровы; спит на шкурах, для освещения пользуется светильником из жира. Охотится и изучает мир животных и растений, особенно интересуется ранее почти совершенно неисследованной топографией этой части Анд; бродит в горах по

всем направлениям, чтобы отыскать проход на запад, так как не может поверить, чтобы в гигантской стене перед Тихим океаном не было бы где-нибудь прохода.

В своей дымной хижине среди шкур гуанако и вонючих светильников Иоганн Орт сохраняет живой ум, неудовлетворенную жажду знаний, манеры, чистоплотность и почти элегантность Иоганна Сальватора фон Габсбурга. Когда один французский путешественник случайно наткнулся на его хижину, то был поражен светской вежливостью ранчero; они беседовали сначала по-испански, затем на языке гостя, на котором хозяин говорил так же бегло и уверенно, как на испанском или на немецком.

Осыпанный почестями, принц к ним больше не стремился; привыкший к роскоши, он не искал даже комфорта. Он был пресыщен светской жизнью и на краю земли обрел покой. С миром в душе в этом избранном им самим уединении, у подножия гигантского Фицроя, эрцгерцог Иоганн Сальватор фон Габсбург умер в 1910 году. Проход через Анды к Тихому океану, который он надеялся найти, открыть ему не удалось, так как его не существует. Но Иоганн Орт обрел то, чего не знал Иоганн Сальватор фон Габсбург: душевный покой, а это, если вообще выпадает на долю человека, счастье.

III.

Резким контрастом к поискам уединения и душевного покоя эрцгерцога, которому надоел белый парадный мундир императорской и королевской армии, является грубое стремление к власти и богатству «черного принца» на том же самом краю земли.

Еще и сегодня в Пунта-Аренас рассказывают об афере Камбиазо, показывают двор, где он казнил свои жертвы, и мы даже знали одного югослава, который, несмотря на относительно большой доход от выгодных предприятий, не поддаваясь усталости, с часами, свисающими с руки, как маятник, долгое время просиживал над простым планом города в поисках спрятанного пиратом сокровища. Этим пиратом был Мигэль Камбиазо, лейтенант чилийской армии, «пират на море и разбойник на суше», как было написано на его знамени. Но это была только первая половина надписи. Вторая гласила: «Никакой пощады», а между ними была изображена мертвая голова.

В 1850 году лейтенант Камбиазо за недисциплинированность и разные другие проступки в порядке административного взыскания был переведен в маленький фуэрте (форт) Бульнес, на берегу Магелланова пролива, примерно в 50 километрах южнее Пунта-Аренас. За изгородью из нетесаных бревен, взятых из ближайшего леса, он должен был подумать о влиянии своего плохого поведения на собственную карьеру и по возможности исправиться. Но раздумья подобного рода были ему, по-видимому, совершенно чужды. Зато его деятельный ум напал на мысль, что не только маленький деревянный форт с его слабым гарнизоном, но и ближайший «город» Пунта-Аренас, в котором было тогда менее 400 жителей, — лакомые плоды, которые легко сорвать особенно потому, что, располагаясь на нижнем краю карты, они изолированы от остального мира. Это было тем более заманчиво, что в то время население Пунта-Аренас состояло из арестантов, политзаключенных и нескольких караульных подразделений. Камбиазо задался целью бросить в один котел, и притом в свой собственный, всех заключенных и охрану, разбойников и жандармов. Для этого достаточно немного ума и много храбрости.

Однажды, находясь под арестом, он взбунтовал гарнизон форта и во главе его отправился вдоль побережья Магелланова пролива в Пунта-Аренас. «Город» был быстро взят, а губернатор, комендант города и священник расстреляны. Освобожденные арестанты и солдаты охраны присоединились к нему более или менее добровольно и образовали отряд под руководством офицера, ставшего бандитом. Но этот бандит властвует теперь единолично над всей южной чилийской провинцией с ее единственным портом и Магеллановым проливом. Правительство в Сантьяго не имеет ни малейшего представления о том, что происходит на крайнем юге страны — связь с той отдаленной провинцией была очень нерегулярной, ведь тогда еще не существовало способов быстрой передачи сообщений, — и продолжает посылать в Пунта-Аренас арестантов. Таким образом, однажды Камбиазо было прислано семьдесят новых рекрутов для его армии вместе с доставившим их судном «Флорида». Спустя несколько дней в его сети попадает английская шхуна и обогащает его казну большим количеством золотых слитков.

Наконец Камбиазо, опасаясь запоздалой, но, несомненно, действенной реакции правительства своей страны, решает перенести поле своей до сих пор успешной деятельности на море. Он садится со всей свитой на «Флориду» и направля-

ется, уже как пират, через Магелланов пролив на запад в поисках новых жертв на Патагонском архипелаге (Панамского канала еще не было, так что редкое морское сообщение должно было проходить через Магелланов пролив как раз мимо островов архипелага). Организованный после его отъезда и по его приказу пожар превращает жалкие деревянные дома Пунта-Аренас в груду развалин. Французский корабль, потерпевший крушение у мыса Фровард, немедленно подвергается разграблению.

Хотя теперь по его следам гнался английский корабль и был издан приказ об его аресте, Камбиазо на некоторое время остается неуловимым. Направилась ли «Флорида» вдоль побережья Тихого океана дальше на север или же капитан перебазировал ее, как намечал, в Атлантику?

Но в тот момент, когда посланный английский корабль возвращался после безуспешных поисков пиратов в небольшую гавань Анкуд на острове Чилоэ, находящуюся на расстоянии свыше 800 морских миль от Пунта-Аренас, пушка этой гавани открыла бешеный огонь по другому приближавшемуся кораблю. Комендант порта Анкуд узнал хотя и не флаг, но силуэт «Флориды» и опасался, что его город постигнет судьба Пунта-Аренас. К всеобщему удивлению, пиратский корабль дал понять, что хотел бы вступить в переговоры с властями. Команда корабля взбунтовалась уже в первые дни путешествия в Атлантике, заковала Камбиазо в цепи и теперь искала возможности сдаться. Дело было быстро закончено.

4 апреля 1852 года Мигуэль Камбиазо был казнен, а его труп был затем еще четвертован. Только тогда чилийское правительство успокоилось: с его плеч наконец свалилась большая забота.

IV.

Кроме Камбиазо, временного повелителя Патагонии под черным пиратским флагом, там было еще несколько «красных принцев», красных от крови индейцев, которых они истребляли, чтобы создавать и защищать свое богатство. Одни убивали индейцев потому, что последние уничтожали их ценных овец, другие, золотоискатели, делали это «по праву самозащиты», если индейцы слишком интересовались их делами или даже оказывали сопротивление.

Особое место в истории края земли заняли два «красных принца»: Александр Мак Леннан и Джулио Поппер.

Мак Леннан, родившийся в 1872 году и умерший сравнительно молодым в 1917 году в Пунта-Аренас, был человеком шерсти. Он был капатацом, управляющим эстансии «Примера Аргентина», одной из крупнейших овцеферм Огненной Земли с 180 тысячами га земли, расположенной на Атлантическом побережье. Мак Леннан известен также под именем Мак Лина, но индейцы она дали ему еще другое имя: «красная свинья». Согнанные христианскими миссионерами на миссионерский пункт Ла Канделярия вблизи его эстансии, индейцы она отворачивались, когда он проходил мимо, так как на руках этой «красной свиньи» было больше индейской крови, чем у всех других управляющих в этой проклятой стране — проклятой со времени прибытия сюда белых и овец.

Мак Леннан любил свою работу, но он любил также и водку. И когда, вдребезги пьяный, он обнаруживал недостачу в своем овечьем стаде, то отправлялся охотиться на индейцев, ведь это они, эти дикари, не отличавшие овцы от гуанако и частной собственности от охотничьей дичи, своими стрелами убивали овец его эстансии, границы которой им были даже неизвестны. Для него, так же как и для большинства капатац, только мертвые индейцы могли быть хорошими. Его конные пастухи после каждой такой карательной экспедиции должны были перед ним «отчитываться» знаменитыми «ожерельями из ушей» — нанизанными на шнур ушами индейцев, — о которых рассказывают еще сегодня. Каждая пара ушей — это индеец она, наказанный за свою глупость и заносчивость; одним врагом овцы и ее шерсти — источника богатства для владельца и управляющего эстансии — меньше. Что же касается трупов с отрезанными ушами, то они гнили под дождем или сохли под ветрами пампы, если спасшиеся бегством индейцы не успевали насыпать над трупами холм из камней, а лисы и хищные птицы не растаскивали тела павших.

Своих заклятых врагов Мак Леннан уничтожал и другим способом. Хотя не у него первого возникла великолепная идея применения отравленной мясной приманки для людей, он ревностно и очень успешно использовал эту систему. Никогда не будет точно известно, сколько человеческих жизней имела на своей совести «красная свинья».

Чтобы овцы могли жить и размножаться, индейцы должны были умирать. И если сегодня в Патагонии практически больше нет ни одного техуэльче, а на Огненной Земле — ни одного она, то это главным образом заслуга таких людей, как

Мак Леннан и их верных помощников, которые так эффективно выполняли хорошо продуманные указания. Если кто-либо захочет узнать более подробно историю этого только недавно закончившегося убийства народов, пусть прочтет давно вышедшую в Аргентине книгу «Patagonia trágica» («Трагедия Патагонии»), в свое время запрещенную правительством Перона и теперь снова появившуюся в продаже.

Мак Леннан умер сорока пяти лет от отравления алкоголем и похоронен на кладбище Пунта-Аренас. Надпись на английском языке на его полузаросшем плющом надгробии не обращала бы на себя внимания, если не знать, кем был человек, для которого начертаны слова молитвы: «О господи, научи меня из глубины моего сердца просить: да будет воля твоя!» И если приподнять несколько веток плюща, то можно прочитать дальше «gone, but not forgotten» — почил, но не забыт (англ.). В этом Александр Мак Леннан, мир праху его, может не сомневаться.

Джулио Поппер был совсем другой человек, со своеобразным, в некоторых отношениях внушавшим симпатию характером. Он родился в середине прошлого столетия в Румынии, был офицером на родине и уволился со службы в 1885 году в чине капитана саперных частей, чтобы поселиться в Пунта-Аренас. Но не шерсть, а золото привлекло его сюда, на берега Магелланова пролива. Уже с давних пор вдоль рек и ручьев на крайнем юге Патагонии и на Огненной Земле бродило много выходцев с Балкан, главным образом сербов и далматинцев, в поисках золотоносного песка, который они просеивали и промывали. Но Поппер благодаря своему образованию, а также деятельному уму и смелым идеям, чувствуя себя призванным к чему-то более высокому, видел здесь возможности большего масштаба. Как и у бедных, оборванных бродяг, в полном одиночестве перекапывавших песок на берегах рек и в надежде на внезапное обогащение влачивших жалкую жизнь, у Поппера была та же цель — золото, но у него был совершенно иной взгляд на поиски.

Никто не знал, да и сейчас не знает, откуда у него возникла идея вести поиски не внутри страны, а непосредственно на морском побережье и почему он в качестве первого опытного участка выбрал именно бухту Сан-Себастьян на восточном побережье Огненной Земли. Во всяком случае он и сопровождавшие его люди установили, что непрерывно обрушивающиеся на прибрежный песок волны океана выбрасывают им золотые самородки прямо под ноги! Вечная зыбь океана работает здесь как лотки, на которых золотоискатели встря-

хивают золотоносный песок, и выбрасывает с галькой и водорослями золото на берег; точно так же, например, еще и сегодня приливы и отливы в Балтийском море достают с морского дна янтарь. Так ветер и вода работали на Поппера и его пионеров, продолжавших трудиться, воодушевленных этим открытием.

Они строят лагерь из палаток и хижин и называют его El Rágo (пустошь), название очень подходящее, так как он находился как раз между двумя пустынями: пустыней огнеземельской пампы и пустыней южной Атлантики. Добыча золота становится все обильнее. Поппер производит разведку на окрестном побережье и в результате строит еще четыре лагеря для сбора золота, которым его снабжает Атлантический океан.

Скоро работа людей на побережье заключается уже не только в сборе золотоносной россыпи и отделении металла от пустой породы. Неожиданно люди замечают, что они здесь не так одиноки, как им сначала казалось. Обратив внимание на беспokoйное поведение своих собак, индейцы она обнаруживают лагерь и бродят теперь вокруг. Вслед за ними прокрадываются несколько белых из тех золотоискателей, которые влчат жалкое существование у рек в глубине страны и теперь завидуют своим преуспевающим коллегам на чудесном берегу. Поэтому наряду со своей работой люди Поппера должны еще и защищаться. Винтовки, которыми вооружил их дальновидный бывший офицер, творят чудеса по сравнению со стрелами и луками она. После того как много индейцев было убито, остальные она бегут, предоставляя белым заниматься их своеобразным делом, смысл и цель которого индейцы вообще не понимают.

Но другие золотоискатели, пытавшиеся приблизиться к лагерям, были вооружены лучше, чем индейцы, и нередко происходили настоящие сражения, в которых, однако, дисциплинированные люди Поппера одерживали верх. Поппер, как старый офицер, наряду с военным опытом и тактикой, например при поддержании связи между лагерями и их охраной, применяет при случае и военную хитрость. Когда однажды нажим его озлобленных соседей стал особенно угрожающим, неожиданно вдоль холмов, защищающих лагерь «Эль Парамо», на самом виду у врага проскакало одетое в военную форму и вооруженное кавалерийское подразделение. Враг, предполагая, что на помощь Попперу прибыли аргентинские войска, отступил перед таким подавляющим превосходством сил противника и прекратил игру, которая ему

теперь показалась слишком рискованной. В действительности Поппер привязал к лошадям чучела в самодельных мундирах, набитые сеном и соломой, прикрепил деревянные ружья и заставил «отряд» проехаться на виду у врага.

Тоннами накапливается золото в сейфах Поппера. В противоположность бедному Антуану де Тунэну, королю Патагонии только в своем собственном воображении, Поппер может считать себя действительным властителем Патагонии. Он даже чеканит собственную монету — конечно, из чистого золота — со своим именем с одной стороны и со скрещенными киркой и лопатой золотоискателя — с другой. Эти золотые монеты еще долгое время были в обращении и оценивались по курсу не только на Огненной Земле и большей части Патагонии, но даже и в чилийском городе Пунта-Аренас.

Поппер развивает удивительно разностороннюю деятельность: он не только руководит своим крупным золотодобывающим предприятием, но и интересуется растительным и животным миром Огненной Земли, пишет о них научные трактаты; кроме того, он издает первые и довольно точные карты всего острова. Мы не можем решить, «возместили» ли эти добрые дела убийство индейцев; но... из всех «красных принцев» на краю земли он был определенно самым человечным.

Однако Поппер нажил себе врагов среди белых, в частности в лице губернатора Ушуаи, в то время маленькой деревушки, но все же «столицы» аргентинской части Огненной Земли. У него отобрали один за другим лагерь по добыче золота, а в конце концов также и основной лагерь «Эль Парамо». Чтобы лучше защищаться, Поппер покидает обогативший его остров и из Буэнос-Айреса начинает кампанию в прессе против губернатора Ушуаи, обвиняя его в делах, которые последний ведет с людьми, стоящими вне закона. Будучи хорошим полемистом, он наживает себе все больше новых врагов; несколько раз дерется на дуэли, а затем продолжает борьбу пером — таким же опасным оружием для тех, на кого он нападает, невзирая на их высокое положение и чин.

Смерть, с которой он так часто играл, захватила его врасплох не с оружием в руках, а в постели гостиницы в центре столицы Аргентины. Однажды утром нашли его труп, лицо было искажено предсмертными муками. Вскрытие, правда, помогло узнать название яда, от которого он умер, но не имя соперника или политического противника, который его подсыпал. Так окончилась авантюристическая и почти эпическая жизнь Джулио Поппера.

Но у Патагонии и Огненной Земли были еще и другие «принцы». Я вспоминаю прежде всего о том, кто был нам ближе всех по духу, по времени и месту и с которым мы одно время совместно там работали: это Жозеф Амперер, французский этнограф и специалист по доисторическим временам. Он прожил два года на побережье Тихого океана среди алакалуф и помимо этих последних оставшихся в живых индейцев исследовал также и доисторическое население Патагонии. Кроме того, он установил настоящее географическое положение первого испанского поселения у Магелланова пролива — Пуэрто-Амбре (гавань голода), которое до сих пор определялось неверно. Умер он в конце 1958 года при проведении научной работы на месте раскопок на берегу канала Фицрой, засыпанный землей Патагонии, которую он долго исследовал и в которой так долго искал.

Известный миссионер Р. П. Альберто М. де Агостини также посвятил почти всю свою жизнь исследованию Патагонии и Огненной Земли, и его имя там, на юге, еще и сегодня у всех на устах. Ему мы обязаны составлением новейших и самых точных карт этого края, и особенно Южных Анд, которые он, как альпинист, тщательно исследовал и красоту которых запечатлел на своих снимках.

К именам французского ученого и итальянского священника надо присоединить имена шведов Норденшельда и Скоттсберга и last not least (последнего, но не менее важного) немецкого летчика Гюнтера Плюшова, который первым облетел край земли на маленьком гидросамолете «Серебряный кондор» и отдал свою жизнь этому ледяному великолепию, которым он сверху так восхищался и которое его всегда привлекало.

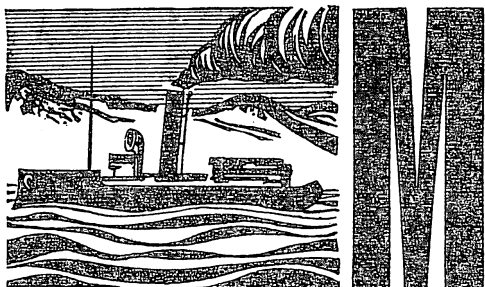
В заключение следует также вспомнить о таких идеалистах, как протестантский миссионер Томас Бриджес и католик монсенъёр Фаньяно, которые в самых тяжелых условиях пытались обратить в христианство огнеземельцев незадолго до их полного истребления, хотя достигнутые результаты абсолютно не соответствовали их самопожертвованию.

Бриджес составил словарь языка яганов, содержащий почти 30 тысяч слов, хотя Дарвин после своей огнеземельской поездки писал, что эти огнеземельцы издают нечленораздельные звуки, которые вряд ли можно назвать языком. Если я упоминаю имя известного ученого Чарлза Роберта Дарвина, то не потому, что его путешествие на борту «Бигль» по про-

ливу, носящему теперь название этого судна, было особенным подвигом. Я упоминаю об этом потому, что к заблуждениям и известным опрометчивым суждениям этого великого человека относятся такие ужасные слова, вышедшие в 1833 году из-под его пера, как истребление индейцев Огненной Земли является самой справедливой из всех войн, так как она, мол, направлена против «диких»... Какими бы строгими ни были законы естественного отбора, все же в конце перечисления «принцев» края земли я не могу решить, куда причислить этого совсем не кровожадного ученого: к «добрым» или «злым» принцам?

«Микальви»

и каналы

Маленький порт с кучей набережной и разрушающимся деревянным причалом почти пуст. Только через два-три месяца снова придут грузовые суда из Европы за тюками шерсти и замороженными бараньими тушами. Сейчас в порту лишь устаревший буксирный пароход и два маленьких парусника с Огненной Земли. У причала маячит нечто непонятное: какой-то древний ковчег, серая окраска которого выдает его принадлежность к Armada Nacional, чилийскому военному флоту. Он невелик, зато узкая труба его нескромно высока. В вечер перед отплытием из трубы этого чудовища извергаются клубы такого темного, густого дыма, какого, наверное, не увидишь ни в одной гавани мира. Еще до того как рядом с гербом Чили мы прочитали название судна, мы поняли, что этим допотопным морским чудовищем мог быть только «Микальви», вид которого нам описали заранее.

Хотя «Микальви» выглядел скромно и не по-военному, это был военный корабль Пунта-Аренас, *más austral del mundo* (самой южной гавани мира)! Возможно, он так же охотно, как его иностранные собратья в воинствующей Европе, принял бы участие в военных играх и сложных маневрах, являющихся гордостью любого сильного и боеспособного морского флота. Но здесь, на краю земли, он совершенно один со своей бесконечной трубой и пыхтящей медлительностью. А без собратьев он совсем не может играть, тем более в войну.

Сознавая свои небольшие достоинства, он, как многие одинокие люди, лишенные на склоне лет привлекательности и иллюзий, посвящает себя социальной благотворительности. Однако здесь, на краю земли, объекты его попечения немногочисленны: поселенцы, которые пытаются устроиться с несколькими овцами и коровами у края фиорда или в открытой океану долине Анд; смотрители маяков на многочислен-

ных островах чилийского юго-западного побережья; лесорубы, сплавающие кипарисы из прибрежных лесов к ближайшей лесопилке, расположенной в другой бухте; и наконец, охотники за тюленями, моржами и другими животными. В целом это только несколько десятков человек, но они рассеяны вдоль тысячи километров сурового побережья и по каналам с бесчисленными скалистыми островами, куда можно попасть только водным путем, так как через громады Кордильер нет прохода, а вдоль испещренного расщелинами побережья отсутствуют дороги. Единственный путь к этим пионерам одиночества — тот, по которому проходит два раза в год «Микальви», пароход — «прислуга за все», ангел-хранитель, едва ли менее жалкий, чем его опекаемые! Кажется, что в его серой краске с многочисленными пятнами ржавчины отражается вся усталость и все заботы его подопечных, как будто бы в порыве монашеского смирения он хочет казаться таким же бедным, как и они. Этого посещения «Микальви» с нетерпением ожидают смотрители маяков, когда их запасы продовольствия и питания для фонарей подходят к концу. За его комично высокой, видимой уже издали трубой внимательно наблюдают и работающие на побережье лесорубы, и дрожащие в лихорадке у своих хижин индейцы, и матери в примитивных ранчо, бодрствующие около больных детей. Во всей чилийской Патагонии и на Огненной Земле нет более популярного имени, чем имя этого неутомимого ветерана милосердия «Микальви», произносимого со смесью симпатии и безобидного подтрунивания над его возрастом, удивительной внешностью и постоянством его добрых намерений.

Что же представляет собой этот ангел-хранитель? Водоизмещение его только несколько сот тонн, машина изношена; как можно уже догадаться, топится он углем. Пушка, которая когда-то была на нем установлена, дабы оправдать звание военного корабля, и из которой для развлечения иногда стреляли по льдинам, уже много лет назад снята, «чтобы освободить площадь». Экипаж состоит из трех офицеров и около тридцати унтер-офицеров и матросов. Откуда он родом, этот «Микальви»? Представьте себе, из Германии, построен очень много лет тому назад на Балтийской верфи, как значится на медной дощечке в машинном отделении.

Впрочем, эта история стоит того, чтобы о ней рассказать подробнее. Вскоре после первой мировой войны чилийская армия, которая в то время обучалась немцами, носила серо-зеленые мундиры и на парадах маршировала гусиным шагом

в немецких стальных касках, заказывает в Германии партию боеприпасов. Снаряды были погружены на небольшой пароход, до этого курсировавший по Рейну, и отправлены в Чили. Приняв опасный товар, заказчик запросил Берлин, что делать с пароходом. «Пароход? — последовал удивленный ответ. — Это ведь только упаковка! Оставьте ее себе, если можете где-нибудь применить». Так случилось, что маленький рейнский пароход, этот «упаковочный материал», который уже не подлежал возвращению, был передан чилийскому военному флоту и под бело-красным флагом с белой звездой на синем поле получил имя скромного героя тихоокеанской войны матроса ефрейтора Микальви.

В свои сорок лет «Микальви», собственно, уже давно перешагнул предельный срок службы военных кораблей. А так как он много поработал во всяких условиях, к тому же в стране, которая считается самой суровой и неудобной на свете, то, возможно, еще и поэтому он выглядит старше своих лет. Но он принадлежит не очень богатому морскому флоту, который не в состоянии придать своим служебным судам ту элегантность, которую он придал бы настоящим военным судам, если бы он вообще на это был способен. Попав на борт «Микальви», пассажиры, правда, теряют не все надежды, но зато очень быстро расстаются со своими иллюзиями.

Когда второй офицер показал место, где мы должны были провести много недель вместе с еще двумя десятками товарищей по несчастью, и спросил, хотим ли мы все же остаться верными нашему маршруту, нас на миг охватила паника: бедное помещение из нетесаных досок, с узкими, как выдвигаемые ящики стола, расположенными друг над другом койками, убогой занавеской, которая, хотя бы символически, должна отделять мужчин от женщин, и только два иллюминатора, которые все равно нельзя было открыть, так как они располагались как раз по ватерлинии. Все это выглядело не очень заманчиво. Некоторые пассажиры уже устраивались на ночлег, передвигали ящики, обвязанные веревками потертые чемоданы, расстилали овечьи шкуры и одеяла. Это были зрители маяков с женами, едущие на какой-нибудь одинокий остров, чтобы снова прожить там в течение шести месяцев в полном уединении у подножия башни; несколько уже заснувших детей, старик, возвращающийся домой в конце далекого фиорда; тут же в поисках удобного места для ночлега вертелась огромная собака. Было почти совсем темно, дышать становилось трудно. Молодой второй

офицер смотрел на нас вопросительно и, казалось, одновременно извинялся за такой прием и сомневался в нашем упорстве. Мы действительно были близки к тому, чтобы отказаться от путешествия.

Если бы мы уступили этому порыву, то сегодня, возможно, не знали бы дорог к затерянным пунктам помощи ближним на краю земли и не имели бы необыкновенного счастья, следуя за «Детьми капитана Гранта», жить жизнью героев Жюль Верна! Этим мы обязаны только одной секунде смелости. Как ни тяжело было это путешествие, мы никогда не будем раскаиваться в том, что бросили свои рюкзаки в общую кучу багажа, доверившись «Микальви»!

На следующее утро мы отправились в путь. Когда мы отважились выбраться на палубу, оказалось, что она совершенно недоступна, так как вся забита ящиками, мешками и бочками, двумя громадными буями, для которых не нашлось места в трюме, и в первую очередь массой продовольствия для пассажиров на время рейса: около пятидесяти живых овец, топтавшихся в собственном навозе и корме.

Темная скала, мимо которой мы сейчас проезжаем, — это Кап-Фровард, самая южная точка Южноамериканского континента и место, где Магелланов пролив снова сворачивает со своего курса север — юг к северо-западу. Мы искали массивный бетонный крест высотой около двадцати метров, который, согласно описаниям морских карт и путешественников, должен стоять наверху, на скале мыса Фровард. Однако командир корабля сообщил, что крест недавно повалил ураган. Впрочем, командир, казалось, был несколько смущен тем, что вода в Магеллановом проливе была в этот день гладкая, как зеркало! Но как раз быстрая смена погоды от штиля к буре, от дождя к туману и превращает южно- и западнопатагонский и огнеземельский район побережья в область земного шара, где чаще всего случаются кораблекрушения. Нужно только изучить все названия на подробной карте района, чтобы в этом убедиться. Рядом с уже упоминавшейся «Гаванью голода», тут можно найти:

Мыс тоски,

Остров отчаяния,

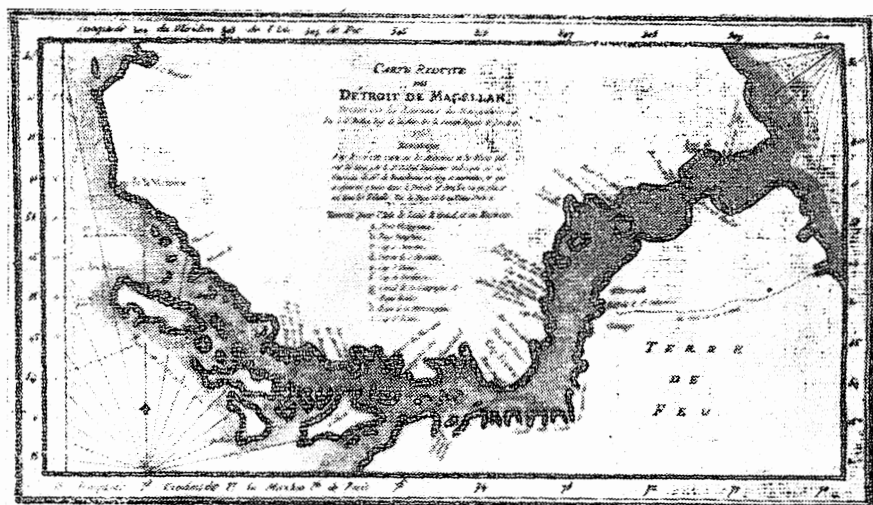
Группы островов западных и восточных фурий,

Острова лабиринтов,

Канал приключений,

Залив печали,

Архипелаг божьей матери — название, тоже не заставляющее предполагать что-либо хорошее,

Карта Магелланова пролива 1753 г.

Еще долго считали, что главный остров Огненной Земли пронизан каналами

Strugglers — цепь скалистых рифов, настоящее кладбище кораблей,

длинная бухта Поко Эсперанса — Мало надежды и, наконец, сильно разветвленный большой фиорд: Ультима Эсперанса — Последняя надежда...

И в самом деле, уже на следующее утро, когда мы проплывали мимо зубчатых скал Strugglers, где покрасневшие от ржавчины обломки судов неуклюжими трагическими жестами безмолвно молили о помощи, на нас обрушился проливной дождь. Вместе с дождем появился туман. Этот потоп непрерывно сопровождал нас семь дней и семь ночей подряд. Патагонские естественные пути, которые там называют Canales australes — южные каналы (искусственных каналов в этой части земли нет), в точности соответствовали представлению, которое мы о них составили, — и капитан «Микальви» торжествовал!

Прибрежные скалы и острова растворялись во всеобъемлющей мгле, в которой исчезали их очертания и пропадали детали. Бледные ледники Кордильер, казалось, висели в воздухе, удерживаясь в нем каким-то чудом; леса, мимо которых мы проплывали, были пропитаны влагой, а бесчисленные водопады низвергались из ничего, как будто их источни-

ком была эта необъятная дождевая туча, сквозь которую мы день за днем прокладывали путь.

Из тумана, как призраки, к борту парохода неожиданно подплыли в лодке насквозь промокшие, промерзшие индейцы и попросили сигарет и хлеба — наверное, единственные слова на испанском языке, которые они знали. Получив, что просили, они снова исчезли, сделав несколько взмахов веслами; никто не тормозил, все продолжало двигаться, как будто маленький метеор встретился на пути с планетой — два мира, которые соприкоснулись и снова разошлись, связанные общим туманом, дождем и общей нуждой, различной только по масштабам. Это была наша первая встреча с последними индейцами, и мы долго находились под ее впечатлением. Все произошло так неожиданно и так прозаично, как-то неправдоподобно и в то же время реально.

Вскоре «Микальви» стал на якорь перед стоянкой последних индейцев, чтобы взять на борт трех больных и окольным путем, так как вся северная часть рейса была еще впереди, доставить их в Пунта-Аренас. Мы смогли побывать в лагере этих медлительных мужчин, женщин и почти неподвижных серьезных детей, окруженных сворой свирепых собак, все происходило как бы вне времени и вне культуры, пока нас не позвал на борт нетерпеливый гудок «Микальви». Наше путешествие на север продолжалось. Впрочем, в следующей главе об этой индейской «Машине времени», по Уэлсу, сообщается более подробно.

Самая северная точка, которой мы достигли, был фиорд и Рио-Бейкер, расположенные примерно в 900 км от Пунта-Аренас. Здесь наша задача изменилась, поскольку в фиорде, или, вернее, в этой группе врезающихся в Анды фиордов, подопечными «Микальви» были уже не зрители маяков и индейцы, а другие в таком же удалении поселившиеся и, возможно, такие же несчастные, как и они, люди — колонисты с острова Чилоэ. Несмотря на многочисленные трагические неудачи, они упорно продолжали жить со своими семьями в полном уединении.

Подробнее об этом мы рассказываем ниже.

Дождь шел почти каждый день, и естественно, что в этом потоке «Микальви» все больше принимал вид ноева ковчега. Он в самом деле походил на библейский ковчег, в особенности верхняя палуба, загруженная животными всех видов. Поскольку животные и вечный дождь делали верхнюю палубу непригодной для жилья, воздух в помещении, где жили мы, был как в ночлежном доме «Армии спасения». Нас было около

тридцати человек, мужчин, женщин и детей — зрители маяков с увеличивающимися после каждого срока пребывания семьями и чилоты, меняющие фиорды чаще, чем рубашки. Пища состояла главным образом из ракушечного супа, в котором плавали и кости, а иногда баранина. Чтобы захватить для сна соответствующий «выдвижной ящик», всякий раз приходилось совершать к нему альпинистское восхождение.

Впрочем, спать можно было только во время хода судна, так как, едва «Микальви» становился где-нибудь на якорь, у команды сейчас же возникала потребность восстановить равновесие своих бункеров, и она начинала переброску угля от одного борта к другому или с носовой части в кормовую. Нестерпимый визг лебедек и неистовая дрожь, передававшаяся по всему судну, — все это над нашими головами — заставляли нас в первые дни подниматься на верхнюю палубу и выяснять причину столпотворения. Однако ночь с ее непрекращающимся ливнем таила в себе самые разнообразные опасности, принуждающие нас к немедленному отступлению: едва удавалось уклониться от мчащейся по канату массивной железной угольной корзины, как неожиданно мы оказывались на самом краю зияющего черного отверстия угольного бункера; почти задевая, пролетала мимо цепь, а из другого переполненной корзины с шумом падало к ногам полцентнера каменного угля... Но еще большую опасность для брэнной плоти пассажиров представляли вездесущие животные, размещенные по всей палубе. Они тихо и неподвижно, с опущенными головами стояли в сырой темноте, призывая своим безмолвным видом к безропотному смирению.

Пример другого рода дали нам матросы «Микальви», и можно предположить, что все остальные чилийские моряки того же склада. Здесь, на краю земли, о войне думают мало; она по меньшей мере кажется очень далекой как по времени, так и по расстоянию. Война будто стала уделом более старых и передовых наций, имеющих опыт ее ведения, живущих в атмосфере возможности ее возникновения, хотя и не испытывающих в этом радости. Матросы Армада Насиональ чилийского военного флота, наверное, никогда не будут принимать участия в боях, и война за независимость останется, вероятно, в их памяти единственной. Но у них тяжелая, часто опасная и тем более похвальная задача, ей не присущи блеск и радости удовлетворенного тщеславия, которыми бог Марс с древних времен приукрашивает военное ремесло и от притягательной силы которого не застрахован полностью ни один мужчина. Вдоль всего побережья, этой узкой и бес-

конечно длинной полосы земли (свыше 4000 км!), особенно на его крайнем юге, где водные пути простираются от одного океана к другому, приходится в любую погоду снабжать провиантом маяки, восстанавливать, ремонтировать или ставить снесенные штормом буи, бакены, вехи и наземные знаки, перевозить грузы и оказывать людям — индейцам и христианам — помощь. Смелость и морская закалка команды «Микальви» при выполнении этих неблагодарных работ соединяются с такой ловкостью, усердием, с таким постоянным благодушием и скромной простотой, что с каждым днем наши дружеские чувства к ним все более и более перерастали в глубокое уважение и восхищение.

Нужно было видеть этих матросов верхом на лошадях, когда они скакали по каменистым берегам и, сгоняя доверенные им стада с помощью лассо, ловили, связывали и грузили животных, которых они должны были перевезти на другой остров или, стоя по колено в воде на берегу какого-нибудь фиорда, напрягая все силы, грузили огромные стволы деревьев на свои катера. Но особое зрелище представляли они в туманную, дождливую, бурную погоду в момент подхода к скалистому подножью маяка, окруженному острыми рифами; или когда «Микальви» в крошечной тьме, без огней, без света, облегчающего ему маневр, подходил к борту древнего лишнего мачт бывшего парусного судна, которое стояло на якоре в бухте Муньос Гамеро, заполненное до краев углем, являясь единственным складом топлива на этом угрюмом побережье.

Это, без сомнения, своеобразные и сбивающие с толку картины и ситуации из другой эпохи. Мы были удивлены не только тем, что здесь, на краю земли, встретили матросов, которые были одновременно ковбоями, пастухами, грузчиками и лесорубами, но и тем, что мы могли жить с ними в прошлом — во времена бородатых героев и обутых в сапоги моряков с «Дункана» Жюль Верна. Как только был обойден мыс Фривард, матросы «Микальви» заменили чилийскую военноморскую форму удивительной штатской разбойничьей одеждой и в своих вязаных шапочках и кожаных капюшонах, казалось, сошли со старинных гравюр. К тому же ни один из катеров «Микальви» не имел двигателя, и все поездки на них совершались только на веслах.

Если «Микальви» не хватало пресной воды для котлов или команды, то он просто входил в фиорд, на берегу которого, согласно карте, должен был находиться источник или водопад, прочно привязывался кормой к стволу дерева и, как

огромное насекомое, часами утолял свою жажду. Иногда, приблизившись к какому-нибудь морскому заливу, где стояла хижина лесоруба или фермера, лодку, доверху груженную тюками и собаками, спускали прямо на воду. Часто за лодкой плыла лошадь, привязанная к корме. И, растворяясь в гигантских кулисах гор, кортеж медленно удалялся в свое уединение...

Это путешествие на край земли было путешествием против хода времени, будто вещи и люди не были захвачены колесом истории и сохраняли облик другого столетия. Гордым равнодушием к одиночеству были охвачены также и люди, которые в нем жили. Здесь ничего не изменилось и, казалось, никогда ничто не сможет измениться в длительной обстановке забвения, сквозь которую изредка медленно проплывает старый корабль сострадания.

Спустя несколько недель после окончания нашей миссии в районе западного побережья «Микальви» изменил курс и взял направление к Огненной Земле и широко разбросанным южнее от нее, почти до мыса Горн, островам. Для нас это путешествие означало такую же трудную жизнь, как и на каналах, бесконечные ночи и еще большую скученность, так как ноев ковчег на этот раз был еще более переполнен. Но это было новое подтверждение поездки в прошлое навстречу ходу времени.

Когда «Микальви» под хриплый вой сирены, окруженный кричащими чайками, вновь отчалил от шаткого деревянного причала Пунта-Аренас, мы опять были на борту вместе с нашими надеждами и мечтами.

Морские кочевники

Наконец показался гористый остров, покрытый густым лесом, но проливной дождь стирал его контуры и делал похожим на пушистый пепел. Загремела якорная цепь «Микальви», и этот шум рассек тишину, как якорь гладкую поверхность моря.

Мы стоим перед Сан-Педро, островом у входа в залив де Пеньяс, где последний маяк, снабжаемый «Микальви», служит северной границей оперативной зоны парохода. Нам надо было забрать двух матросов, у которых как раз кончился срок работы смотрителями маяка, и доставить строительный материал для восстановления опрокинутой штормом радиомачты, лежавшей теперь на земле, как скелет первобытного животного с поломанными ребрами.

Подгоняемый редкими ударами весел, катер «Микальви» с несколькими матросами и обоими сменяющими *fargeros* (смотрителями маяка) удалялся в дождевой мгле по направлению к острову. На борту «Микальви» царило безмолвие. Тихая дробь нескончаемого дождя тоже была тишиной: казалось, монотонный, неясный голос призывает к покою, сну, забвению и в промежутках между сном и кошмаром уносит нас за пределы времени.

Порыв влажного ветра окутал остров пеленой и сразу сделал его невидимым; катер исчез между длинными грядами волн прибоя — мы были одни во всем мире. Снова завеса дождя немного приоткрылась, и стал виден остров, как густой, поднимающийся из моря дым, неторопливая волна подняла на своем хребте лодку и показала нам согнувшихся над веслами пассажиров. Через несколько секунд все опять поглотила мгла. Было что-то необычное в этой лодке-призраке, направляющейся к призрачному острову; то поочередно, то одновременно они исчезали и появлялись вновь. Это была игра без веселья, игра в прятки — серьезная, как почти все жесты людей, которым никогда не улыбаются ни небо, ни море, ни земля, здесь, на ее краю.

«Индиос, индиос», — неожиданно крикнул один из матросов, молча стоявших у поручней, и указал на лодку; она приближалась к нам от еще более отдаленного и менее четко различимого побережья, чем остров Сан-Педро.

Под дождем с непокрытой головой юноша и две женщины медленно и осторожно гребли длинными, узкими веслами, стоя на азиатский манер лицом вперед; несколько детей с растрепанными черными волосами сидели на корточках под навесом по щиколотку в воде, набравшейся в лодку. Они подплыли к борту нашего корабля, им бросили канат. Они привязали свою лодку и долгих два часа сидели в ней молча, почти неподвижно, обратив к нам лица с тем немым выражением ожидания и неопределенного любопытства, которое мы замечали позже у всех встречавшихся нам индейцев.

Они знали, что «Микальви» не только помогает персоналу маяков и немногим колонистам здесь, вдоль удаленного побережья на краю земли, но также по возможности заботится о кочующих индейцах и отвозит больных в морской госпиталь в Пунта-Аренас. Поэтому они приближались к пароходу без страха, но и без радости, как дитя приближается к тому, кого оно не знает, но о ком ему говорили хорошее.

Не желая быть просто попрошайками, индейцы безмолвно предлагали свои немудреные предметы обмена: chofas (чолгас) или chogos (чорос) — громадные съедобные ракушки, морских ежей, тоже огромных размеров, и маленькие, сплетенные индейками тростниковые корзиночки, которые они подавали на длинных жердях.

Мы хорошо знали, чего они ожидали от нас, и бросали им хлеб, сигареты и старую одежду, которые они ловили или роняли в воду, а затем молча подбирали. Только изредка их лица с прилипшими мокрыми прядями черных волос кривились в подобие улыбки, так что раскосые глаза почти совсем исчезали в складках кожи. Одна из женщин, по-видимому, напудрилась и под ее мокрыми волосами Горгоны, казалось, была надета фиолетово-розовая маска, кашицей отложившаяся в морщинах. В серьезности этих лиц, особенно детских, в тишине собравшихся в лодках людей было столько подавленности, что к горлу подступал комок.

Наконец-то нам удалось несколько ближе, чем при первой мимолетной встрече, наблюдать индейцев племени алакалуф, за чьим долгим путем к полному вымиранию мы следили по сообщениям этнографов и путешественников, опасаясь, что приедем слишком поздно. Так почти и случилось, потому что, когда появилась и причалила вторая лодка, а

за ней третья, оказалось, что здесь собрались почти все оставшиеся в живых из племени алакалуф.

Около шестидесяти индейцев алакалуф, еще обитающих сейчас вдоль побережья Западной Патагонии, и двадцать — тридцать человек их родичей яганов на юге Огненной Земли — вот все, что осталось от кану-индейцев, прибрежных индейцев, которые в прежнее время тысячами бороздили водные просторы Патагонии и Огненной Земли и произвели такое сильное впечатление на Магеллана, Сармьенто и Дрейка, а позднее на Дарвина. Костры, постоянно горевшие в их кану и на побережье, были так многочисленны, что первые моряки, появившиеся в этой стране, назвали ее землей огней, хотя туман, дождь, снег и ураган для нее более характерны.

Вначале подступиться к этим индейцам было довольно трудно. Первых белых они встретили в своих водах не с восторгом, которого те, возможно, ожидали, а градом стрел и воинственным кличем, напомнившим Дарвину рев животных; сходству, несомненно, способствовала и устрашающая боевая раскраска индейцев. Затем, естественно, взялись за оружие белые, ибо они пришли, чтобы найти новый надежный морской путь из одного океана в другой, а отнюдь не для изучения народа, сохранившегося со времен каменного века. К тому же обычаи индейцев вызывали у белых глубокое отвращение. Поэтому временами на этих уединенных берегах происходили зверские побоища.

Все больше и больше европейцев проезжали через страну прибрежных индейцев, пока наконец Панамский канал не открыл для мореплавания более короткий и удобный путь. «Дикари» теперь уже не умирали от руки белых, а гибли от простого общения с ними, так как первым подарком последователей Магеллана к празднику примирения востока с западом были алкоголь и сифилис, что стало смертным приговором индейцам. Позже моряки с востока прибавили к этим подаркам еще и другие — старую одежду, которой индейцы так гордились, что никогда ее с себя не снимали и сушили на своем теле от дождя до дождя; поэтому вскоре к венерическим заболеваниям и болезням печени прибавилась скоротечная чахотка.

Несколько десятков лет тому назад чилийское правительство неожиданно обратило внимание на неизбежность скорого исчезновения старейшей народности республики, именно этой горсточки индейцев на крайнем юге Земли. Результатом провальной тревоги о судьбе индейцев явилось создание вспомогательной станции на восточном побережье необита-

емого скалистого острова Веллингтон. Ей было присвоено поэтическое название Пуэрто-Эдем — земной рай. Вся станция состоит из одного блокгауза, в котором живет ефрейтор авиации с семьей (первоначально здесь предусматривалось построить метеорологическую станцию для гидроавиационной линии, восстановленной после трагических попыток полететь на Огненную Землю). Этот ефрейтор распределяет среди индейцев алакалуф медикаменты и продовольствие. Но результаты проявленного милосердия оказались обратными тем, которых ждали. Последние алакалуф обрели уверенность в том, что могут жить в Пуэрто-Эдем бесплатно и легко. Свои тольдо — круглые палатки из согнутых ветвей с наброшенными сверху тюленьими шкурами — они поставили вблизи станции на берегу. Прежде такие палатки служили им временным убежищем, где они укрывались по возвращении из поездок на лодках по фиордам и каналам. Теперь они перешли от кочевой жизни рыбаков к оседлому безделью.

Мужчины, женщины и дети праздно сидят в низких палатках вокруг огня, в золе которого пекутся толстые чолгас. Многочисленные собаки, помогавшие раньше индейцам при ловле выдр, тоже остались без дела и рыскают вокруг в поисках драк. Но индейцы держат их при себе и проявляют к ним трогательную привязанность, как бы связывая их со своим прошлым.

В едком дыму, от которого щиплет глаза, першит в горле и в носу, сидят мужчины на старых проржавленных кроватях и китовых позвонках, подобранных на берегу, широких и высоких, как табуретки. Говорят тихо и монотонно на языке, похожем на кашель, в котором гортанные звуки наталкиваются друг на друга. Бесформенные, как призраки, женщины сидят на корточках вокруг огня в когда-то белых, длинных, похожих на ночные сорочки одеждах, опершись локтями на высоко поднятые колени, и наблюдают, как пекутся ракушки, засунутые в раскаленную золу. В каком-нибудь темном углу за железными кроватями и ящиками, составляющими всю мебель, играют вместе с собаками растрепанные, неухоженные дети. Временами среди собак неожиданно вспыхивает драка, сопровождающаяся воем и жалобным визгом; индеанка, не глядя, прекращает свалку ударами палки. Каждая женщина имеет это важное оружие, длина которого приблизительно соответствует радиусу палатки, и этот скипетр в руках жалких, засаленных королей тольдо на мгновение водворяет мир в их королевстве.

Из одной такой палатки «Микальви» захватил с собой в Пунта-Аренас трех больных: двух туберкулезных — семилетнего мальчика и пожилого человека — и женщину с переломанной ключицей. Когда эти трое покидали лагерь, чтобы взобраться на катер, который доставит их на «Микальви», в палатке открылось «окно» — щель между двумя тюленьими шкурами, служащими одновременно стеной и потолком. «Окно» было раздвинуто смуглыми руками, и несколько тесно сдвинутых голов появилось в возникшем отверстии. Безмолвно смотрели оставшиеся вслед уходящим родичам, которых, однако, никто не нашел нужным проводить до кобля.

Иногда, как бы желая стряхнуть бездеятельность, тяготеющую над ними как предзнаменование смерти, алакалуф на короткое время возобновляют свою прежнюю кочевую жизнь. Они переносят на воду лодки, выдолбленные из целых стволов деревьев топорами, грузят женщин, детей и собак, разжигают на дне лодок огонь, который надо непрерывно поддерживать, несмотря на дождь и ветер, и отправляются на промысел за тюленями и выдрой, шкуры которых они при случае могут продать, на охоту за... своим прошлым.

Часто их целью является еще более скудный рай, чем тот, который они на время оставили, а именно маленький остров Сан-Педро, расположенный примерно на 150 км севернее, где мы их как раз и встретили. Они гребут туда несколько дней, так как маяки и «Микальви», который бросает здесь якорь на несколько часов, дают возможность кое-каких обменных операций, а при случае кое-что перепадает и без обмена.

Скоро «кочевники моря», как их окрестил Ж. Амперер в своей книге того же названия, станут только нищими в Пуэрто-Эдем и Сан-Педро. Для этих примирившихся с судьбой людей поездки на лодках между двумя пунктами, где можно кое-что выпросить, будут единственной целью, их единственным усилием и гордостью.

Эта бездеятельность доведет алакалуф до гибели еще скорее, чем болезни и прочие беды, принесенные белым человеком. И недалеко то время, когда вообще не останется ни одного индейца алакалуф, какие бы меры ни принимались для их спасения. Все великодушные и неуклюжие попытки задержать медленное вымирание, начавшееся столетие назад, только ускорили его. Удавалось сохранить от верной гибели отдельные виды животных и редких растений, но, по-видимому, человек не способен сделать что-либо для представителей

себе подобных. Ничто и никто не сможет спасти от вымирания морских кочевников на краю земли.

Всматриваешься в эти серьезные, безмолвные лица и чувствуешь, что бесконечная грусть индейцев алакалуф вызвана не только мрачным, угнетающим окружением, где проходит вся их жизнь: непроходимыми лесами, неодолимыми горами, под вечными дождевыми тучами; не только однообразием вереницы дней без солнца и ночей без звезд, но и глухим, смутным, как медленно действующий яд, сознанием неизбежной гибели их рода.

Свистки с «Микальви» звали матросов на места, и под громыхание цепей был поднят якорь. Большие альбатросы без единого взмаха крыльев чертили свои круги и эскортировали «Микальви». Последние канаты, которые связывали нас с черными мокрыми кану и их пассажирами, были убраны, как будто мы хотели освободиться от тягостного, компрометирующего спутника. Индейцы молча поднялись в лодках и начали грести; маленькая растрепанная девочка в сомнительно белой сорочке держала на корме длинное весло, служившее рулем. Неожиданно, как сердитый прощальный привет, прозвучал короткий, сильный лай собаки. Но тишина уже снова окутала это расставание, такая же глубокая, как и два часа назад, при приближении лодок. Шел дождь, люди и вещи снова возвращались в небытие. Мы ехали в разные стороны, расстояние между нами быстро увеличивалось. И когда после краткой проверки по карте названий окружавших нас скал мы снова посмотрели на море в поисках последних морских кочевников, они уже растаяли в туманной мгле неба и моря, как исчезают при пробуждении ночные видения.

Остров Чилоэ и Чилоты

Если вы почувствуете скуку и ощутите потребность испытать свое терпение, возьмите карту Чили и попытайтесь пересчитать острова, разбросанные вдоль длинного побережья. Кроме принадлежащего Чили острова Пасхи, обоих островов Сан-Феликс и Сан-Амбросио и архипелага Хуан-Фернандес, где в начале XVIII столетия жил матрос Селькирк, он же Робинзон Крузо, со своим товарищем Пятницей, все острова расположены вдоль южной трети побережья, от Пуэрто-Монт до мыса Горн, который, впрочем, и сам является островом.

Среди этих многочисленных и к тому же часто безымянных островов есть один, название которого в Чили очень часто повторяется — в разговорах, деловых бумагах и торговых сделках, — своеобразно напоминая название страны: остров Чилоэ *. Прежде всего это самый северный и самый большой из южночилийских островов (кроме, конечно, главного острова Исла-Гранде — Огненной Земли, — поделенного между Чили и Аргентиной). Остров Чилоэ почти прямоугольной формы и расположен примерно в пятидесяти километрах от материка. Он простирается параллельно побережью несколько севернее 42° и южнее 43° широты. Его длина — около 180 км, ширина — 70 км. По величине и географическому положению, если его перенести в северное полушарие, он точно соответствует прекрасному острову Корсика.

Но когда люди приезжают на Чилоэ или живут там, то о солнечной, сухой Корсике думают еще меньше, чем о Бретани: тот же дождливый с ветрами и сравнительно мягкий климат и такое же серое море. В противоположность всем другим островам, разбросанным вдоль патагонского западного побережья, которые являются не чем иным, как вершинами Анд, омываемых Тихим океаном. Здесь нет настоя-

* Слово на местном индейском языке означает «остров чаек». В связи с этим небезынтересно отметить, что по другим предположениям само название «Чили» происходит от крика маленькой чайки, называемой там triles.

щих гор, мало леса, и холмистая, пересеченная местность образует на побережье маленькие, защищенные рыбацьи гавани. Главный продукт, производимый островом, — картофель, его вывозят на континент точно так же, как из Бретани — устрицы, кроме того, пшеница и различные виды фруктов и овощей. Другими важными продуктами, которые также вывозятся во все концы, являются чилотские нравы, обычаи и... люди — сами островитяне. Короче, Чилоэ, на этот раз как Корсика, вывозит сам себя!

Столица Чилоэ Анкуд — только деревня с примерно 6500 жителями; второй по величине «город» Кастро — главный порт. Обе эти столицы соединены узкоколейной железной дорогой, по которой маленький трогательно старомодный локомотив тянет свои три вагончика через всю страну и деревни, расположенные почти только на севере острова.

Наше знакомство с Чилоэ проходило, к сожалению, только в проливной дождь. Какие бы скидки ни делать на своеобразие местного колорита, например на пасмурную погоду в норвежских фьордах, на морозящий дождь в бретонских рыбацких деревнях и влажный туман в Лондоне, во всех случаях неприятно впервые знакомиться с городом или местностью в дождливую погоду. И как ни велико было искушение заставить и других разделить это впечатление, все же опасно передавать его дальше, так как рискуешь дать читателю неверную, случайную картину.

Что же касается Чилоэ, то местные жители, национальная гордость которых была задета этими сомнениями, нас целиком и полностью успокоили: первое впечатление от острова в дождь было вполне правильным и устойчивым! Любая карта осадков подтверждает, что чилийское южное побережье, включая остров Чилоэ, принадлежит к районам земли, где выпадает больше всего осадков.

Несколько вымокших пальм и одна юкка с кремовыми колокольчиками цветов на площади порта — деревни Кастро, казалось; хотели сказать путешественнику с холодного юга, что суровость Антарктики уже позади, а тропики близко. Впрочем, эти растения были единственными вестниками, которых нам высылал навстречу теплый север — само солнце отсутствовало, и магелланский дождь здесь был нашим постоянным и верным спутником. Надпись на небольшом монументе на набережной гласит «Bienvenido a Castro» — «Добро пожаловать в Кастро!», но непрерывные потоки с неба и старая, ржавая пушка, стоявшая рядом, изобличали ее во лжи.

Как и в самой Патагонии, здесь все сделано из жести или дерева или из того и другого. Деревянные башни церкви в Кастро обиты жостью, делающей трогательные попытки походить на кирпич. Серо-зеленые, замшелые, потемневшие от вечного потопа шероховатые доски жилых домов придают им своеобразный вид, что-то от крестьянских изб. «Улицы» города в зависимости от того, ровные они или с подъемом, превратились в озера или шумные грязные ручьи, в которых можно увязнуть без надежды на спасение. Женщины, одинаковым движением придерживающие под подбородком громадные черные головные платки, и многочисленные босоногие, шлепающие по грязи детишки снова напоминают о старых картинах прошлого столетия. Но зато пончо мужчин, бежевые, коричневые или черные, квадратные шерстяные накидки с вырезом для головы посередине и свисающими по бокам концами — это уже определенно чилийское, и только чилийское.

В чем же причина того, что такое большое количество жителей острова покидает свою родину и эмигрирует в южную часть континента, составляя сегодня там подавляющую часть населения? Мы думали, что причина переселения в другие безлюдные районы — бедность или перенаселенность Чилоэ. Но это абсолютно неверно, так как продукции сельского хозяйства и рыболовства острова вполне достаточно, чтобы прокормить все его население. По необъяснимой причине чилоты часто и надолго покидают свою родину, используя для этого любую возможность. Суровость климата также не может быть причиной их стремления к странствиям, так как районы, в которых они ищут удачи, не теплые северные провинции Чили, одни названия которых от Вальпараисо до Перу напоминают о солнце и радости жизни: Аконкагуа, Кокимбо, Атакама, Антофагаста и Тарапака, а те, в которых их снова встречает привычный дождь, где климат даже еще более холодный и ветреный, чем на их острове. Условия жизни эмигрировавших в Патагонию и на Огненную Землю чилотов, работающих здесь пастухами и стригальями в пампе, лесорубами и охотниками на тюленей на побережье, безусловно, не лучше, чем дома. К тому же в большинстве случаев мужчины живут здесь без семей, которым были бы не под силу тяготы кочевой жизни на суровой чужбине.

Все догадки ни к чему не приводят; нет никакой явной причины. Вероятно, это просто инстинкт бродяжничества — необъяснимый, как многие инстинкты, — заложенный в крови чилотов. К ним относятся слова французского писателя

Поля Морана: «Эта потребность быть где-либо в другом месте, упорная, как хроническая болезнь, — потребность всегда широко раскрывать атласы». Но атлас их раскрыт только на одной-единственной странице, на странице пампы, гор, холодных бурных побережий и каналов Патагонии и Огненной Земли.

* * *

Мы снова в Пунта-Аренас, нашей опорной базе в путешествиях по южным маршрутам. Спрашиваем, откуда появились низкорослые, но необычайно ловкие темнокожие девушки и женщины, работающие в матросских кабаках, барах и отелях официантками и горничными. «Конечно, с Чилоэ», — раздавалось всегда в ответ. Как и мужчины, многие чилотские девушки уезжают на заработки в Патагонию и на Огненную Землю, чтобы подработать денег, которые посылают домой членам своей семьи, так как обычно на себя тратят немного, или копят, а потом привозят с собой на Чилоэ.

Нам, как и многим людям, когда-либо проезжавшим через Магелланов пролив или вдоль его берегов, бросились в глаза мертвые леса. Как уже говорилось, часто до самого горизонта кроме только труднодоступных склонов Анд видны тысячи и миллионы лежащих или еще стоящих мертвых деревьев, как будто бы там разразилась катастрофа или упал гигантский метеор, если не атомная бомба. Но наряду с огнем виновником катастрофы был чилотский лесоруб, неустанно и терпеливо создающий пастбище для своего земляка-пастуха и его стада.

Так по крайней мере отвечали на наши вопросы. Мертвые леса у Магелланова пролива были совершенно безлюдными; самих чилотов мы встретили только много дальше на севере у побережья, примерно на полпути между выходом из Магелланова пролива и родным островом лесорубов. Здесь фиорд, вернее, целая серия мелко разветвленных фиордов глубоко врзается в отвесную стену Анд, и каждое из этих ответвлений фиорда превращается на материке в маленькую долину, через которую вытекают в море зарождающиеся в Кордильерах реки. Самые большие из них Рио-Паскуа и Рио-Бейкер, причем последняя дает свое название также и главному фиорду — Бейкер. Нескольким невзыскательных семей чилотов поднялись на лодках вверх по этим рекам и нашли обетованную землю: защищенный от ветра горный склон, ровную площадку в долине или небольшую прогалину. Построили

маленькие дома, конечно деревянные, которые на нашей стороне земли скорее назвали бы сараем, и убедили животных, разумеется овец, что то, что хорошо для людей, бесспорно пригодно и для них.

Женщины стряпали (другим работам по дому там, за Андами, не придают большого значения), а дети росли так же быстро, как бамбук на берегах Рио-Бейкер.

Мы были поражены, встретив здесь, в суровом климате южной широты, грациозные трубки и изящные листья бамбука. Рядом с ледниками и вечным снегом не только бамбук, но еще и колибри, называемые в Чили Picaflors (Пикафлорес — ключющие цветы). Позднее в естественноисторическом музее в Сантьяго мы узнали, что разновидность колибри (коричневатая невзрачная птичка, похожая на воробья в миниатюре), встречается и южнее, вплоть до Магелланова пролива.

Главной жертвой чилотских лесорубов здесь, в этой местности, являются кипарисы. Кипарисовые бревна, сложенные штабелями на берегу почти каждого фиорда, по нескольку лет ожидают прибытия «Микальви», который, как истинный «мальчик на побегушках», должен заботиться и о перевозке древесины. Для здешних бедных фермеров и лесорубов «Микальви» — единственная связь с внешним миром, а в случае необходимости и единственный спаситель. Иногда такие робинзонады оканчиваются трагически: стоит только стореть хижине со всеми запасами и предметами обихода или внезапной эпидемии уничтожить скот, как горстке людей угрожает голодная смерть. Только несколько лет тому назад чилоты, расселившиеся вдоль Рио-Бейкер на расстоянии нескольких дней хода на веслах друг от друга, искали все вместе спасения в ближайшем поселке — маяке на скале Сан-Педро, расположенном от них примерно в 200 км. Когда они туда приплыли, оказалось, что шторм разрушил часть сооружений маяка, так что трудно было установить, кто кому, собственно, должен был помочь.

Перед чилийским правительством встало сразу несколько проблем, требовавших разумного решения: следует ли попытаться удержать островитян на месте и запретить им покидать остров Чилоэ? Немыслимо! Но можно заявить им, что они все делают под свою собственную ответственность! И там, куда их случайно приведет авантюристическая страсть к путешествиям, они не могут рассчитывать на помощь государства! Или наоборот, надо начать организацию такой помощи в самых труднодоступных районах Чили? Было выбрано это последнее гуманное решение.

Теперь на плоской скале Тортель у входа в фиорд Бейкер стоят два новых солидных деревянных дома, в которых живут с семьями ежегодно сменяемые радист и фельдшер чилийского военного флота. Их задача — обслуживание осевших в этом лабиринте фиордов и рек чилийских колонистов. Сюда приезжают на лодках по рекам или на лошадях через болота и леса фермеры и лесорубы из окрестностей, чтобы получить помощь или узнать новости.

Когда мы на «Микальви» прибыли в Тортель, там бог весть откуда уже собралось около пятнадцати человек, узнавших о предстоящем прибытии судна. Но сроки такой встречи на краю земли довольно растяжимы, и случилось так, что чилоты — а это, конечно, были они — собрались в Тортель примерно на восемь дней раньше. Что же, грести обратно, к родным хижинам и семьям, вверх по вздувшимся от ливней рекам? Тогда наверняка не поспеть к приходу «Микальви» в Тортель. Лучше уж здесь ожидать прибытия этого «летучего голландца», который привозил им и вспомогательному посту в Тортель пополнение и новости и принимал заказы для следующего рейса, который совершится только через полгода.

Итак, они расположились поблизости во временных палатках из овечьих шкур и перебивались как могли. Мы узнали типичные чилотские пестротканые широкие пояса, береты и широкие шаровары, заправленные в короткие сапоги, которые уже видели у пастухов пампы. Казалось, что эти «лесные» чилоты выглядят более одичалыми или по меньшей мере более дикими, чем их земляки на эстансиях. Дружелюбные, но своеобразно застенчивые, взлохмаченные и довольно оборванные, они выглядели так, будто сошли со старых иллюстраций книг Жюль Верна.

В то время как мы грузили древесину, люди собирали на островах дельты Рио-Бейкер свой почти одичавший рогатый скот и лошадей, часть которых мы также должны были взять с собой. Животных по одному подгоняли к расположенной на берегу гигантской деревянной воронке, на остром конце которой находился люк. Матросы «Микальви» набрасывали на рога или шею бьющих копытами и лягающихся коров и лошадей прочное лассо, люк открывался, и под дикие крики собравшихся людей и лай вездесущей своры собак испуганные животные, вздымая брызги, падали в воду. Здесь их уже ждали матросы на катере, к которому прикреплялся конец лассо. Матросы гребли к стоящему на якоре кораблю, заставляя животных вплавь следовать за собой. На борт

лошадей поднимали лебедкой с помощью широкого пояса, захлестнутого под брюхом, а быков иногда только с помощью каната, брошенного на рсга. Одно мгновение они висели на стреле, как бесформенная масса, с которой ручьями стекала вода, и наконец опускались на палубу или в трюм.

Во время путешествия через хаос патагонско-тихоокеанского архипелага мы наконец встретились с представителями еще одной группы профессий чилотов: морскими чилотами — охотниками на тюленей и нутрий. Лоберос (от лобо — волк и марино — морской) и нутриерос (от нутрия — местная разновидность выдры с темно-коричневым бархатистым мехом) живут в одиночку или вместе с последними кочевниками алакалуф и метисами. Усвоив образ жизни алакалуф, морские чилоты нашли в них желанных спутников и помощников в своей тяжелой профессии. Впрочем, в этих лодках со смешанным экипажем не всегда так просто отличить чилота от алакалуф; к тому же все степени их смешения встречаются намного чаще, чем чистокровные индейцы, которые, как уже говорилось, едва ли вообще живут такой жизнью. Наиболее часто встречающееся рабочее сообщество — так называемая квадрилья, когда двое чилотов охотятся и живут с двумя индеанками или индеанками смешанной крови, что, конечно, способствует еще большему смешению алакалуф.

Охота на тюленей — настоящая нищенская профессия, но она полностью соответствует способностям и вкусам чилотов, прирожденных охотников и моряков; они к ней подходят, как никто другой, и она кажется созданной именно для них. Неделями, даже месяцами блуждают чилоты в своих лодках на веслах или под парусом в этом мире воды и скал под ледяным западным ветром, где-нибудь на защищенном от ветров берегу ставят такие же тольдо, как последние алакалуф, из воткнутых в землю толстых веток с наброшенным сверху парусом, тюленьими шкурами или старыми не пропускающими влагу плащами. Если во время дождя случайно находят дерево тэпу, которое горит даже совершенно мокрым, они раздувают огонь, пекут ракушки и морских ежей и пьют, пьют довольно много...

А почему бы и нет? Может быть, завтра выпадет счастье захватить врасплох семью тюленей на отдыхе где-нибудь на скалистом плато, которые там называют *pedras de lobos* (педрос де лобос) — тюленьи камни, — или собакам, котсыре делят со своими хозяевами лодку и тольдо, удастся выследить выдру, мех которой тоже принесет деньги.

Кочующие «морские чилоты» менее экономны, деловиты и аккуратны, чем их земляки в городах или эстансиях. Лишь изредка они привозят с собой на Чилоэ какие-то сбережения. Деньги зарабатывают главным образом продажей мехов проезжающим судам, зрителям маяков, иногда торговцам в сравнительно отдаленных маленьких портах, как, например, Пуэрто-Наталес, фиорде Ультима Эсперанса или даже Пунта-Аренас. Но деньги, вырученные от продажи, реализуются квадрилей в большинстве случаев полностью: несколько лент, папиросы, дешевые украшения для жен-индеанок и крепкое чилийское вино или еще более крепкий напиток писко для мужей-чилотов. Через несколько дней или даже часов в карманах как чилотов, так и индейцев нет ни одного песо, но зато в тяжелых, трясущихся головах этих непривычных людей, нетвердо шагающих по убогой мокрой мостовой портовой набережной, витают удовлетворенные мечты. Пусть тот, кого это раздражает или возмущает, сам отправится туда и увидит условия жизни этих людей на краю земли, и я не думаю, чтобы у него потом хватило мужества их осуждать.

Все эти встречи, все эти лица и переживания возникают в наших воспоминаниях, когда мы сейчас стоим рядом с заржавленной пушкой перед каменным монументом с надписью «Добро пожаловать в Кастро!» и слушаем рассказы о богатстве острова Чилоэ, главной особенностью которого является, кажется, то, что его-то как раз и трудно заметить!

Под бурные порывы ветра мыса Горн, при постоянных ветрах пампы, в вечно влажных лесах Патагонии и на дождливом архипелаге, удаленные от родного острова более чем на тысячу морских миль, живут и работают, мерзнут и пьют чилоты. Почему? Лучше всего им живется в своих родных деревянных домах с огороженными плодородными полями, в мягком климате Чилоэ. Никто из них не забудет свою родину с ее песнями, легендами, обычаями и одеждой. Но никакая сила в мире не удержит их там и не помешает им, как только они научатся грести и ставить парус, искать «другое место», о котором они мечтали еще маленькими детьми. Никто не сможет переубедить их остаться в теплом уюте родины.

Если бы однажды дух Паскаля посетил чилота в его только и попытался убедить, что все несчастья людей происходят только от того, что им никак не удастся спокойно усидеть в своей комнате, то чилот ответил бы ему только громким смехом: «В чем же еще может заключаться счастье людей, месье, если не в беспокойной жизни?»

Возвращаясь из довольно утомительного похода через девственный лес, что лежит севернее внутреннего моря Скайринг, мы заблудились и, устав преодолевать бесконечные препятствия, добрались по компасу до ближайшего берега моря. Мы шли по берегу, следуя причудливой фантазии всех его поворотов. Это был, конечно, не самый короткий путь, но наверняка самый надежный, а может, несмотря на встречающиеся подъемы, и самый удобный.

Мы весело шагали вдоль каменистого берега неизвестной бухты—наши карты отказались сообщить ее название,— пока не увидели в воде на расстоянии примерно броска камня невообразимое сооружение. Это было черное, изъеденное ржавчиной судно, которое по своим скромным размерам и высоте трубы могло быть буксиром, но больше походило на огромного ежа или дикобраза. Оно было не перегружено, а просто завалено различной древесиной, в основном длинными, беспорядочно набросанными заостренными досками, так что над ними выступала только высокая труба. Сверху или между досками, где только было возможно, восседали люди и собаки и молча наблюдали за нашим приближением.

«Да это же «Тайта», старая посудина «Тайта!» — вскрикнул вдруг шагнувший с нами этнограф Ж. Амперер, который несколько лет тому назад длительное время объезжал каналы и фиорды, исследуя район Скайринга. Так мы узнали, что «Тайта» принадлежит уединенной лесопилке в соседней бухте и что Амперер раньше неоднократно встречал это судно. Он кричал так громко и до тех пор, пока один из мужчин на судне наконец не вынул руку из кармана и не помахал ею; а коричневое, как кожа, лицо другого моряка, который курил на корме трубку и, по-видимому, был капитаном корабля, ослабло в дружелюбной улыбке, и тут уже ожились даже собаки. Контакт был установлен, прежнего друга узнали, и с «Тайты» к нам направилась лодка. нас пригласили выпить по чашке кофе на борту «Тайты», но отнюдь не для ознакомления с судном, так как только крыса смогла бы ориентироваться в этой бесформенной куче леса.

Когда лодка с нами пристала к судну, с борта как по команде раздался лай собак, а вслед за ним залились псы в лодках, привязанных к корме и казавшихся пустыми. На них было около дюжины собак разной величины и масти, прыгавших, как чертики на пружине, которые выскакивают из коробки, к ужасу того, кто ее неосторожно открыл.

Нелегко было успокоить этих агрессивных бестий, которые теперь все вспрыгнули на палубу, хотя здесь и так некуда было ступить, и еще труднее найти место, чтобы не загоразивать входа в своего рода камбуз, где как раз пекли лепешки и варили кофе. Дабы приятнее провести время в ожидании кофе, пили пока вино, крепкое красное вино, которым так гордятся чилийцы и при случае охотно выпивают лишний стаканчик. Впрочем, стаканов здесь не было, а только одна жестяная кружка, из которой мы пили по очереди сначала вино, а потом кофе или, точнее, ту темную горячую жидкость, которую здесь, в Патагонии, готовят, вероятно, из чего-то другого, но только не из кофейных зерен.

Между глотками мы пополняли свои сведения о «Тайте». Так, мы узнали, что судно принадлежит лесопилке, что невероятно нагроможденный на ней лес — только лишь «отходы», которые служат топливом для паровой машины судна. Вблизи эта гора леса выглядела еще более высокой и шаткой, и было удивительно, как «Тайта» вообще сохраняет равновесие. Кроме топлива на палубе находились еще и другие припасы; так, на мачте, как варварский флаг, висела обезглавленная овечья туша, а легкий ветер развеивал длинные полосы темного мяса.

Чем занималось это своеобразное судно здесь, на Скайринге? Оно ходило вдоль берегов этого и соседнего внутреннего моря Отуэй, а через узкие проходы вдоль островов и каналов — к Тихому океану в поисках особенно высоких кипарисов, растущих только здесь. Обнаружив такие деревья, команда валила их, освобождала от сучьев, а стволы буксировала на свою лесопилку. Вместе с матросами-лесорубами на судне находились и нутриерос с Чилоэ, охотившиеся в устьях рек на выдр; им принадлежали небольшие лодки за кормой и взъерошенная свора собак, которые теперь, мирно виляя хвостами, разгуливали вокруг нас.

Господин Амперер справлялся об алакалуф и чилотах, с которыми он познакомился в кипарисовых лесах, растущих на берегах каналов. И как часто в ответ на называемые им имена звучало единственное слово, которое мы слышали каждый раз, когда речь заходила об алакалуф, «*mirio*» (умер). Умер Перес, а также дочь Марии Мартинес: этот и тот, те и другие — *mirio*. Это превратилось в такую бесконечно печальную жалобу, что один из матросов с седыми волосами и орлиным носом, выглядевший как опустившийся художник, а в действительности судовой механик, встал и взял у кого-то такую же потрепанную, как он сам, гитару.

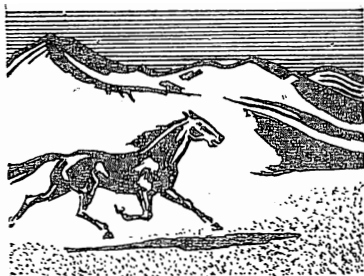
Он уселся на обрубок дерева и, чтобы прогнать общую грусть, начал петь песни аргентинской пампы, которые ему казались более веселыми, чем подсказываемые товарищами чилийские песни. Певец не обладал особенно хорошим голосом, но зато он обладал необычайной памятью и такой же выносливостью. Потом лопнула одна из немногих еще целых струн, и это положило конец попытке развеселить общество.

После еще одной кружки кофе мы дружелюбно похлопали на прощание друг друга по плечам, и лодка снова отвезла нас на берег. Оттуда мы помахали рукой, как это здесь принято, крикнули «*hasta luego*» (до скорого), будто мы когда-нибудь еще увидим «Тайту» и ее матросов! В ответ они помахали над головой руками, а «художник» — своей теперь бесполезной гитарой. Хор собак начал шумный финал...

По какой-то причине, которую я не могу вспомнить, нам пришлось свернуть с намеченного пути, и в сумерках, наступающих в Южной Патагонии летом довольно поздно, мы снова проходили мимо той же самой безымянной бухты. «Тайта» была все еще здесь, став на ночь на якорь. Около маленькой лодки, которая днем доставила нас обратно на берег, на черном побережье стояли, молча засунув руки в карманы, три человека из команды, среди них певец-механик. Но разговаривать с ними было совершенно невозможно: едва заметным кивком ответили они на наше «*buenos tardes*» (добрый вечер). Матросы были пьяны, хотя держались еще прямо и медленно покачивались из стороны в сторону, — видно, жестяная кружка с крепким чилийским красным вином после нашего отъезда еще много раз прошла по кругу.

Теперь со светлого неба накрапывал мелкий, морозящий дождь, от которого на тихой воде оставались еле заметные маленькие круги, быстро исчезающие и возникающие вновь; дождь такой легкий, что лес стоял спокойно, а люди его совсем не замечали. Но вместе с ним пришла такая глубокая и неожиданная грусть, что мы ничего больше не ощущали, кроме неподвижности и молчания этих людей, бесцветной, окаймленной лесами тихой воды и одиночества затерянного маленького судна, на котором теперь мигал жалкий огонек.

Ничего не осталось от шумного веселья и дружелюбного прощания после короткой встречи в полдень; ничего от веселого пения, закончившегося обрывом струны. В медлительном наступлении сумерек на этот корабль нищеты с его печальной, захмелевшей командой не было ничего, кроме безнадежной покорности судьбе и безутешного отчаяния на краю земли...

Ультима Эсперанса

Для граждан города Пуэрто-Наталес не было на этой неделе более важных событий, чем футбольный матч между членами городского добровольного общества пожарников и учениками католической миссии и избрание «Miss Ultima Esperanza», то есть «мисс Последней надежды», объявленное местными газетами и плакатами.

Во всяком случае нам так показалось, когда мы прогуливались по этому маленькому городу и пытались составить себе представление об его образе жизни. Он оказался именно таким, каким мы ожидали его встретить и каким его описывали наши знакомые в Пунта-Аренас, гордящиеся своим домом из «материала» и клочком газона перед ним. Улицы здесь были так же глубоко изрезаны колеями от колес, а деревянные дома с покрытыми жестью крышами, над которыми смеялись жители Пунта-Аренас, были такими же убогими, как в их собственном городе. Короче говоря, Пуэрто-Наталес оказался точно таким, каким хотели его изобразить наши друзья из Пунта-Аренас.

Что же касается текущих забот и надежд Пуэрто-Наталес, то казалось, они действительно вращаются вокруг великолепного футбольного матча и конкурса, который должен был решить, действительно ли Инес Драгович, дочь югослава—владельца гофрированно-железного «Отеля Колониаль», в котором мы жили, является самой красивой жительницей города, то есть «мисс Последней надежды». Уже мчались к стадиону юные болельщики футбольной команды «Бомберо» в нахлобученных на головах родительских касках, ссезжающих на каждом шагу на глаза. А ветер Патагонии пытался разорвать плакаты, со всех домов призывавшие граждан города голосовать за Марию де лос Анжелес, за Консуэлу или «нашу» Инес!

К сожалению, нам пришлось отказаться от удовольствия присутствовать на этих празднествах — у нас была другая цель. Хотелось осмотреть сам «город» и двинуться в глубь

материка, чтобы посетить две неизменные достопримечательности: горный массив Пайне в андских Кордильерах и святыню палеонтологии — пещеру милодона.

I.

Провинция Магальянес занимает всю южную часть территории Чили от острова Веллингтона (включительно) и озера Сан-Мартин, одна половина которого принадлежит Чили, а другая Аргентине. Таким образом, провинция не только самая южная, но и самая большая из 25 провинций страны, вытянутой вдоль побережья узкой, длинной полосой. Провинция разделена на три «департаментос»: южная, чилийская часть Огненной Земли — Тьерра дель Фуэго с «главным городом» — гаванью Порвенир, расположенной на восточном берегу Магелланова пролива напротив Пунта-Аренас; средняя носит название всей провинции — Магальянес и считает своей столицей Пунта-Аренас, а самая северная — Ультима Эсперанса, по столице которой Пуэрто (порт)-Наталес мы теперь бродили. Город расположен на берегу сильно изрезанного, открытого в сторону Тихого океана фиорда Ультима Эсперанса, но назвать его портом можно только очень условно. На двух или трех полуразвалившихся деревянных причалах, далеко уходящих в воду, сидят несколько рыболовов, иногда приходит на парусной лодке какой-нибудь ранчero, чтобы выгрузить овец, сделать кое-какие покупки и снова вернуться на свою ферму, расположенную у другого фиорда. Состояние причала едва ли позволяет принимать здесь более крупные суда.

Однако очень скоро обнаруживаешь главный жизненный нерв Пуэрто-Наталес: это большая мясохладобойня в бухте за городом и уже упоминавшийся каменноугольный рудник Рио-Турбьо в нескольких километрах к северо-востоку на аргентинской территории. Здесь заняты городские жители, не нашедшие работы на фригорифико — мясохладобойне.

Внешне город похож на американские frontier towns времен золотой лихорадки. Сегодня кроме Патагонии их можно увидеть разве только в фильмах о диком Западе. Как и в Пунта-Аренас, улицы пересекаются под прямым углом: правда, они больше заслуживают названия тропинок или в лучшем случае дорог. Дома в большинстве своем построены только из дерева или жести, гладкой и гофрированной, а если где-либо и применялся в качестве строительного мате-

риала камень, то так скромно, что его не заметишь. Две голые широкие площадки посреди груды бараков можно было принять за пустырь, если бы чахлый газон, несколько неудобных скамеек да три-четыре отвратительных цементных бюста местных знаменитостей не говорили о том, что все это должно изображать городской сад. В обстановке дикого Запада, дополненной налетом кастильской надменности, живут люди последней надежды: дети с черными, растрепанными ветром волосами; низкорослые, толстые, лишенные грации женщины; мужчины, которых можно видеть почти всегда верхом на лошади — в стране широких просторов редко ходят пешком, даже в городе.

Снующие всадники в плоских шляпах, широкие поля которых, как и края овечьих шкур, заменяющих седла, мерно подрагивают во время езды, спасают город от уродливости: без них она была бы совершенной. В этой бессознательной деятельности у людей нашелся неожиданный союзник: кладбище с его могилами и часовнями!

Божья нива Пуэрто-Наталес на самом деле выглядит необычайно. Здесь внезапно обнаруживаешь все виды строительного материала, в том числе дерево и цемент, нашедшие, как ни странно, большее применение в жилищах для мертвых, чем для живых. Памятники ярко раскрашены, преобладают небесно-голубые и конфетно-розовые тона. То, чего не хватает серым домам и темной одежде людей, открывается за четырьмя низкими стенами кладбища в неожиданном буйстве цвета. Может, в этом и заключается «последняя надежда»?

К сожалению, мы не имели возможности добраться до каменноугольного рудника «Рио-Турбьо», находящегося, как уже упоминалось, в Аргентине. Это недалеко от Пуэрто-Наталес, и почти все рабочие приходят на рудник из города. Тем подробнее мы осмотрели мясохладобойни, построенные примерно в полтора километрах от города на берегу фиорда. Наравне с бойнями Пунта-Аренас (Tres Puentes) они самые крупные на крайнем юге; а все вместе ежегодно поставляют на стол Европы почти десятую часть чилийского поголовья овец — примерно 300 тысяч розовато-коричневых застывших туш.

Предназначенные для убоя овцы с ранчо фиорда Ультима Эсперанса или с других, расположенных у ближайших фиордов, доставляются сюда, как правило, на парусных или гребных лодках, в которых они лежат со связанными ногами, как толстый, серый, вздыхающий ковер, по которому бе-

гает команда и пастухи. С овцеводческих ферм из глубины страны прежде овцы шли на бойни целыми днями по пыльной пампе, по твердой земле каллес — улиц шириной в двадцать, тридцать и более метров, между огороженными пастбищами, по грязи разлившихся рек. К конечному этапу своего последнего пути они приходили настолько ослабевшими и истощенными, что цена, которую за них предлагали, не соответствовала той, на которую рассчитывали эстансиерос. Сегодня это ценное мясо в большинстве случаев доставляют по шоссе в специальных огромных грузовиках, и овцы падают под нож карничеро в состоянии, удовлетворяющем как хозяина овец, так и владельца мясохладобойни.

Здесь мы видели, как овцы делали свои последние шаги — от грузовика до ворот бойни. Едва открывались решетчатые двери трех и даже четырехэтажных грузовиков, как из них тяжелой серой массой вытекали овцы, на мгновение останавливались, словно удивленные неожиданной свободой после отвратительной тесноты путешествия, чихали и принюхивались, вырванные из привычной теплой вони; наконец, подгоняемые усердными собаками и пинками, они нерешительно семеняли к двери, через которую уже не было возврата.

Мы последовали за овцами, довольные, что находимся не на их месте, и увидели угнетающее, почти нереальное зрелище: в тумане мелко распыленной воды, которая, казалось, струилась отовсюду, молча работали около десятка коренастых мужчин в прорезиненных плащах и зюйдвестках. В один миг они перерезали овцам горло, отрезали голову, снимали шкуру, вынимали внутренности, вымывали и опрыскивали пустые туши — все в водяном тумане и непрерывно возобновляющемся и вновь уносящемся потоке крови и воды...

Мы колебались, содрогаясь от ужаса, стоит ли смотреть дальнейший процесс обработки овец, но отступления не было. Мы уже стояли перед рельсами, по которым двигалась бесконечная процессия туш к мертвой, застывшей тишине холодильника. Нам дали меховые пальто, и мы вошли в этот обширный могильный склеп. Какими чистыми теперь стали овцы, которых мы еще недавно видели на пути к баракам для стрижки с набившейся в шерсть землей, брюхами, черными от собственного помета, с застрявшими в шерсти листьями и колючками калафате! Как они теперь походят друг на друга, эти сотни, все одинаковой величины, одинакового цвета, одинакового веса. И какой порядок в прямых, как стрела, рядах их последнего парада! Эта строгая дисципли-

лина, которой наконец достигло овечье стадо, эта тишина и холод, окружающий и пронизывающий нас, придавали мас-совой смерти какое-то величие и делали излишним всякое сочувствие. Но все же мы не произнесли ни одного слова, будто здесь могли быть настоящие покойники.

Приятно было бы закончить обход сразу после этого хо-лодного покоя и мира, но нам не удалось уклониться от ос-мотра консервного отделения, где в низких залах обраба-тывали сердце, мозг, печень животных, принесенных в жерт-ву человеку... Нас обволок запах вездесущей крови, и самое неприятное, вдруг повеяло легким теплом. От темных и бес-цветных мягких внутренностей, в которых копались липкие от крови руки, исходил противный сладковатый запах, сгу-щавший воздух до такой степени, что с каждой минутой ста-новилось все труднее дышать.

В конце концов мы не выдержали и, отказавшись от цифр и статистических данных, которые нам хотел привести бух-галтер, сбежали на воздух.

На берегу фиорда мы глубоко вдыхали ветер далекого Тихого океана. Казалось, на пути к ледникам Анд он уже впи-тал их живительную прохладу. Но вокруг нас на камнях и в воздухе над нами кричали морские птицы, дрались из-за кусков мяса и внутренностей, а победители уносили в клю-вах отвратительные трофеи.

Нет, не легко будет забыть фригорифико Ультима Эс-перанса!

II.

После утомительного осмотра скотобойни мы были готовы «окунуться в природу», чтобы найти у нее утешение, в ко-тором мы явно нуждались. Уже на следующий день переход через пампу и встреча с массивом Пайне оправдали наши ожидания и укрепили веру в целительность «погружения» в природу.

Сначала между Наталес и подножием Кордильер нам встретилась лиса, которая, без сомнения, уже давно ожида-ла возможности сыграть роль звезды кино. Увидев нас, она и не думала скрываться в кустах мата негра, а уселась, наострив уши, и дала нам возможность спокойно прибли-зиться. На расстоянии всего нескольких шагов она позво-лила, как нечто само собой разумеющееся, произвести ки-носъемку — сначала анфас, затем в профиль. Лиса пово-ра-

чивала свою изящную, узкую голову так, будто ее об этом просили, и попрощалась с нами лишь тогда, когда мы не могли больше уделить ей ни метра пленки.

Страусы удалялись не спеша. Стаи крупных ибисов только взлетали, чтобы через несколько метров снова опуститься и горделиво выступать, как на каком-нибудь древнеегипетском фризе. И совсем близко среди зарослей цветущих одуванчиков порхали попугаи с бронзово-зелеными крыльями и ржаво-красными хвостами. Мы были благодарны небу и Патагонии за то, что они позволили нам так близко почувствовать эту природу и ее творения.

Эта благодарность приняла форму торжественной молитвы, когда над горизонтом неожиданно и величественно появился бело-голубой массив Кордильер. Красота длинного хребта, по крайней мере в этом месте, заключается не в его высоте: здесь, почти на самом конце цепи, она едва ли превышает 3000 м, в то время как дальше на север, у Уаскарана, она составляет почти 7000 м, а у Аконкагуа, самой высокой горы Америки, достигает, возможно, еще большей высоты (в зависимости от карты, можно прочесть все значения: от 6950 до 7010 м). 3000 м высоты массива Пайне отрываются от подножия пампы одним-единственным движением, словно тяжелый на подъем великан неожиданно выпрямился в небо. Ничто не предупреждает о неминуемом появлении Пайне: ни предгорье, ни горный склон, ни извилистая дорога; нет даже леса, который обычно спускается к подножию гор. Пайне возникает неожиданно, без предупреждения, как стена, на которую наталкиваешься сходу. Между ней и нами только несколько бирюзово-голубых озер из талой воды, один вид которой заставляет дрожать от холода.

Над ними в окаменевшем порыве, угрожая своими острыми зубцами и высокими пиками, вздымается смелыми уступами мощный массив из породы, похожей на доломиты на нашей стороне земли. Верхняя часть его темно-коричневого цвета резко отделяется от нижней кофейно-молочного тона, которая от середины массива совершенно отвесно падает вниз. Если можно допустить такое сравнение, то это захватывающее величие выглядит так, будто озорное дитя великана разворошило огромной ложкой гигантский шоколадный слоеный торт и съело его только наполовину. Между причудливыми темно-серыми остатками возвышаются над ослепительно белым снегом розово-коричневые каменные башни, а из-под снега угрожающе свисают неровные зубцы голубого ледника.

Мы знаем, что отсюда, через эту уже на первый взгляд кажущуюся непреодолимой зубчатую стену, нет прохода к сравнительно близкому Тихому океану, знаем, что там, наверху, за стеной простирается самая большая белая пустыня земли: континентальный ледник, одно из последних белых пятен на карте, постоянное и опасное искушение для всех альпинистов. Как и вчера, в ледяном зале, полном мертвых животных, почти в таком же холоде и тишине мы не могли произнести ни слова. Здесь, правда, нами овладели иные, почти религиозные чувства, свойственные каждому человеку, как только он лицом к лицу окажется с тем, что называют потусторонним миром, миром «вечной тишины»... Именно у подножия Пайне можно понять, почему человек, как только он начал мыслить, поселил своих богов, гениев и демонов в горах, почему греки верили в Олимп, почему гора Фудзи священна для японцев, а тибетцы и непальцы считают богами горы Крыши мира. Отдаленный шум заставил нас двинуться по отлогому склону подножия Пайне, и только здесь мы обнаружили, что то, что мы приняли за озеро, в действительности были потоки талой воды, стремительно спускающиеся со склонов Пайне к фиордам Тихого океана. Внезапно наталкиваясь на ровную поверхность земли, они неожиданно становились благоразумными и превращались в почти стоячие воды. Но вдруг слабый уклон или трещина в скалистой почве открывали им путь к морю, и потоки, пенясь, уже неслись дальше через теснины, падая шумным водопадом у наших ног в другие «озера». Стоя на краю ревущей пропасти, затаив дыхание, в этом первобытном, диком краю мы пережили пугающее чувство затерянности. Единственное дерево, склонившееся, как и мы, над водопадом, простерло над водой свою одинокую ветвь, и вздымающиеся брызги пены заставляют вздрагивать ее листья. А в холодном небе над нами два одиноких кондора выписывают широкие круги...

К вечеру мы наконец увидели еще одно живое существо: лошадь без седла и сбруи, по-видимому одичавшую, во всяком случае на свободе. Она скакала с развевающейся гривой вдоль озер с независимой легкостью и элегантностью благородного животного, свободного от пут.

Когда мы вернулись в Пуэрто-Наталес, небо было черным, как чернила. Гроза, встречи с которой мы избежали, отправившись на экскурсию в Пайне, заявила о себе к ночи. Над жалкими домами и серыми, мрачными сараями с прожавевшими крышами из гофрированного железа на фоне

свинцовых туч резко, почти устрашающе сияла яркая радуга; как и раскрашенные во все цвета памятники маленького кладбища, она словно хотела поддержать упорную надежду или хотя бы посулить ее, эту Ультима Эсперанса!

III.

«Черт возьми, где вы это нашли?» — вопрошал доктор Отто Нордэншельд, с любопытством рассматривая висящий на одном из столбов у входа в эстансию кусок покрытой шерстью кожи. Владелец эстансии, бывший капитан германского императорского военного флота Эберхард, смеясь, ответил своему шведскому гостю, что в конце концов ведь он ученый и, может быть, поможет ему разгадать тайну происхождения этого кусочка шкуры; он сам уже в течение целого года безуспешно пытается это сделать. Ученый и эстансиеро склонились над загадочным куском твердой кожи, ощупывали его, взвешивали на руке и исследовали со всех сторон: ясно можно было различить два слоя кожи: верхний серый, более тонкий, покрытый длинной рыжеватой шерстью и толстый нижний, пронизанный маленькими косточками или хрящами будто для того, чтобы придать ей большую прочность и крепость.

«Это не может принадлежать ни рогатому скоту, ни гуанакю, ни овце, — сказал господин Эберхард, — мы здесь, в Патагонии, слишком хорошо знаем, как выглядит мясо и кожа этих животных и какова их структура. Сначала мы думали о тюлене, но как объяснить, что тюлень умер в нескольких милях от побережья в горах, к тому же еще в пещере? Разве что кто-нибудь его туда затащил и съел?»

На вопрос о точном месте находки господин Эберхард указал на горы, окружающие его эстансию Пуэрто-Консуэло и весь фиорд Ультима Эсперанса: «Отсюда можно видеть вход в пещеру, вон там, над сгоревшим лесом, под желтыми скалами. Высота пещеры с церковь, а тянется она метров на триста. Когда я исследовал ее с моими пеонами, мы натолкнулись на этот предмет в глубоком песке, покрывающем пол, и выкопали его. Мы не пришли к единому мнению относительно его происхождения, но заинтересовались им настолько, что я, как видите, повесил его у входа в эстансию на случай, если кто-либо из проходящих мимо сумеет разгадать загадку!»

Однако люди, которые на краю земли «проходят мимо»,

редки, особенно редки на берегу Последней надежды. Но в этот день капитану Эберхарду выпало счастье встретить совершенно необычного прохожего: это был доктор Отто Норденшельд, профессор университета в Упсале, путешествовавший здесь, изучая Патагонию. Встреча поистине граничила с чудом.

Профессор Норденшельд вертел кусок кожи в руках. «Если я не ошибаюсь, господин капитан,— произнес он наконец, медленно взвешивая свои слова,— этому предмету много, примерно десять тысяч лет. Рыжеватые шерстинки и особенно хрящевидные узелки четко указывают на глоссоптериума или милодона, во всяком случае на животное, жившее в глубокой древности».

Примерно так могла протекать эта важная встреча в 1896 году. Так мир узнал о существовании милодона в Патагонии. Пещера милодона у фиорда Эсперанса стала одной из святынь палеонтологии и классическим примером доисторической фауны во всех книгах.

Особенно удивило профессора Норденшельда и его коллег по университету в Упсале, которым он сообщил о своем открытии и привез кусочки кожи, найденные в пещере, не столько само существование милодона в данном месте — так как одновременно были найдены еще другие останки милодона (кости и когти) в других районах Патагонии,— сколько необычайно хорошая сохранность его шкуры. Проблему решали долго и пришли к общему мнению, что причиной этого являются особые свойства грунта, в котором были найдены останки. Плотный песок вулканического происхождения на полу пещеры оказывал, по-видимому, сильное консервирующее действие подобно «вечной мерзлоте» сибирской земли, законсервировавшей целых мамонтов так хорошо, что при раскопках русские рабочие и ученые все время должны были сдерживать своих собак, привлекаемых аппетитным запахом мяса этих колоссов.

При исследовании пещеры милодона нам повезло меньше, чем немецкому фермеру и шведскому профессору, и даже меньше, чем сибирским собакам, которым все же иногда удавалось утащить из-под носа зазевавшихся хозяев кусок мяса мамонта. Все, что мы нашли,— это масса рыжеватой шерсти милодона и плоские кусочки его помета. Зато мы имели возможность жить вместе с ученым всего за несколько месяцев до его трагической гибели, человеком, который посвятил свою жизнь изучению этого фантастического животного,— Жозефом Амперером. Он был настолько увлечен работой,

Милодон в изображении
художника XVIII в.

что неделями копался в пещере вместе со своей женой и сотрудницей Аннет Ламэн и рассчитывал вернуться сюда с целым штатом работников после окончания этнологических изысканий и исследования доисторической эпохи на побережье Магелланова пролива, которыми занимался в течение десяти лет.

Говорить о милодоне как о фантастическом животном — значит вызвать о нем неверное представление. Какими бы сказочными ни представлялись многие из вымерших животных, милодон ни по величине, ни по внешнему виду ничем особенно не выделялся. Милодон — это родственное мегатерию неполнозубое млекопитающее величиной не более быка. Однако для группы неполнозубых животное обладало достаточно внушительным размером, особенно если сравнить его с представителями этой группы, сохранившимися только в Южной Америке: муравьедом, ленивцем, броненосцем, ящером и трубказубом. Милодон был мирным травоядным, а длинные когти его передних лап служили исключительно для опоры о ствол дерева, когда он тянулся за листьями нижних ветвей. Таким образом, это фантастическое животное не имело ничего общего с внушающими ужас, например, тиранозаврами мелового периода, которые, видимо, были самыми страшными животными, когда-либо существовавшими на земле.

Если милодон все же может претендовать на звание «фантастического животного», то только благодаря легенде, существовавшей ряд столетий и сохранившейся до нашего времени так же хорошо, как материальные останки этого животного, будто бы избежавшие всеобщего распада. Индейцы техуэльче, долгое время бывшие единственными обитателями широких патагонских равнин, рассказывали у своих лагерных костров о диком животном, бродящем ночью по пампе. Описания, которые слышали от индейцев редкие путешественники, осмеливавшиеся проникнуть в эту местность, были в большинстве случаев неясными и часто противоречивыми, но в общих подробностях совпадали и заставляли думать о милодоне. Так, утверждалось, что это животное — призрак величиной примерно с быка — покрыто длинной шерстью и вооружено длинными когтями. Но на этом кончалось сходство с милодоном: одни говорили, что видели, как животное переплывало реки и даже тащило за собой лошадь, другие утверждали, что оно неуязвимо и ни стрелы, ни пули мушкетов не могли причинить ему вреда. Во всяком случае эти отважные охотники испытывали ужас перед фантастическим зверем и даже не пытались его скрывать.

К рассказам техуэльче прибавились сообщения белых людей: так, в XVIII веке португальский иезуит патер Лоцано подтвердил наблюдения французского хрониста XVI столетия Андреаса Теуэтуса о том, что в лесах побережья Магеллана пролива обитает большое дикое животное, которое носит с собой своих детенышей; то есть то, что и сейчас еще делают ленивцы. А в конце прошлого века аргентинский государственный секретарь дон Рамон Лисца стрелял в Патагонии в большое четвероногое с длинной рыжеватой шерстью, которое, однако, нисколько не обеспокоили пущенные в него пули...

Высказывания местных жителей и белых людей таили в себе долю истины; ни одно из них не было полностью выдумано. Но когда Патагония открылась для западной цивилизации и патагонская фауна подверглась более детальному изучению, нужно было признать, что большинство описаний относилось к разным животным, а не к одному чудовищу, на котором сконцентрировались бы все наблюдения. Вероятнее всего, описывались или ягуары, которые отлично могут плавать, или бродящие по ночам пумы; это могли быть также большие броненосцы, твердый панцирь которых практически предохраняет от ружейных пуль. Что же касается рыжеватой шерсти неуязвимого «фантастического животного»

дона Рамона Лисца, то ответственность за правдивость сообщения следует возложить на совесть самого дона.

В связи с удивительными открытиями капитана Эберхарда и профессора Норденшельда в пещере милодона возникло два вопроса, на которые, несмотря на все усилия науки, еще и теперь не получено удовлетворительного ответа:

1. Если милодон существовал во времена, когда в Патагонии поселились первые люди, то не содержалось ли это мирное травоядное, несмотря на свои размеры, ради мяса и шкуры, как домашнее животное?

2. Если милодон жил там не только в доисторическое время, но встречался даже меньше столетия тому назад, если наблюдения дона Рамона Лисца действительно верны, — возможно ли, что он еще существует в безлюдных районах на краю земли и избежал вымирания, скрываясь в непроходимых и неисследованных лесах? Другими словами, следует ли приписать неправдоподобно хорошую сохранность кусков шкуры милодона не консервирующим свойствам на месте находки, а тому, что это животное только недавно погибло?

В гипотезе одомашнивания милодона есть что-то подкупающее, так как обнаруженные в пещере милодона остатки человеческих костей, толщина слоя помета и подобие каменной стены, которая, однако, может быть и просто осыпающейся галькой, делают ее довольно достоверной. Но Ж. Амперер и бельгийский зоолог Бернар Хейвельманс, занимавшиеся этой проблемой, пришли к противоположным выводам.

Правда, доктор Хейвельманс допускает, что доисторические люди могли охотиться на милодона ради его мяса и шкуры; могли загонять целые стада животных в пещеру, не имеющую выхода, чтобы животных легче было убивать или держать там некоторое время живыми.

Что же касается вопроса существования в настоящее время милодона или других считающихся вымершими животных на крайнем юге Южной Америки, то все попытки доказать это до сих пор остаются безуспешными. Экспедиция Причарда, совершенная на средства крупной английской газеты, вернулась из Патагонии без милодона и динозавра, которых ждали в Лондонском зоопарке. Недавнее открытие знаменитого целакантуса на Мадагаскаре, окапи в Центральной Африке и гигантского панду в Северной Индии, по-видимому, оправдывает тех, кто отказывается верить, что человек в конце XX столетия знает всех современных ему животных на земле и в воде и что его в этой области уже боль-

ше не ожидают никакие сюрпризы ни в девственном лесу, ни в морских глубинах. Говорят, что если во что-нибудь очень веришь, то это обязательно исполнится. Так, в один прекрасный день там, у фиорда Последней надежды, найдут большого патагонского живого милодона, ведь еще есть несколько человек, которые твердо в это верят: несколько зоологов из Парижа, Лондона и Упсалы, склонившихся над хрящеватыми кусочками шкуры фантастического животного, и мы сами, рассматривающие скромный комок его помета.

Между Огненной Землей и мысом Горн

Старая Европа слишком много страдала и всегда слишком занята своими собственными заботами, чтобы проявлять к внеевропейским конфликтам, которые ее никак не затрагивают, больше внимания, чем простое любопытство. Поэтому, когда прибытие американского морского флота в Бейрут взволновало Европу, вряд ли кто серьезно заинтересовался малой войной, вспыхнувшей на краю земли. В течение долгого времени здесь идет затяжной спор двух враждующих братьев — Аргентины и Чили — за обладание несколькими бесполезными маленькими островами, затерянными между Огненной Землей и мысом Горн.

Однажды на крошечном, величиной всего в несколько сотен квадратных метров, островке (у восточного выхода канала Бигл, который чилийцы считают чилийским, а аргентинцы — аргентинским) аргентинские моряки разрушили маяк, построенный Чили и обслуживаемый ими. Спустя некоторое время явились чилийские матросы, восстановили маяк и снова уехали, после чего как в Сантьяго, так и в Буэнос-Айресе инцидент объявили исчерпанным. Однако через несколько недель транспортное судно аргентинского военного флота высадило на острове Снайп небольшой десант и этим вновь возбудило недобрые чувства по обе стороны Анд. Чилийцы грозили кулаками в сторону Буэнос-Айреса и требовали отзыва своего посла, а так как в это время в республике была в самом разгаре кампания по выборам президента, то создалась благоприятная почва для всяческих эксцессов. Одно время действительно можно было опасаться, что даже *Cristo Redentor** не сможет помешать вооруженному столкновению между двумя странами.

* Статуя Христа на перевале в Андах между Сантьяго и Мендосой, отлитая из бронзы аргентинских и чилийских пушек, когда обе нации поклялись соблюдать вечный мир, считается символом этой клятвы.

Все же война из-за острова Снайп не состоялась. Аргентинский десант со своим сине-бело-синим флагом удалился, предоставив скалистый остров тюленям и бакланам. Остров совершенно необитаем, и чилийские матросы после отъезда своих соперников даже не пытались занять, так сказать, еще теплое место.

Мы сами жили в атмосфере этих *Mésentente cordiale* (сердечных разногласий) и были свидетелями в большинстве своем нелепых или даже комичных вспышек местного национализма. Но с другой стороны, заметили, что соперничество может иметь благоприятные последствия, так как оно стимулирует экономические, технические и другие усилия обоих государств, которые, официально являясь друзьями, в действительности открыто соперничают между собой.

Пунта-Аренас у Магелланова пролива с основанием считается самым южным городом земли и принадлежит чилийцам. Но на берегу канала Бигл на Огненной Земле есть еще одно поселение, Ушуая, примерно с 5000 жителей, и оно принадлежит Аргентине. Поэтому кажется, что Аргентина в этом случае (если не так уж придирается к слову «город») выиграла холодную войну превосходных степеней, так как Ушуая находится на 180 км южнее, чем Пунта-Аренас, и, конечно, называется аргентинцами *la ciudad la más austral del mundo* (самый южный город на свете). Но к несчастью для Буэнос-Айреса, между большим островом Огненной Земли и необитаемым мысом Горн, к югу от Ушуаи, находится еще одна обитаемая (хотя малонаселенная) земля: остров Наварино, и он принадлежит Чили.

Примерно пятнадцать семей колонистов, которых здесь называют побладорес, влачат убогое существование в нескольких пригодных для жилья местах среди девственных лесов и болот, занимаясь разведением овец и рубкой леса. Центр острова — гранитный массив, покрытый только снегом и льдом. Еще недавно все поселение Наварино состояло из нескольких маленьких овцеферм и примитивной лесопилки, расположенной на южном берегу канала Бигл, почти напротив Ушуаи. Лесопилка перерабатывала в брусья срубленные побладорес деревья. Единственным пунктом притяжения для жителей чилийского Наварино был, конечно, «город» Ушуая на другой стороне канала, находящийся на расстоянии нескольких часов хода на веслах или под парусом. Там они находили более или менее необходимые для жизни предметы, а если требовалось, то и помощь. Чтобы наваринцы прекратили наконец делать покупки в

Огненная Земля

аргентинском городе и получать там помощь, чилийское правительство решило создать на самом острове Наварино базу, которая снабжала бы островитян тем, что они до сих пор получали в Ушуае...

Впрочем, еще одна причина сыграла роль при вынесении этого решения: женщины Наварино рожали детей в основном в морском госпитале Ушуаи. А так как по аргентинскому закону место рождения определяет национальность, то здесь от матерей-чилиек рождались дети-аргентинцы! Если в стране протяженностью свыше 4000 км имеется не более шести миллионов жителей, то, естественно, она хотела бы терять как можно меньше своих будущих граждан; а наваринские младенцы были для Чили потеряны!

Поэтому несколько лет тому назад правительство Сантьяго дало своему военно-морскому флоту поручение построить на острове Наварино что-нибудь, что могло бы соперничать с Ушуаей. Так, чилийский военный флот основал на северном берегу острова базу Пуэрто-Вильямс, до сегодняшнего дня остающуюся единственным поселком на Наварино. Около старой лесопилки, которая теперь принадлежит базе, стоят, как в рождественской витрине магазина игрушек, штук двадцать ярко раскрашенных маленьких деревянных домиков, магазинов и мастерских. Сам порт состоит из одного скромного причала, тянущегося от покрытого галечником берега в море, где два-три раза в год транспортное судно флота выгружает все необходимое для жителей Пуэрто-Вильямс. На заднем плане высится покрытый вечным снегом зубчатый массив пика Наварино и Кодрингтонские горы. На середине склонов начинается темный девственный лес, который спускается прямо к деревянным домам базы.

У этого сотрясаемого ветрами леса был отвоеван аэродром: срублены деревья-гиганты, выровнена площадка, утрамбован черный грунт, из которого при каждом ударе лопаты появлялись на свет кости и створки раковин — отходы становищ индейцев, накопившиеся здесь в течение столетий, сооружена маленькая деревянная контрольная башня, похожая на смотровую вышку лесника в Шварцвальде. От этого аэродрома, más austral del mundo (самого южного в мире), менее двух часов лета до Пунта-Аренас, в то время как служебным судам, плывущим в путанице огнеземельских островов и каналов, для этого потребуется четыре дня.

Работают на морской базе в Пуэрто-Вильямс только добровольно, но этой добровольности помогает повышенная оплата и разрешение брать с собой семьи. Время пребывания

ния обычно ограничивается одним годом, но комендант базы, бывший капитан, показывает пример и уже в четвертый раз подает заявление о продлении срока. Морской волк теперь усердно обрабатывает землю, возможно из чувства мести за то, что его самого так долго обрабатывало море. Так и живут здесь около ста человек чилийских матросов, морских офицеров с женами и детьми в маленьких желтых, зеленых, голубых и красных шале. В хижине на краю поселка доживает свой век старая индейка племени яган, как последнее напоминание о временах, когда все эти земли были охотничьим угодьем индейцев, тысячами передвигавшихся между островами в лодках из древесной коры.

Стадо рогатого скота пополняет продовольственные запасы. Часто животные забредают в окрестные леса и болота, так что матросам-гаучо приходится разыскивать их и пригонять обратно. На одной из просек мы видели здание строящейся школы, которое, как нас заверили, сможет вместить свыше ста детей. И настоящая больница однажды обязательно заменит лазарет, пока размещенный в бараке. Маленькая база Пуэрто-Вильямс еще только зародышевая клетка чего-то большого, что постепенно должно перерасти в гражданский город, который по меньшей мере должен быть так же хорошо оборудован, как Ушуая. Это удержит под чилийским флагом всех мужчин и особенно женщин, которые иначе искали бы поддержки у аргентинцев.

Еще неизвестно, осуществляются ли мечты наших друзей в Пуэрто-Вильямсе и планы правительства Сантьяго, вознаграждаются ли в ближайшем будущем их усилия, их упорное и трогательное проявление доброй воли. Без сомнения, желательно, чтобы Пуэрто-Вильямс стал центром притяжения, но для этого надо, чтобы было кого притягивать. Однако кроме сотрудников базы, как уже говорилось, на всем Наварино есть только несколько семей, к тому же живущих на побережье далеко друг от друга, на расстоянии долгих часов хода на веслах или под парусом. Чтобы достичь результата, достойного затраченных усилий, необходимо убедить еще больше людей поселиться на Наварино и окружающих его островах. Но суровый климат, неблагоприятная почва, которая в лучшем случае кормит нескольких овец, и тяжелые условия жизни местных пионеров не очень-то благоприятствуют этому намерению, а этим самым и превращению Пуэрто-Вильямс в *más grande* (самый большой).

Когда под вечер над каменистым берегом Пуэрто-Вильямса кружат громадные чайки и спустившиеся с гор черные

коршуны, можно увидеть своеобразное родео: матросы на лошадях скачут по мелководью, сгоняя стадо рогатого скота. По их усердию и ловкости заметно, что это занятие для них скорее игра, чем неприятная обязанность. Невольно вспоминаешь о другой игре, которая выглядит более воинственно, но в конце концов, возможно, не столь опасна, как эта ежедневная коррида. Эта игра, в которую играют Аргентина и Чили на краю земли. Игра в «горячие руки», как там ее называют, когда двое детей поочередно бьют по положенным на стол одна на другую рукам, в то время как каждый быстро, смотря по обстоятельствам, выдергивает лежащую снизу руку и бьет ею по лежащей сверху руке партнера. Но здесь не маленькие дети, а серьезные, солидные политики играют на зеленых столах канцелярий. Аргентинская Ушуая побила чилийский Пунта-Аренас тем, что поселила на сто морских миль южнее этого города несколько тысяч своих людей. Но теперь маленький Пуэрто-Вильямс, который по воле Чили скоро станет большим, расположен еще на несколько миль южнее, чем побивает Ушуаю, а Чили выиграет всю игру, так как южнее Наварино нет больше никаких маленьких островов, принадлежащих Аргентине.

Спор за остров Снайп — аргентинское разрушение, чилийское восстановление, аргентинская высадка и чилийский протест — был, впрочем, не чем иным, как частью этой игры. Оба соседа спорят не за обладание до смешного маленьким скалистым островком, таким же крошечным, бесполезным и необитаемым, как тысячи других у бурного берега края земли. Если Аргентина простирает свои щупальца на юг через канал Бигл, то потому, что Чили считает себя единственным владельцем всех островов южнее Огненной Земли. Аргентина придерживается того мнения, что признанная граница по каналу Бигл прекращается с островом Наварино, а лежащие к востоку от него острова Пиктон, Леннокс и Нуэва, на которых влачат жалкое существование несколько человек и овец, принадлежат, таким образом, Аргентине. Соответственно Аргентина рассматривает «оккупацию» чилийцами трех островов большего размера и окружающих их меньших и совсем маленьких островков как незаконную, в особенности потому, что из-за этого главный остров Огненная Земля, который делят между собой соседи, в какой-то степени оказывается блокированным с юга. Поэтому Аргентина и пускает время от времени пробные шары в этом направлении; история с островом Снайп была только таким пробным шаром.

Нам, высокомерным европейцам, так много страдавшим и снова вынужденным жить в страхе перед новой войной, все это кажется не очень веским и серьезным. Но разве не примешивается к нашему равнодушию и насмешливому высокомерию доля бессознательной зависти или даже ревности к этим счастливым республикам Нового Света. Ведь время от времени они могут спускать избыточное давление при помощи государственного переворота и беззаботно регулировать свои внутренние раздоры с применением небольшого насилия, что на нашей стороне земли сейчас же привело бы к мировому пожару. Счастливые Аргентина и Чили. Установив статую Кристо Редентор, они сами себе запретили переходить Анды с оружием в руках и нападать на соседа, как бы им этого ни хотелось.

Выиграет ли Пуэрто-Вильямс в этом состязании по продвижению на юг, вспыхнет ли снова или навсегда угаснет малая война за остров Снайп, нашему старому континенту, истощенному вечными войнами и злоупотреблением оружием, остается только завидовать тем молодым государствам, для которых даже холодная война (и какая холодная здесь, на краю земли!) является только игрой в «горячие руки».

* * *

Мыс Горн, так же как и Нордкап на краю Арктики, — остров и является крайней точкой лабиринта островов, которыми заканчивается выступ Южноамериканского континента. Здесь кончается земля. Но человек давно уже отказался от мысли обосноваться на суше, лежащей даже на сто километров севернее этих мест, и уступил мыс Горн с его скверной репутацией и Вулластонские острова морским слонам, качуркам и альбатросам.

Самое южное поселение людей на земле, если не считать научных баз на Антарктическом побережье, находится в бухте Тикиник, на полградуса севернее мыса Горн, расположенного точно на 56° южной широты. Правда, на морских картах бухта обозначена как «Текеника», но индейцы племени ягана произносят это слово «Тикиник», а они наверняка знают это лучше, чем адмиралтейства, так как «Тикиник» — слово языка яганов.

Скалистые острова между Огненной Землей и мысом Горн имеют своеобразную зубчатую форму. Остров Осте — один из самых крупных среди них, и на карте его очертания

напоминают половинку скорлупы высушенного грецкого ореха. Он сильно изрезан множеством фиордов и бухт и поэтому разделен на крупные и малые полуострова, которые в свою очередь разрезаются бухтами. Бухта Тикиник самая глубокая на полуострове Харди. Здесь, в центре бывшей территории яганов, когда-то существовала самая южная на земле миссионерская станция, где несколько мужественных и усердных миссионеров пытались обратить в христианство кочевников моря. Сегодня на ее месте осталось только одно бедное ранчо. На защищенном от ветра берегу стоит единственная покосившаяся деревянная хижина, где обитает самый южный на земле человек, охраняя нескольких лошадей, полудиких быков да сотню овец.

Собственно говоря, нам хотелось попытаться достичь мыса Горн. Но так как мы находились на борту «Микальви», древнего транспортного судна чилийского флота, то пришлось следовать его рейсом. Только «Микальви» осмеливается забираться в эти края, чтобы снабдить маяки и удостовериться в том, что живущие здесь люди действительно еще находятся на этом свете. К югу от Тикиника больше никого не было, и, следовательно, «Микальви» там нечего было делать.

Судно пробилось сюда в ответ на призыв, своеобразный сигнал SOS ранчero и двух пастухов, по горло сытых жизнью в этих местах. Они просили отвезти их вместе со всей живностью в Пунта-Аренас. Хижину и то, что они называли мебелью, оставили в этом забытом богом углу на случай, если другие колонисты согласятся отважиться на попытку обосноваться здесь.

Они собрали за загородку овец, пасшихся в бухте и на мелких островках, согнали лошадей и рогатый скот. Почти целый день продолжалась погрузка стада. Овцам связывали ноги, бросали их в лодки, подвозили к стоящему на якоре «Микальви» и за ноги поднимали на борт лебедкой. Коров и лошадей привязывали лассо к лодкам и заставляли плыть. Правда, при первом соприкосновении с водой лошади начинали так сильно метаться, что даже наши тяжелые морские катера рискованно раскачивались, а мы сами вскоре были не менее мокрыми, чем фыркающие животные, плывущие, как в упряжке Нептуна. Они не прекращали биться и при погрузке, и на борту, так что можно себе представить неразбериху на нашем новом ковчеге. Чтобы ускорить процедуру, коров просто поднимали за рога лебедкой. Часто из какого-то необъяснимого рефлекса этот момент покачивания в воздухе казался им наиболее подходящим, чтобы опорожнить свой

кишечник и тем самым, вероятно, выразить свой протест. Причем в этот момент они еще и отчаянно размахивали хвостами, так что излишне описывать ощущения и вид сидящих в лодках и работающих на палубе матросов!

Во время этой варварской процедуры, к сожалению, было достаточно бархатянья коров, подвешенных только за рога, или короткой остановки лебедки, чтобы сломать животному шею. В результате в последующие дни на борту «Микальви» говядины было больше, чем за все прошедшие недели, — приятное разнообразие в меню и льготный срок для нескольких овец.

Ранчero сеньор Флорес, худощавый, невысокого роста, будто согнутый ветром человек, пренебрегший титулом самого южного обитателя земли, отказавшийся от своего ранчо и, без сомнения, утративший часть своих надежд и иллюзий, по происхождению оказался кубинцем. Но эта солнечная национальность и вообще его цветистое имя не подошли к холодно-сырому одиночеству в бухте Тикиник. Пока сеньор Флорес с мостика управлял погрузкой своего стада, мы спросили его, что, собственно говоря, обозначает слово «Тикиник». Оказалось, он этого не знал, хотя все же очень хорошо разбирался в делах южного архипелага. Кроме того, он, наверное, был слишком занят своими животными, чтобы посвящать себя этимологическим изысканиям.

Несколько дней спустя нам представилась возможность поговорить со старой индеанкой племени ягана, единственной представительницей своей расы, живущей в Пуэрто-Вильямс. Старушка сидела возле своей хижины на солнце, столь редко появляющемся здесь. Сначала она отвечала на ломаном испанском, потом совершенно неожиданно на таком же английском. Началось с того, что на наши приготовления ее сфотографировать она реагировала словами «no, only if you give!» (нет, если только дадите). Денежный знак в 5 песо, как дань ее исключительности, был милостиво принят. Когда мы выразили удивление по поводу ее знакомства с английским языком, на котором редко говорят на Огненной Земле, и спросили, где она его изучала, то услышали, что маленьким ребенком ей пришлось жить на английской миссионерской станции, где их учили пению английских псалмов. Это было в бухте, далеко отсюда, на юге... «Может, это было в Тикинике?» — спросили мы. «Тикиник, да, Тикиник», — беззубый рот растянулся в улыбке, вызвав на лице множество морщинок, в которых весело моргали тяжелые веки. И вдруг она запела старые церковные псалмы и песни, в которых

были так перемешаны испанские, английские и слова на языке яганов, что уже никто ничего не мог понять.

Это представление она прекратила так же неожиданно, как и начала, и морщинистой рукой убрала с лица несколько седых прядей. Казалось, этим была отдана дань прошлому. Теперь, может быть, мы наконец узнаем, что означает слово «Тикиник». Мы спросили ее об этом; но, видимо, как и сеньор Флорес, она не знала, а точнее, ответила: «Тикиник». От старой индеанки на острове Наварино мы узнали, что эти три щебечущих слога на языке яган означают «я (этого) не знаю» или «я (этого) не понимаю». Теперь мы знали, что это было единственным ответом «дикарей» на все вопросы белых, впервые высадившихся на этих хмурых берегах и пытавшихся заговорить с яганами. Индейцы не понимали белых и говорили им об этом на своем языке. А так как при встрече первые вопросы обычно касались названия местности или самих людей, белые думали, что видят перед собой индейцев племени Тикиник или что находятся в бухте Тикиник!

Это индейское слово является теперь названием самого последнего поселения белых на краю земли! И если меня спросят, почему люди настойчиво пытаются жить в полном одиночестве на этих широтах, на этой земле, под этими шторами мыса Горн — короче, в этом нечеловеческом окружении, то я могу дать только один ответ:

«Тикиник — я не знаю, Тикиник — я не понимаю!»

Как мы рекомендовали в кратком введении к этой длительной поездке, путешествующий на край земли как можно больше иллюзий должен оставить дома. Здесь он не встретится с тем культурным наследством, которое на севере континента было оставлено индейцами или конкистадорами и считается прекраснейшим и интереснейшим на земле. Но если он едет на край земли, чтобы найти фантастически дикую и примитивную красоту, какой нет ни в каком другом районе земли, если он может отказаться не только от роскоши, но и от удобств и часто даже от того, что в Европе принято называть «самым необходимым», тогда он не будет разочарован. Он сможет вдоволь, до слез насладиться красотами природы от Рио-Негро до мыса Горн и от Атлантики до Тихого океана.

Но когда он снова вернется домой, на другую сторону земного шара, тогда самыми прекрасными и глубокими воспоминаниями о крае земли будут, я уверен, не воспоминания о местных ландшафтах, а о редких там людях.

Все кажется чудовищным при встрече с Патагонией и Огненной Землей: необъятность и сухость пампы, враждебность никогда не прекращающихся ветров и самый продолжительный в мире дождь Западного побережья. Чудовищной и чрезмерной кажется стена Анд, а по другую сторону их — лабиринт архипелага с названиями, говорящими об отчаянии.

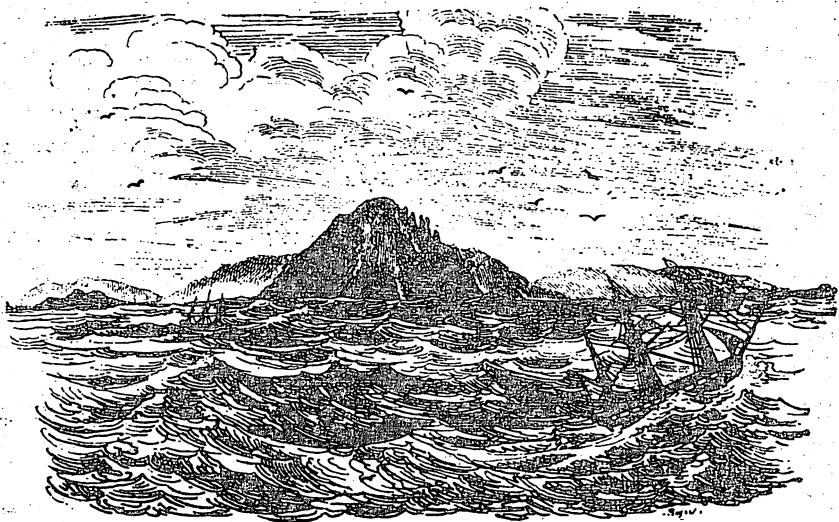
Нечеловеческие условия жизни налагают море и суша в месте своей последней встречи на тех, кто там родился, кого занесла туда судьба или собственное желание: пастухов в пустынях пампы, скачущих галопом по летней пыли или едущих шагом по зимней грязи и снегу; колонистов на уединенных примитивных лесопилках по краю девственного леса и на убогих фермах у далеких фиордов; моряков, обслуживающих при любом ветре и во всякую погоду маяки на краю земли; охотников за пушниной — индейцев, или кри-

стианос, — блуждающих за нищенскую плату в дождливом сумраке каналов...

Именно из-за этих невероятно тяжелых условий, из-за контраста между варварской силой и величием природы и крохотным человеком, пытающимся к ней приспособиться, присутствие его здесь приобретает такое впечатляющее патетическое значение.

Что из того, если от лесоруба в жесткой от грязи рубашке пахнет потом, если пастух, еще вчера зубами кастрировавший ягнят, лучше переносит алкоголь, чем сопротивляется его соблазну? Если матрос, миновав мыс Фровард, заменяет форму чилийского морского флота на старую кожаную фуражку, в которой выглядит так, что с ним не хотелось бы встретиться ночью? Если индейский рыбак сегодня покинет свою жену, которую завтра заберет к себе в лодку христианос, охотник за тюленями и, быть может, даже женится на ней? Люди, их так мало среди этих гигантских декораций, они так слабы и так быстро исчезают в этой суровой неподвижности, что удивляешься каждому в отдельности и интересешься им, как бы он ни выглядел и что бы ни делал. Кроме индейцев, мертвых еще до ухода из жизни, люди ничем не связаны с землей страны, где они разбросаны на протяжении 2000 км, ничем, кроме упорного желания жить именно здесь. У этого смешения испанских и индейских, балканских и германских народностей нет ни истории, ни прошлого, но зато есть мужество и реализм пионеров. Они оказывают гостеприимство прохожему, которое является «законом пустыни». Но здесь оно носит отпечаток непосредственной, немного грубоватой сердечности тех, кто его предлагает: лесорубов или пастухов под кровлей их хижин, матросов на старом, тесном судне, уверяющих, что гости их не обременяют, хотя у самих так мало места и так много работы; или ранчеро, втиснувшегося со всей семьей в две комнатухи, который просто скажет: «Оставьте на сколько вам захочется».

За свою помощь они не ждут никакой благодарности, каких бы жертв и усилий им это ни стоило. Если ее все же выказывают, они чувствуют себя растроганными и несколько удивленными. Покинув их, в большинстве случаев оказываешься забытым этими людьми, жизнь которых заполнена суровой борьбой за существование. Но никто из них не оставит без куска хлеба прохожего — друга или чужого, — никто не только не откажет в убежище, но и не станет из-за него торговаться.

Мыс Горн по рисунку Дюмон Дюрвиля

Суровая жизнь в уединении, на этой суровой земле среди враждебной природы, сделала и самого человека суровым. Он думает только об основных человеческих потребностях. Он уже не прислушивается к полному отчаяния голосу ветра, так как слишком привык к его жалобам, чтобы вообще их замечать, не слышит бляения овец, которых он отдает в жертву своему голоду. Но он всегда внимателен к одному голосу: голосу своего сердца, повелевающему при всех условиях помогать себе подобным.

Мы считаем его варваром и дикарем, но он только простой человек, близкий к матери-природе, который в поте лица ест свой хлеб; человек, который еще не прикрылся броней удобств нашей цивилизации, породившей одновременно ревность, эгоизм и зависть.

Но возможно, что только там, где кончается земля, человек наконец свободно показывает свое истинное лицо...

Краткий словарь специальных слов и выражений

- Аконкагуа** — самая высокая гора Америки (около 7000 м) в аргентинских Андах; одновременно название чилийской провинции (главный город Сан-Фелипе), расположенной к западу от вершины и севернее Сантьяго.
- Alakaluf** (алакалуф) — индейцы юго-западного побережья Чили. Район их расселения раньше простирался от залива де Пеньяс до Магелланова пролива, а в настоящее время они сохранились почти исключительно в Пуэрто-Эдем на острове Веллингтон. Как уже указывалось, название их имеет различную транскрипцию: Alacloof — алакалофф, alikhoulip — аликгоулип, Walakulip — валакулип, halukwalup — алукувалуп и т. д. Фидрой называет их *pescheväh* (пешерэ) — название, данное Бугенвиллем индейцам Магелланова пролива по их частым восклицаниям «пешерэ» — и делит их (по направлению от севера к югу) на три группы: собственно пешерэ, *huemul* (гуэмуль) и *tschono* (чоно, хоно); однако в настоящее время они известны только под собирательным именем алакалуф.
- Antofagasta** (антофагаста) — одна из северных провинций Чили и ее главный город.
- Araucanos** (арауканос) — арауканы — индейцы, которые раньше жили на восточной стороне Анд от Рио-де-ла-Платы до Рио-Негро, а на западной стороне от Кокимбо до архипелага Чонос.
- Armada Nacional de Chile** (Армада насьональ де Чили) — чилийский военный флот.
- Баия-Бланка** — залив Атлантического океана и расположенный возле него аргентинский город, примерно на середине пути между Буэнос-Айресом и Комодоро-Ривадавия.
- Bienvenido** (бьенвенидо) — Добро пожаловать!
- Bolas** (бола) — шары из камня или металла, укрепленные на конце лассо; охотничье оружие патагонских индейцев.
- Bombero** (бомbero) — пожарник, от *bomba* — насос; на южноамериканском диалекте — пожарная команда.
- Buenos tardes** (буэнос тардес) — отвечает приветствию «Добрый вечер!», применяется от обеда до конца дня; до этого — «*Buenos días!*» (буэнос диас) — добрый день.
- Calafate** (калафате) — колючий серо-зеленый кустарник в засушливых областях Патагонии и Огненной Земли.
- Calle** (кале) — дорога; название применяется также для широких проходов между двумя огороженными выгонами для овец.
- Camro** (кампо) — поле, пашня, земля; здесь: сельская местность в противоположность городу.
- Canales** (каналес) — каналы — естественные водные пути в островных районах вдоль южночилийского берега; не имеют ничего общего с каналами, созданными руками человека.
- Cano Indianos** (кану-индеанос) — прибрежные индейцы, живущие в основном в челноках, на воде.

- Kapataz** (капатац) — надсмотрщик, бригадир, десятник и т. д. На эстансии второй человек после хозяина, замещающий его.
- Carancho** (каранчо) — хищная птица величиной с канюка, обитает в южной части Южной Америки, предпочитает овечье мясо, но поедает и падаль.
- Carnicero** (карничеро) — мясник, здесь: рабочий скотобоев или мясохладобоев.
- Cipres** (сипрес) — речь идет не о настоящих кипарисах северной Африки или Передней Азии, а о чешуйчатых кедрах (*Libocedrus*), которые относятся к тому же семейству, в Патагонии и на Огненной Земле называемых cipres.
- Cholgas, Choros** (чолгас и чорос) — разновидности больших ракушек на чилийском побережье.
- Ciudad** (сиудад) — город.
- Coelacanthus** (цэлакантус) — рыба с толстыми плавниками, длиной около 1,5 м, принадлежит к классу (*Crossopterygii*) ластоногих. Рыб этого вида относят к девонскому периоду (350 миллионов лет тому назад), когда они, по-видимому, начали развиваться как наземные позвоночные животные. Поэтому, когда в 1938, а затем в 1952 и в последующие годы многие экземпляры этих рыб были пойманы живыми вблизи Коморских островов, это было настоящей сенсацией.
- Conquistadores** (конкистадорес) — завоеватели. Испанцы, которые в начале XVI века захватили и колонизировали Центральную и Южную Америку.
- Coquimbo** (кокимбо) — чилийская провинция в северной части страны с главным городом Ла-Серена.
- Corri Dale** (корридейл) — новозеландская порода овец, выведенная на основе пород линкольн, лейчестер и меринос.
- Cristiano** (кристиано) — христианин, христианский; в южной части Южной Америки применяется в смысле «белый» (в противоположность индейцам).
- Cristo Redentor** (Кристо Редентор) — Христос — Спаситель. Статуя Христа на дороге в Андах между Сантьяго (Чили) и Мендоса (Аргентина), отлитая из пушек обоих государств, символизирует вечный мир между ними.
- Cuadrilla** (куадрилья) — воинская часть, люди, товарищество. Обозначение для смешанной индейско-белой (большей частью чилотской) команды лодки для ловли тюленей и т. п.
- Departamento** (департаменто) — отдел, отделение, департамент, округ, провинция.
- Edentata** (эдентата) — неполнозубые. Отряд млекопитающих, которые произошли от первичных насекомоядных в начале палеоцена (за 70 миллионов лет), единственные представители которых сохранились только в Южной Америке. Особенностью этого вида является окостенение кожи, что приводит к образованию панциря. Челюсть вырождается, резцы отсутствуют. Современными представителями этого вида являются ленивцы, броненосцы, муравьеды и т. д.
- «**El Petroleo Chilena para el Pueblo Chileno**» (Эль петролео чилено пара эль пуэбло чилено) — «Чилийская нефть для чилийского народа!» Лозунг, направленный против иностранной (в особенности со стороны США) эксплуатации чилийских нефтяных месторождений.
- ENAP** (ЭНАП) — *Empresa Nacional de Petroleo* (Эмпреса Насиональ де Петролео) — государственная нефтяная компания Чили.
- Entrevientos** (Энтревиентос) — «Между ветрами» — очень подходящее название одной эстансии вблизи северной части внутреннего моря Огуэй.
- Esquilero** (*Esquilador*, эскилеро) — стригаль овец.
- Estancia** (эстансия) — животноводческая ферма — здесь: естественно, овцеводческая — на юге Чили и Аргентины; дальше к северу чаще применяется название *Hacienda* (асиенда) также *Finca* или *Fundo* (и относится там в основном к землевладельческим фермам).
- Estanciero** (эстансиеро) — фермер, овцевод.

Falkland — Фолклендские острова (Мальвины). Группа островов, расположенных 500 км восточнее входа в Магелланов пролив (два основных и много малых островов) с населением около 2500 человек и хорошо развитым овцеводством. Хотя и принадлежат Великобритании, но именуются Аргентиной Ислас Мальвинас и рассматриваются как аргентинские владения.

Faro (фаро) — маяк; farero — смотритель маяка.

Frigorifico (фригорифико) — мясохладобойня.

Фуэрте Бульнес — форт Бульнес, примерно в 50 км южнее Пунта-Аренас. На нем кончается самая южная дорога на континенте.

Galpon (галпон) — большой барак, здесь: специальный сарай для стрижки овец.

Gaicho (гаучо) — пастухи в Южной Америке.

Glossotherium (глоссотериум) — вымерший вид южноамериканского гигантского ленивца, к которому, вероятно, относится и милодон. Череп глоссотериума (от латинского «glosse» и «therium») из-за своеобразных ноздрей несколько напоминает череп черепахи.

Gringo (гринго) — пренебрежительная кличка в Южной Америке для иностранцев, говорящих не на испанском языке, особенно для англосаксов.

Hasta Luego (аста луэго) — «До скорого, пока» — принято в некоторых районах Чили вместо «До свидания, прощайте» (Hasta la vista, adios), хотя часто известно, что это «скорое» свидание никогда не состоится.

Hausch (Haus, Haush, Aush, ауш) — индейское племя в восточной части Огненной Земли, довольно похожее на она (яганы называют их также Etalum Она — восточные она); Томас Бриджес считает, что как она, так и ауш пришли на Огненную Землю из Патагонии, причем она, пришедшие позже, вытеснили племя ауш в самую конечную часть острова. Патер А. М. де Агостини пишет про племя ауш («10 лет на Огненной Земле», стр. 271): «В настоящее время это племя уменьшилось до трех-четырёх человек, которые живут разбросанно между северных она». Но так как и само племя она за это время, как указывалось, вымерло, такая же судьба постигла и ауш. Название племени, по С. Фурлонгу, возникло из языка яганов (овуш), что означает «морские водоросли», сами они называют себя, однако (по Бриджесу), Manekenk — вода».

Huascaran (Уаскаран) — самая высокая гора в Перу (6768 м) и третья по высоте в Америке.

Indios (индиос) — индейцы; Indios a pie — пешие индейцы; Indios Pampa — индейцы пампы.

Isla Grande (Исла Гранде) — большой основной остров Огненной Земли, треугольной формы.

Jagan (Jahan, Nahán, яган) — индейское племя, ранее обитавшее на островах к югу от Магелланова пролива и на Огненной Земле, то есть было самым южным племенем на свете. Название было предложено Томасом Бриджесом как сокращенное название жителей, обитавших в центре области яганов, — Murray Narrows (живые обитатели), Jahgashagelumaoala (люди с горной долины); сами они называют себя Jamana (ямана) — люди.

Karakul (каракуль) — порода овец с темной шерстью, происходит из Центральной Азии.

Laguna Blanca (Лагуна Бланка) — озеро с солоноватой водой на расстоянии 80 км (по прямой) к северо-северу-западу от Пунта-Аренас; одновременно название эстансии, расположенной к северу от этого озера.

Lincoln (линкольн) — английская порода овец, отличающаяся толстым пучком шерсти на лбу.

Lobero (лоберо) — охотник на тюленей; от Lobo — волк; с добавлением

- Marino или de Mar — тюлень, морской лев, морской котик, тюлени всех видов.
- Magellan (Магеллан) — когда возникла необходимость дать в этой книге название его имени, мы склонились в пользу латинизированной и давно принятой международной формы Magellan аналогично Columbus, которого мы также не называем Christoforo Colombo или «Christobal Colon». В отдельных случаях, например для обозначения самых южных чилийских провинций, сохранено официальное испанское название: Магальянес.
- Mapuche, Maputsche (мапуче) — индейское племя в южных Андах.
- Maria de los Angeles (Мария де лос Анхелес) — не испанская святая, а простое имя, правда, несколько непрактичное для обращения.
- Mas Austral del Mundo (Мас Аустраль дель Мундо) — самое южное... на земле — превосходная степень, широко применяемая в Патагонии и на Огненной Земле.
- Mas Grande (мас гранде) — большой — тоже часто употребляемая форма, Mata Negra (мата негра) в переводе «черная трава». Вид кустарника серебристой серо-зеленой окраски, высотой до 1 м, широко распространенного в Патагонии (оказывается, не «черная» и не «трава»).
- Mate (мате) — чай из растертых листьев кустарника, очень горький, но полезный. Его пьют по всей Южной Америке от Бразилии до Огненной Земли в огромных количествах (обычно без сахара или молока).
- Merino (мерино) — порода овец, выведенная в Испании. В настоящее время распространена в Южной Америке и Австралии. Мериносовых овец разводят не столько из-за мяса, сколько из-за шерсти. Характерным признаком мериносов являются толстые складки на шее.
- Nutria (нутрия) — выдра, грызун семейства бобров. Нутриеро — охотник на выдру.
- Окапи (окапи) — на языке пигмеев «о—а—о». Крупное млекопитающее. Впервые обнаружено в 1901 г. в экваториальной лесной области Африки.
- Опа (она) — индейское племя, которое когда-то обитало на большом острове Огненной Земли. Слово «она» (Зегерс пишет «она») на языке племени ягана означает «северный ветер» и применялось ими для обозначения племени она. Томас Бриджес сохранил это название и ввел его в литературу, сами они называют себя Selknam (Shelknam, Shilnum, Shelk'enan) — люди. Ранние путешественники называли их также Japana—Kunpu.
- Пампа (пампа) — на языке кечуа — равнина. Гладкая, сухая земля, лишенная деревьев.
- Panda (панда) — небольшой гималайский медведь, похожий на куницу или кошку. Панды—великаны (Allogoroda) примерно такой же величины, как бурый медведь, недавно обнаружены там же.
- Patagones (патагонес) — индейское племя пампы южной части Южной Америки, которая по нему получила название Патагонии. Несомненно, что название исходит от Магеллана и означает «большеногие». Однако приводятся и другие более или менее фантастические объяснения, будто бы оно на языке этих индейцев состоит из слогов Pa — «приходить» и Thagon — «опустошать» и означает, таким образом, людей, которые пришли из опустошенных земель; или что оно состоит из слов Pata — «семь» и Gones — «локоть» и означает семилоктевых людей и т. д. По Оливеру Ноорту (в Historie des navigations aux terres australes — «История мореплавания в южных землях», написанной в середине XVIII века Шарлем де Броссом), это племя называлось огнеземельцами Titemenen, а по Фрезе фон Хоносу, — Саусаһуес, Бугенвилль называл их Чаона; так как он часто слышал от них это слово, а арауканы их называли Tehuelches или Huiliches, что в обоих случаях означает «люди юга». По рассказам путе-

- пешественников XIX века, патагонцы делились на техуэльче на севере и инаков на юге.
- Реон (пеон) — необученный рабочий, поденщик, рабочий на постройке железной дороги.
- Peso (песо) — введенная Карлом V в Испании серебряная монета, соответствующая талеру. В настоящее время является денежной единицей многих иберо-американских государств (Аргентина, Колумбия, Куба, Мексика, Уругвай) и Филиппинских островов.
- Pisco (писко) — довольно крепкая бесцветная водка, раньше изготовлялась только в Писко (Перу); сегодня широко распространена на всем западном побережье Южной Америки.
- Poblacion (побласон) — поселение колонистов; поселенец.
- Poncho (пончо) — квадратная накидка с разрезом для головы. Пончо встречается в различных видах по всей Южной и Центральной Америке, юго-восточной Азии и Океании, но происходит, наверное, из Чили, где их носят больше всего.
- Puerto Consuelo (Пуэрто-Консуело) — гавань утешения, название эстансии Эбергарад у фиорда Ульгима Эсперанса.
- Puerto Hambre (Пуэрто-Амбре) — Голодная гавань. Первое испанское поселение у Магелланова пролива, было основано в 1582 г. под названием Ciudad del rey Filipe — город короля Филиппа. Все жители его, за исключением одного, умерли от голода. Английский пират Кавендиш, проходя в 1587 г. через Магелланов пролив, захватил с собой этого единственного оставшегося в живых поселенца и назвал это место Голодной гаванью.
- Rambouillet (рамбулье) — по местности в департаменте Сена и Уаза во Франции. Французская порода мериносовых овец, выращивается для получения шерсти и мяса.
- Rancho (ранчо) — хижина колониста, небольшая животноводческая ферма; Ranchero — колонист, поселенец, владелец хижины, фермер, занимающийся скотоводством.
- Rio (рио) — река: Рио-Гальегос — галицийская река; Рио-Негро — черная река; Рио-Паскуа — река Пасхи; Рио-Турбио — мутная река; Рио-Верде — зеленая река.
- Roble (лат. robur.) — собственно дуб, однако в Южной Америке это название относят ко всем деревьям семейства Nothofagus (буковые), в особенности по отношению чилийских Nothofagus obliqua и Nothofagus dombeyi.
- Rodeo (родео) — от rodear: окружать, вертеться. Загонка крупного скота любого вида, представление в кругу, особенно выездка лошадей или попытки езды верхом на диких быках, и т. д.
- Romney (ромней) — английская порода овец из Кента, особенно пригодна для холодных районов.
- Sarmiento (Сармьенто) — Монте Сармьенто — самая высокая гора на Огненной Земле, 2404 м, покрыта льдом.
- Tararasa (Тарапака) — самая северная, то есть самая теплая, провинция Чили, граничащая с Перу; главный город — Икике.
- Tehuelce [Tehueltsche] — индейцы на восточном склоне южных Анд и в аргентинской пампе (см. также патагонцы); путешественники прошлого столетия называли их также Tehuelhets. Сами они называли себя Tsóneka — люди.
- Toldo (тольдо) — почти полусферическая хижина из прочных изогнутых веток, воткнутых в землю; раньше покрывалась только тюленьими шкурами, но теперь всякими одеялами, плащами и т. д.
- Tres Brazos (трес брасос) — нефтепромыслы вблизи Магелланова пролива, примерно в 10 км южнее Пунта-Аренас.

Tres Puentes — три моста — небольшое местечко у Магелланова пролива, примерно в 10 км севернее Пунта-Аренас, в какой-то степени относящееся к этому городу; здесь находятся большие мясохладобойни.

Triles (трилес) — вид чаек на чилийском берегу Тихого океана.

Jak [Jak] (як) — бык с длинной плотной шерстью; разводится на Тибете и соседних горных местностях в качестве домашнего животного.

UPF — государственная нефтяная компания.

Уисса [Yukka] (юкка) — слово индейского происхождения. Растение семейства пальмоволилейных в центральной и северной частях Южной Америки. Называется также адамовой иглой, штыковым деревом или кинжалным деревом.

Путешественники давно обратили внимание на то, что страны подобно людям различаются неповторимой индивидуальностью. Лица людей, как и лица стран, различны. Различны и книги о странах. Есть книги солнечные, проникнутые дружелюбным юмором, повествующие о ярких тропических странах, а есть книги с грустью, но не менее красочные и познавательные, хотя знакомят нас с холодными, туманными и дождливыми краями, где люди даже не пытаются думать ни о чем другом, как только просто выжить, поддержать свое существование. Такова книга Ж. Делаборда и Х. Лоофса «На краю земли», в которой авторы очень удачно заметили, что самые прекрасные и глубокие воспоминания об этом крае земли — Огненной Земле — это не воспоминания о дикой красоте островов и гор, а о редких там людях. Огнеземельцы разделили трагическую судьбу некоторых коренных народов — тасманийцев, австралийцев-аборигенов, бушменов Калахари и других народов, особенно пострадавших от столкновения с буржуазной цивилизацией. Предки этих народов в далеком прошлом проникли в отдаленнейшие места земного шара, затратив много сил и изобретательности в использовании скудных местных ресурсов, сумели выжить с каменными орудиями труда и хозяйством эпохи неолита, но стали жертвой капиталистической колонизации.

Еще до открытия европейцами равнин континентальной Патагонии там обитали пешие бродячие охотники техуэльче. Они охотились с луком и стрелами на гуанако, диких родичей ламы. Шкура гуанако служила основной одеждой, а перья нанду — украшением. Жилище состояло из заслонов из шкур, которые устанавливали в направлении главных ветров. С середины XVIII в. патагонцы начали приучать одичавших и размножившихся в пампе лошадей и стали ловкими наездниками, используя в коллективной охоте за быстрыми гуанако вместо лука и стрел метательное оружие бола — связку из двух или трех круглых камней, зашитых в кожаные мешочки и привязанных к концам длинного ремня или веревки. Эти шары молниеносно обвиваются вокруг ног животного, спутывают его и опрокидывают на землю.

Патагонцы жили и кочевали объединенными кровным родством группами по 30—40 брачных пар с их потомством. Они искусно выделывали из кожи одежду: меховые плащи и даже сапоги. Последние изготавливались своеобразным способом. Сырую кожу, содранную целиком с ноги лошади или гуанако, индеец натягивал на ногу до колена и давал ей обсохнуть на ноге. В сырую или снежную погоду поверх сапог натягивались кожаные башмаки, громадные следы которых и дали испанцам основание для прозвища индейцев пампы патагонцами, т. е. «большеногими».

Европейские колонизаторы, владельцы скотоводческих хозяйств юга Аргентины, с 1870—1880 гг. начали кровавую борьбу за земли пампы и организовали бесчеловечное истребление коренного населения. Так Патагония осталась без патагонцев.

На Огненной Земле в этот период обитали три группы индейцев: она, алакалуф и яган, или ямана. Если она были сухопутными охотниками на гуанако, то два других племени принадлежали к древнему своеобразному хозяйственно-культурному типу береговых и морских охотников и собирателей. Они занимались рыбной ловлей, сбором моллюсков и отчасти охотой на птиц при помощи лука и стрел. В конце XIX в. она насчитывалось около 2 тыс. человек, но в результате активной «деятельности» сначала золотоискателей, а позднее овцеводов численность она к 1910 г. сократилась до 100 человек, а сегодня их остались единицы.

Алакалуф обитали на островах западной части Огненной Земли. Их южными соседями были индейцы яганы, которые сохраняли наиболее примитивный образ жизни. Алакалуф большую часть года проводили в лодках. Их было прежде так много в этой стране островов и фиордов, что под впечатлением бесчисленных огней костров, постоянно плававших на берегах и в лодках индейцев, первооткрыватели назвали страну Огненной Землей. Как грустно замечают авторы, теперь все, что осталось от прибрежных индейцев (кану-индеанс),— это около шестидесяти человек алакалуф и двадцати—тридцати яганов.

В далеком прошлом свои орудия индейцы делали из кости, кремня и раковин, охотились на тюленей с помощью костяного гарпуна с длинным ремнем. Лодки изготавливались из коры. Их жилищем на суше был шалаш из шкур гуанако или тюленей. Одеждой служили накинутые на плечи шкуры животных. В жилище постоянно поддерживался огонь. Они тысячелетиями вели борьбу с суровой природой. Однако вы-

жили. Но современная жизнь их ужасна. Скупыми, но очень меткими штрихами авторы рисуют картину их жизни.

О прошлом этих народов еще очень мало известно ученым. Вероятно, несколько тысяч лет тому назад предки огнеземельцев были оттеснены с Американского континента более сильными охотничьими племенами на острова архипелага Огненной Земли, где в условиях изоляции сохранили почти до наших дней культуру береговых рыболовов и собирателей.

Новейшие археологические исследования в Перу Маргарет Тоул и Фредерика Энгеля показали на археологическом материале историческую смену основных типов хозяйства, или, как говорят этнографы, «хозяйственно-культурных» типов. Земледелию здесь предшествовала культура береговых рыболовов и собирателей в IV—III тысячелетиях до нашей эры. Материальная культура собирателей тогда характеризовалась примитивными каменными орудиями, плетеными корзинами, сетями и деревянными изделиями. Они собирали различные дикорастущие съедобные растения, промышляя также охотой на птиц и сбором яиц. Важную роль в их питании играли, как и у огнеземельцев, моллюски. Подобный археологический прототип засвидетельствован археологами на Европейском Севере в памятниках культуры Маглемозе (6800—5000 гг. до н. э.), а также в каспийской культуре Средиземноморского побережья, где встречаются обширные кучи кухонных остатков из раковин моллюсков, перемешанных с золой и древесным углем. Если для культуры Маглемозе характерно преобладание рыболовческого хозяйства над охотничьим, то в каспийской культуре преобладал сбор морских моллюсков. Как этот древний образ жизни напоминает хозяйство описываемых авторами индейцев Огненной Земли!

Подобный хозяйственно-культурный тип был зафиксирован археологами и этнографами и на самом крупном острове мира — Гренландии, где племена полярных охотников на мускусных быков появились, вероятно, еще во II—I тысячелетиях до нашей эры. В первой половине I тысячелетия здесь жили охотники на морского зверя, о чем свидетельствуют остатки поселений и находки костяных гарпунов. Свои жилища, крытые шкурами, они, как и огнеземельцы, обогревали кострами, на них же готовили пищу. В Арктике в специфических условиях побережий, богатых морским зверем и рыбой, этот тип охотников на морского зверя и собирателей получил дальнейшее развитие. В наиболее благоприятных условиях обилие основных объектов охоты —

различных морских животных — обеспечивало длительное пребывание на одном месте, что привело к развитию жилища: ветровые заслоны и бесформенные шатры из шкур превратились в разборные конические шалаши (чумы в Сибири), полуземлянки, землянки или даже снежные хижины (у эскимосов). Отсутствие дерева в безлесных пространствах Арктического побережья привело к возникновению своеобразного типа отопления и освещения — жировой лампы. Характерна также для арктических охотников глухая меховая одежда и целый ряд других специфических черт материальной культуры.

Особенно высокого уровня развития хозяйственно-культурный тип морских охотников и рыболовов достиг у оседлых рыболовов-индейцев Северной Америки на основе лова тихоокеанских лососей. У тлинкитов и хайда возникли прочная оседлость, постоянные крупные деревянные жилища, богатые традиции изобразительного народного искусства и даже зачатки имущественного социального неравенства.

Наиболее близки к огнеземельцам в северном полушарии по уровню своего развития алеуты, которых сохранилось в США около 5 тысяч человек. Их основное занятие в недавнем прошлом — гарпунная охота на тюленей и моржей в кожаных лодках, байдарах. Жилище алеутов — полуземлянка; одеждой служила глухая рубашка из птичьих перьев или шкур морского бобра, а также специальный плащ из тюленьих кишок в дождливую погоду и деревянный головной убор с длинным козырьком. В настоящее время американские алеуты жестоко эксплуатируются торговыми компаниями, скупающими у них продукцию зверобойного промысла в обмен на промышленные изделия.

Каким резительным контрастом для современных огнеземельцев и алеутов США может служить судьба народов Крайнего Севера Советского Союза. Так, в СССР алеуты в количестве 400 человек организованы в специальный звероводческий совхоз, где работает все взрослое население. Здесь, на Командорских островах, имеются школа-интернат, больница, поселок с благоустроенными жилищами. Не меньшую заботу проявляет Советское правительство и о многих других народах севера — эскимосах, чукчах, коряках, — которые еще несколько десятилетий назад были на грани вымирания.

Как не похожа их судьба на страшное полуголодное прозябание алакалуф в Земном рае — Пуэрто-Эдем в Чили, где «кочевники моря», как их окрестил Ж. Амперер, живут

хуже, чем нищие. И можно понять полную безнадежной горечи фразу авторов о том, что «на Земле удавалось сохранить от верной гибели отдельные виды животных и редких растений, но, по-видимому, человек не способен сделать что-либо для представителей себе подобных. Ничто и никто не сможет спасти от вымирания морских кочевников на краю земли».

Однако на другом краю земли практика новых социалистических взаимоотношений людей и народов, в частности бережное сохранение древних и своеобразных культур северных охотников и рыболовов в СССР, дает нам полное основание усомниться в этом безапелляционном выводе авторов. Современная буржуазная мораль и буржуазная цивилизация действительно не в состоянии спасти коренные народы далеких глухих окраин земли. Националистические и расовые предрассудки в капиталистическом обществе препятствуют равноправному развитию народов. В СССР, напротив, общие интересы созидания нового общества объединяют все народы в дружную семью, способствуют возрождению и успешному прогрессу прежде отсталых народов. Так, историческая практика развития недавно отсталых народов свидетельствует о том, что основная причина все еще сохраняющейся в отдельных глухих уголках земного шара отсталости некоторых групп населения кроется не в суровости природных условий, а в характере современных социально-экономических условий, в сохранении колониального угнетения, в отсутствии демократических свобод и наличии значительных патриархально-родовых и феодальных пережитков. Улучшение жизни народов — недавних морских или сухопутных кочевников — зависит прежде всего от изменения социальных условий и экономики.

В книге Ж. Делаборда и Х. Лоофса красочные жанровые картины жизни огнеземельцев удачно сочетаются с прекрасными описаниями природы туманных островов, хаоса скал и грандиозной каменной стены Анд, вдоль которой дуют беспрерывные ветры. Авторы уделили в книге достаточное место и главным богатствам края — овцам и нефти. Овцы «съели» индейцев, и пространства Патагонии и Огненной Земли постепенно заняли аргентинцы и чилийцы — народы испанской культуры и языка. В течение столетия из Европы сюда переселялись самые различные народы: югославы, британцы, шотландцы, немцы, французы. Основное население края — аргентинцы и чилийцы испанского происхождения с примесью индейской крови — занято в прериях на

овцеводческих эстансиях, лесосеках и лесопильнях, на нефтяных промыслах пустыни и т. п. Особенно колоритен образ чилотов — жителей острова Чилоэ, обутых в короткие сапоги, в широких шароварах, перевязанных пестроткаными широкими поясами и беретах, будто бы сошедших с иллюстраций книг Жюль Верна. Остров Чилоэ знаменит также тем, что именно с этого острова был впервые в Европу вывезен картофель.

По мнению авторов, в крови чилотов заложен необъяснимый инстинкт бродяжничества. Мужчины работают пастухами и стригальями в Патагонии, лесорубами и охотниками за тюленями; как и мужчины, многие чилотские девушки уезжают на заработки в Патагонию и на Огненную Землю. Чилоты усвоили образ жизни морских кочевников алакалуф и занимаются морским промыслом на тюленей. Они живут тяжелой трудовой жизнью.

Весьма интересные страницы книги, посвященные загадочному милодону. Открытие «драконов» в Индонезии, окапи в Центральной Африке и некоторых других животных заставляет предполагать, что милодон мог существовать совсем недавно. А если это так, то нет ничего удивительного и в другом предположении авторов: «Если милодон существовал во времена, когда в Патагонии поселились первые люди, то не содержалось ли это мирное травоядное, несмотря на свои размеры, ради мяса и шкуры, как домашнее животное?»

Однако если опираться на реальные факты, то, конечно, правы этнограф Ж. Амперер и бельгийский зоолог Бернар Хейвельманс, которые утверждают противоположное. Маловероятно, чтобы охотники на морского зверя и собиратели имели домашних животных. Уровень развития хозяйства огнеземельцев резко отличался от уровня земледельческо-скотоводческих индейских народов.

Читателю понятна романтическая приподнятость многих страниц книги. В ней авторы мастерски нарисовали и картины природы, и образы обитателей — бродячих тружеников, страдающих и обретающих в поте лица своего хлеб свой на «краю земли», среди бесчисленных «Мысов тоски», «Островов отчаяния», «Заливов печали». Но главное, что запечатлевается в сердце читателя, — горькая, несправедливая судьба индейцев — истинных хозяев этой земли, с которыми так жестоко расправились пришельцы, преследовавшие одну цель — быстрое обогащение.

Кандидат географических наук Б. В. Андрианов

Содержание

3	Краткое вступление к длительному путешествию
9	Уточнения
13	Пунта-Аренас
19	Патагонцы и огнеземельцы — в прошлом и настоящем
32	Шерсть — белое золото Патагонии
38	Черное золото Патагонии: мало угля и много нефти
43	Лесные пожарища
50	Один король и несколько принцев
64	«Микальви» и каналы
73	Морские кочевники
79	Остров Чилоэ и чилоты
90	Ультима Эсперанса
103	Между Огненной Землей и мысом Горн
113	На прощание
116	Краткий словарь специальных слов и выражений
122	Послесловие

Делаборд Ж., Лоофс Х.
НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Редактор А. Д. Шапошников
Оформление художника Б. Б. Страхова
Художественный редактор М. Н. Сергеева
Технический редактор В. Н. Корнилова
Корректор Л. Ф. Селютина

Сдано в набор 27 мая 1969 г. Подписано в печать 23 сентября 1969 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆, № 2. Усл. печатных листов 9,3 с вкл. Учетно-издательских листов 9,48 с вкл. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1. Цена 58 коп.

Издательство «Мысль», Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, М-54, Валовая, 28.

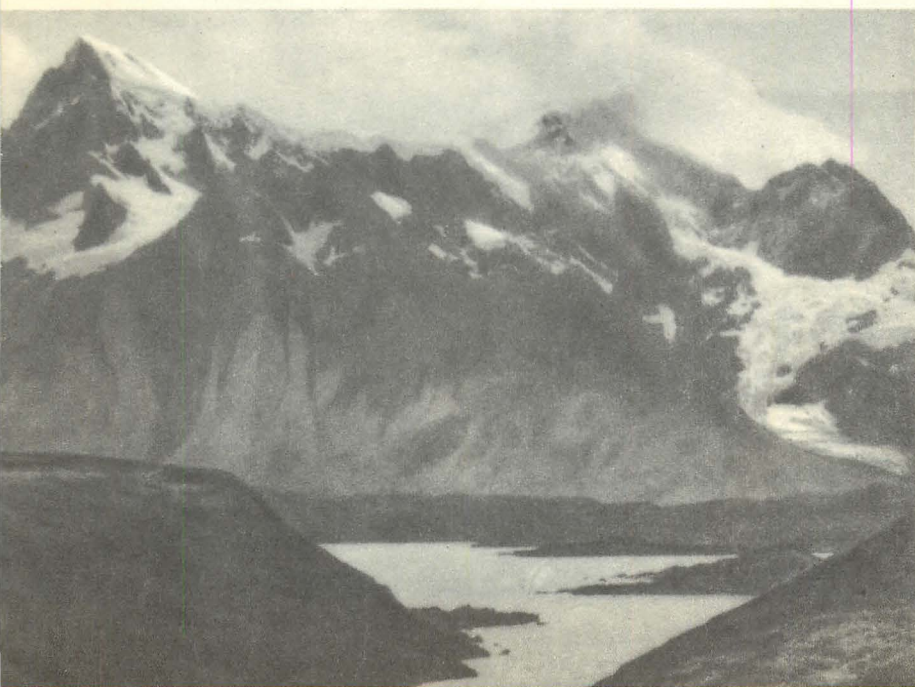
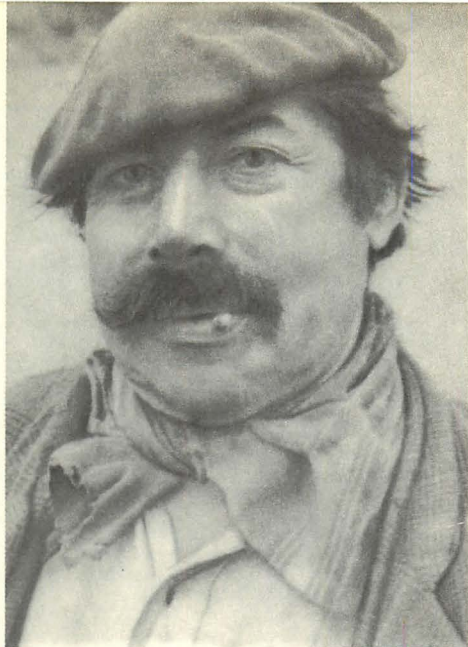
На фоне ледника цели Дарвина на канале Бигл, южнее Огненной Земли

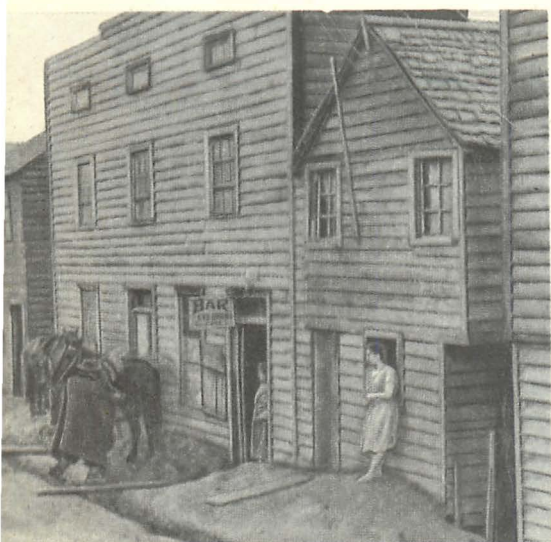
Чилоты на отдыхе

Часть массива Пайне с ледниковым
«озером»

Пайне. Последние высоты

«Бар единомышленников» в Кастро мог бы служить декорацией к кинофильму о диком Западе, если бы только поменьше сырости

Базар на Чилоэ. Посредине стола связки съедобных водорослей

Чилотские лесорубы в районе Рио-Бейкер. Несмотря на несколько дикий вид, они добродушны и даже немного застенчивы. Когда мы удивились их беретам, они сказали: «Что? Это же часть национальной чилотской одежды»

Улица в Кастро на острове Чилоэ в обычную для него погоду

В порту Кастро: всюду влага — на земле, воде, в воздухе и даже в бочках

Кастро — главный порт Чилоэ. Здесь не обойтись без резиновых сапог

Крестьяне с Чилоэ, как насквозь промокшие гигантские птицы, стоят перед банком в Кастро в ожидании открытия решетчатых дверей.

Пончо бывают весьма различных исполнений. Слева — простое, справа — модель-люкс с полосами и бантами, однако форма у всех одна

Индейцы алакалуф под-
плывают к борту судна на
лодках.

Возле маленькой девоч-
ки — корзиночка из камы-
ша, приготовленная для
обмена.

Вблизи маяка Сан-Педро.
Тольдо (хижины) племени
алакалуф в Пуэрто-Эдем.
Раньше хижины покрыва-
ли только шкурами тюле-
ней; сегодня для этого
используют все, что под-
вернется под руку: ста-
рые одеяла, выброшенные
пальто, куски непромокае-
мой ткани и иногда даже
шкуры. На переднем пла-
не лодка, выдолбленная из
целого ствола

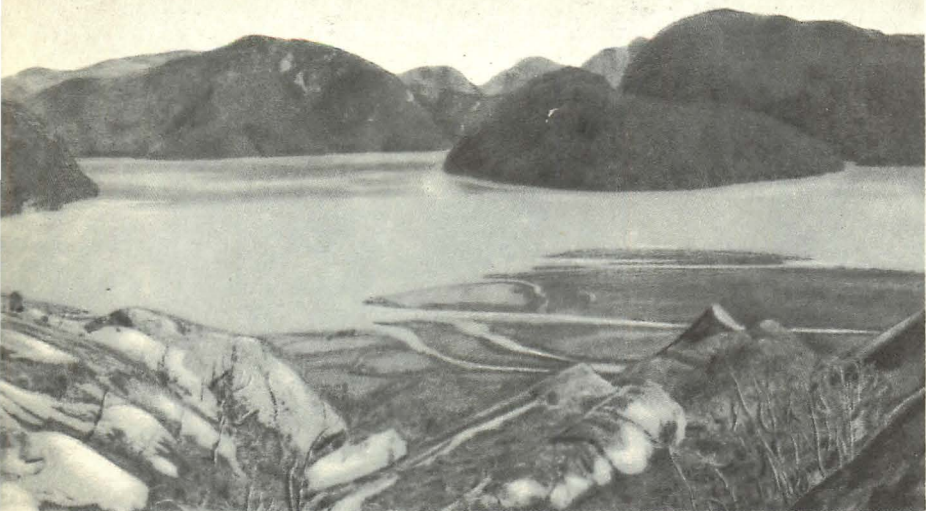
Индианка алакалуф смот-
рит из тольдо вниз на
воду, где на якоре стоит
служебное судно, которое
заберет трех больных ин-
дейцев. Как видно по от-
верстиям для застежек,
здесь для покрытия тольдо
еще применена шкура

В фиорде Бейкер.
Справа — дельта устья реки Бейкер.
Острова на заднем плане из-за непри-
годности для жизни совершенно необи-
таемы

Матросы чилийского военного флота на
погрузке бревен в Сено-Ейре

То же занятие в фиорде Паскуа

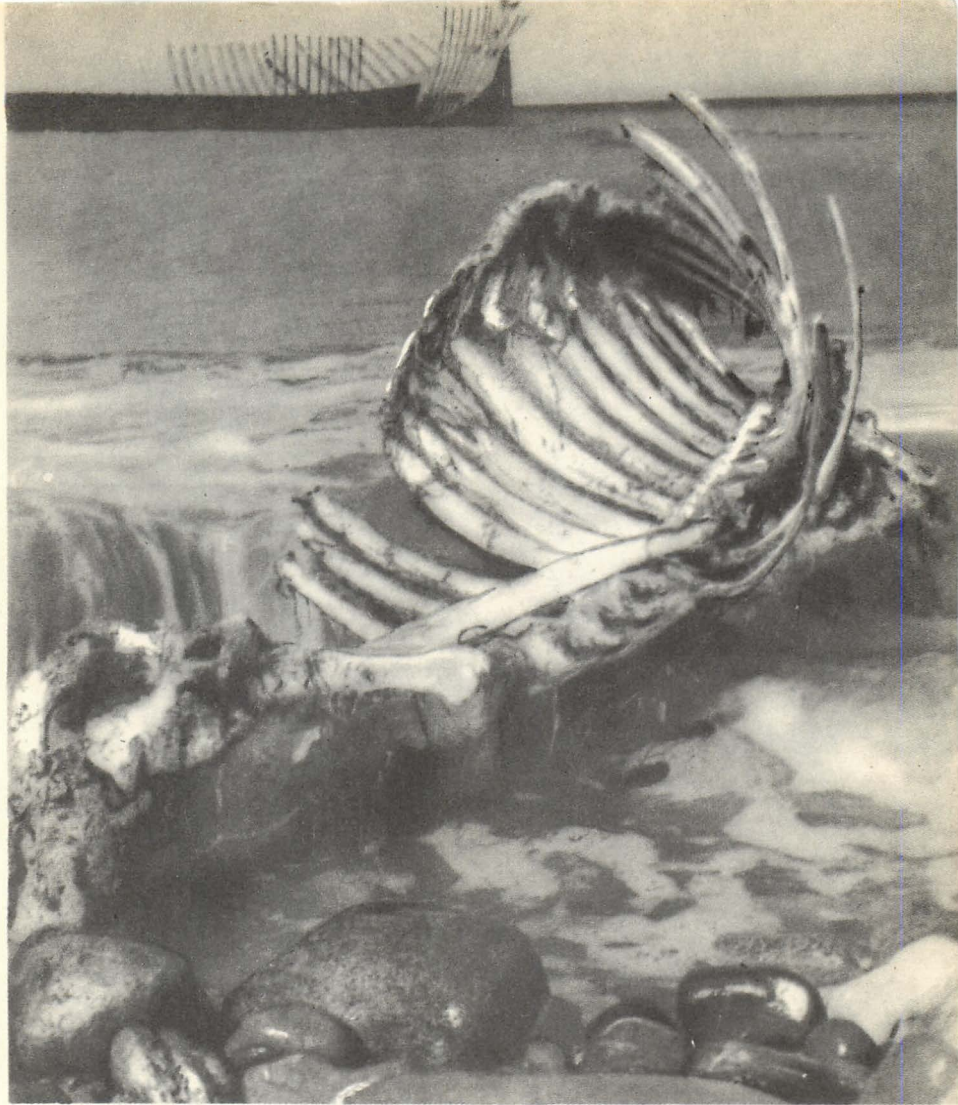

Погрузка коров в фиорде Бейкер на
ноев ковчег, он же пароход «Микаль-
ви»

Один из последних уже более или ме-
нее «цивилизованных» яганов; живет
на острове Наварино и время от време-
ни возвращается к кочевой жизни в
каналах. Отправляясь на охоту за тю-
ленями или выдрами, он складывает
свою палатку и грузит в лодку

На берегу Магелланова пролива близ
Пунта-Аренас
Скелет на суше и остов на море —
символическая картина на краю земли

«Compra — Venta» — «Купля — продажа». Чего? Неважно! Магазин в Пунта-Аренас

Во всем мире дети есть дети, только костюмы у них разные. Эти живут на острове Чилоэ

Церковь из гофрированных листов железа на северной окраине города Пунта-Аренас выглядит не очень торжественно и благолепно. Но, насколько я знаю, она уже перестала быть церковью и используется только как жилое и складское помещение

Им должен был лес уступить свое место. Овцы до самого горизонта

Что это? Арденны? Ипр? Верден? Или где-нибудь под Сталинградом? Ничего подобного, это мирный патогонский лес, где не было сделано ни единого выстрела, не упало ни одной бомбы. Лес на острове Риеско

Девственный лес у фиорда Бейкер
Вдоль побережья Магелланова пролива на многие мили тянется затопленный, сожженный лес, поражающий каждый раз новыми фантастическими формами, но вечно одинаковый в своей безотрадности.

Это отверстие похоже на глаз умирающего великана

Бурение скважины не такое легкое и безопасное дело, а холодный, влажный климат делает его малоприятным. Часто бурильщикам приходится стоять по колени в грязи и возиться с тяжелыми, раскачивающимися стальными трубами. На снимке буровая вышка в Трес Брасос, 10 км южнее Пунта-Аренас на патагонском берегу Магелланова пролива

Лес на берегу Скайринга
По форме напоминает картины Винчен-
та Ван-Гога или Густава Доре

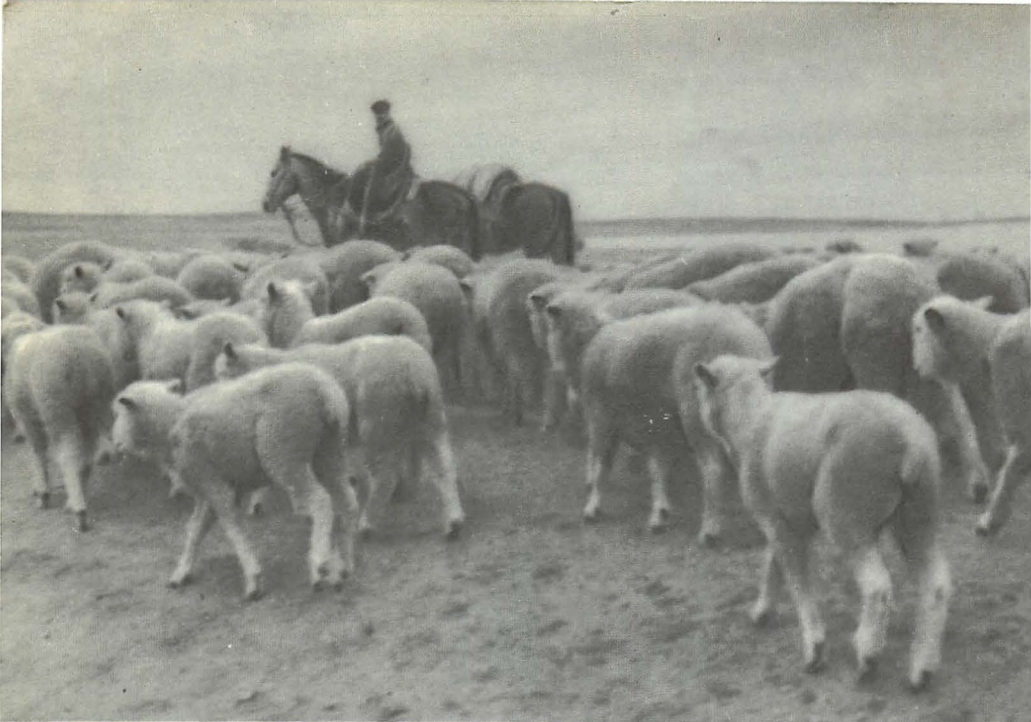
Результат тяжелого труда: шерсть, готовая к отправке.

Маленькие овцеводческие фермы собирают за стрижку одну-две кипы шерсти, самые большие эстансии — сотни кип

Часть современного нефтеперерабатывающего завода в Мананьялесе, на северном выступе большого острова Огненной Земли

Кочующее стадо овец на ночь загоняют внутрь ограждения
Лошади и собаки мирно стоят у изгороди и отдыхают после напряженного перехода

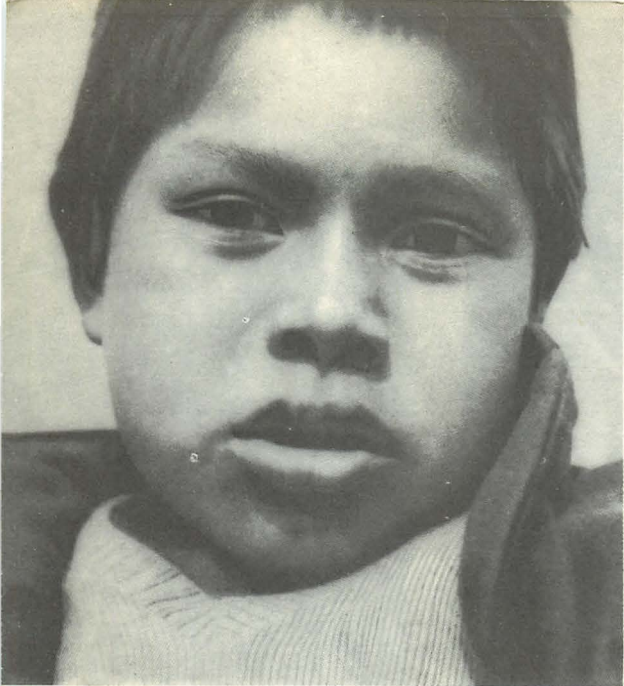

Только что остриженное стадо овец на берегу Магелланова пролива. На заднем плане Огненная Земля

Чилот за стрижкой овец. Уместен вопрос: кто больше нуждается в стрижке — овца или стригаль?

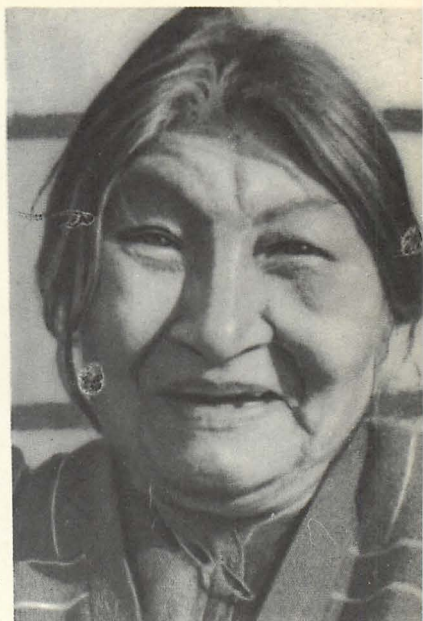
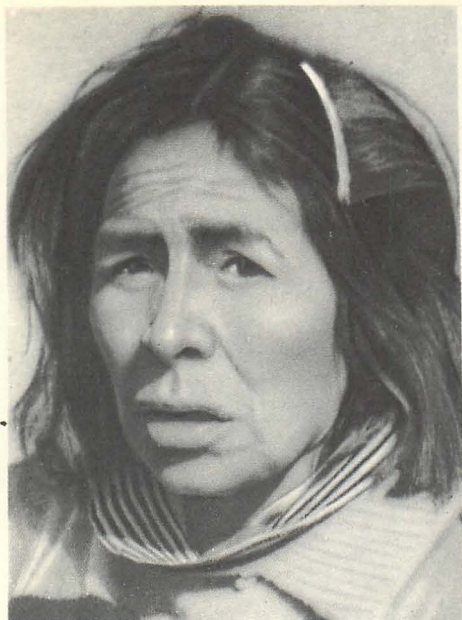

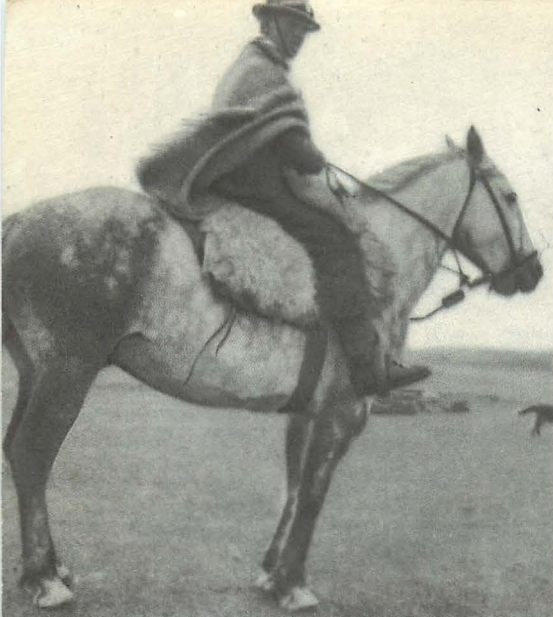
Индейско-чилотские метисы; вверху — лесоруб из фиорда Паскуа, внизу — мать с ребенком из фиорда Бейкер (прежде чем сняться, она попросила разрешения у своего мужа)

Еще рождаются индейские дети, но смертность новорожденных очень велика; кроме того, чистокровные индейские дети появляются на свет все реже

Вверху — маленький алакалуф, а внизу — малыш племени ягана, который выглядит так, будто находится на заседании наблюдательного совета!

Пастух-овцевод верхом на лошади и дети перед киноафишей в Пунта-Аренас
Мечты и действительность людей окраин

Люди, которые ушли: оставшиеся в живых индейские женщины; слева — племени алакалуф, справа — племени ягана

Люди, которые пришли: портовые рабочие Пунта-Аренас, люди на краю земли

В порту Пунта-Аренас Отсюда шерсть и замороженные бараньи туши направляются во все страны света, и через эту воронку проникает влияние внешнего мира на Патагонию и Огненную Землю

Летнее утро в Пунта-Аренас

Через несколько сот метров кончаются каменные дома и мощеные улицы.

Положение стоящих автомашин обманывает: как и во всей Америке, здесь правостороннее движение, но почти все улицы имеют одностороннее движение, и стоянка автомашин разрешается с обеих сторон

Calle Rosa (улица Рока) в Пунта-Аренас. Один из редких солнечных, но все же ветреных воскресных дней

Дом в Пунта-Аренас
Если человек выглядит столь затеря-
ным рядом с убогим творением своих
собственных рук, то каким же он ка-
жется на фоне природы?

Ж. ДЕЛАБОРД
Х. ЛООФС

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

~~58~~ коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

• МЫСЛЬ •

